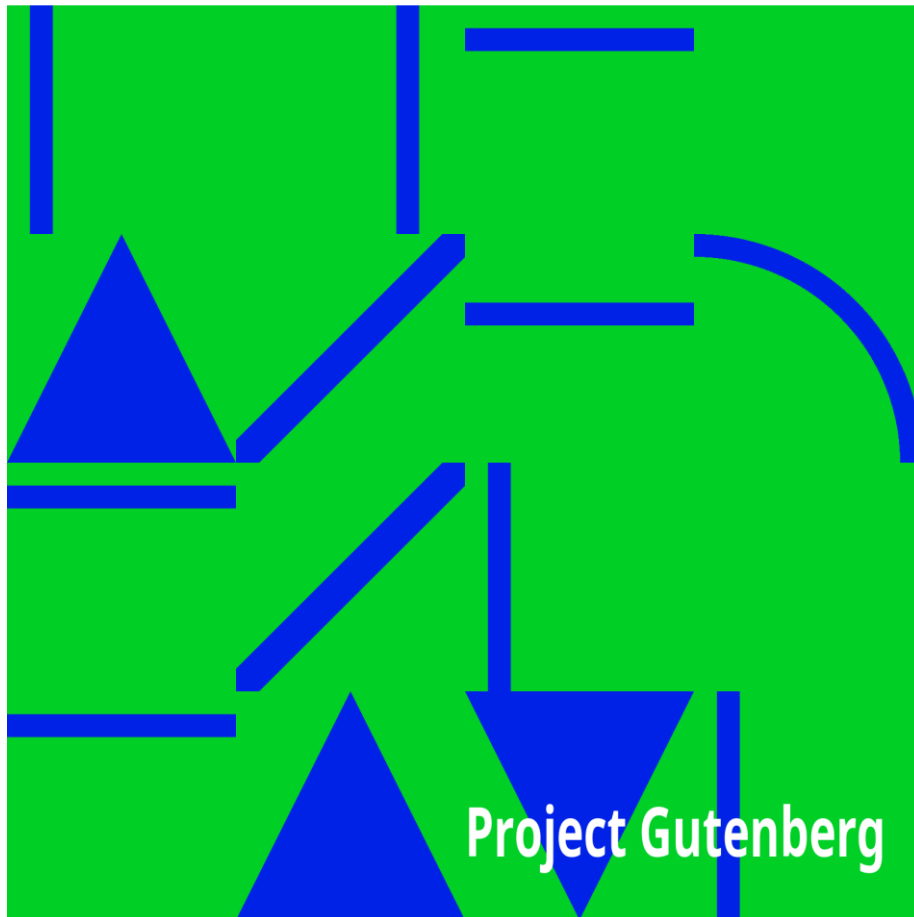

Древний Восток

Д. Г. Хогарт

The Ancient East

D. G. Hogarth

Электронная книга проекта Гутенберга по Древнему Востоку

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Древний Восток

Автор: Д. Г. Хогарт

Дата выхода: 1 февраля 2005 г. [Электронная книга №7474]

Последнее обновление: 12 февраля 2015 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсерами выступили Чарльз Фрэнкс, Джули Баркли и команда распространяемой онлайн-корректур....

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " ДРЕВНИЙ ВОСТОК" ***

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ ДОМАШНЕГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 92

Редакторы:

ГЕРБЕРТ ФИШЕР, магистр, Ф.Б.А.

ПРОФЕССОР. ГИЛБЕРТ МЮРРЕЙ, доктор литературы, магистр права, F.B.A.

проф. Дж. АРТУР ТОМСОН, магистр

проф. УИЛЬЯМ Т. БРЮСТЕР, магистр медицины

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

АВТОР Д. Г. ХОГАРТ, M.A., F.B.A., F.S.A.

ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ ЭШМОЛА В ОКСФОРДЕ; АВТОР КНИГ "ИОНИЯ И ВОСТОК", "БЛИЖНИЙ ВОСТОК" И ДР.

Содержание

ВВОДНЫЙ

На ВОСТОКЕ В 1000 году До н. э.

II ВОСТОК В 800 году До н. э.

III ВОСТОК В 600 ГОДУ До н. э.

IV ВОСТОК В 400 году До н. э.

V ПОБЕДА ЗАПАДА

VI ЭПИЛОГ

ПРИМЕЧАНИЕ О КНИГАХ

СПИСОК КАРТ

1. РЕГИОН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
2. АЗИАТСКАЯ ИМПЕРИЯ ЕГИПЕТ. ВРЕМЕННЫЙ ПРАВИТЕЛЬ. АМЕНХОТЕП III
3. ИМПЕРИЯ ХАТТИ В ЕЕ НАИБОЛЬШЕМ МАСШТАБЕ. НАЧАЛО 13 века До н.э.
4. АССИРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ЕЕ НАИВЫСШЕМ ПРОЯВЛЕНИИ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АШШУРБАНИПАЛА
5. ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ (ЗАПАД) В ЕЕ НАИБОЛЬШЕМ МАСШТАБЕ. ТЕМП. DARIUS HYSTASPIS
6. ЭЛЛИНИЗМ В АЗИИ. ОКОЛО 150 г. до н.э.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

ВВОДНЫЙ

Название этой книги нуждается в пояснении, поскольку каждый из содержащихся в ней терминов может быть законно использован для обозначения более чем одной концепции как времени, так и места. Понятие "Восток" в наши дни понимается широко и расплывчато и включает весь континент и острова Азии, некоторую часть Африки - северную часть, где общество и условия жизни больше всего похожи на азиатские, - а также некоторые регионы Юго-Восточной и Восточноевропейской. Поэтому может показаться произвольным ограничивать его в настоящей книге Западной Азией. Но уточняющий термин в моем названии должен быть использован в качестве обоснования. Я имею дело с Востоком не сегодняшнего дня, а античности, и поэтому я утверждаю, что вполне разумно понимать под "Востоком" то, что в древности европейские историки понимали под этим термином. Для Геродота и современных ему греков Египет, Аравия и Индия были Югом; Фракия и Скифия были Севером; а здесь Азия была Востоком, ибо они не представляли себе ничего дальше, кроме легендарного течения Океана. Можно также сослаться на то, что мое ограничение, хотя и не является само по себе произвольным, фактически устраняет неизбежное в противном случае обязательство установить произвольные границы на Востоке. Ибо термин, используемый в наше время, подразумевает географическую область, характеризующуюся обществом определенного общего типа, и в соответствии со своим мнением об этом типе каждый человек, который думает или пишет о Востоке, расширяет или сужает свою географическую зону.

Сложнее обосновать ограничение, которое будет наложено в следующих главах на слово "Древний". Этот термин используется еще более расплывчато и по-разному, чем другой. Если обычно оно означает противоположность слову "Современный", то в некоторых случаях, и особенно при изучении истории, под Современным обычно понимают не то, что оно начинается там, где заканчивалось Древнее, а только сравнительно Недавнее. Например, в истории нечетко определенный период, называемый Средними и Темными веками, делает значительный перерыв, прежде чем в процессе ретроспективного анализа мы возвращаемся к цивилизации, которую (по крайней мере, в Европе) мы обычно считаем Древней. Опять же, в истории мы обычно различаем две области в пределах несомненной области Древнего, Доисторическую и Историческую, первая включает в себя все время, к которому человеческая память, как сообщается в сохранившейся литературе, не относилась или, по крайней мере, не была сознательной, последовательной и достоверной. В то же время это не подразумевает, что мы можем вообще ничего не знать о доисторической провинции. Она может быть нам даже лучше известна, чем исторические части, благодаря верному выводу из археологических свидетельств. Но то, что мы узнаем из археологических записей, является летописным, а не историческим, поскольку такие записи не прошли через преобразующее горнило человеческого разума, который рассуждает о событиях как о следствиях причин. Однако граница между доисторическим и историческим слишком сильно зависит от субъективизма отдельных историков и слишком склонна меняться в зависимости от хода исследований, чтобы быть фиксированным моментом. Она также не может быть одинаковой для всех цивилизаций.

Что касается Египта, например, то у нас есть совокупность литературных традиций, которые с полным основанием можно назвать историческими, относящимися ко времени гораздо более раннему, чем это известно уважаемой литературной традиции Элама и Вавилонии, хотя их цивилизации, вероятно, были старше египетской.

Что касается Древнего Востока в том виде, в каком он понимается здесь, то мы обладаем двумя корпусами исторической литературной традиции, и только двумя, греческой и древнееврейской; и, как это бывает, обе (хотя каждая независима от другой) теряют последовательность и достоверность, когда имеют дело с историей до 1000 г. до н.э. Более того, проф. Майрес осветил доисторический период на Востоке в своей блестящей книге *"На заре истории"*. Следовательно, в любом случае, рассматривая исторический период, я освобожден от необходимости оглядываться назад более чем на тысячу лет до нашей эры. Не столь очевидно, на чем я могу остановиться. Свержение Персии Александром, завершающее длительный этап светского противостояния, описать который является моей главной задачей, знаменует эпоху более отчетливо, чем любое другое отдельное событие в истории Древнего Востока. Но есть серьезные возражения против того, чтобы резко прервать работу в этот день. Читатель вряд ли сможет закрыть книгу, которая заканчивается на этом, с каким-либо иным впечатлением, кроме того, что с тех пор, как грек положил Восток под свои ноги, история столетий, которые еще должны пройти, прежде чем Рим захватит Азию, будет просто историей Греции, написанной в целом - историей Великой Греции, которая распространилась на древний Восток и заставила его утратить свое отличие от древнего Запада. Однако это впечатление никоим образом не совпадает с исторической правдой. Македонское завоевание Передней Азии было победой, одержанной людьми греческой цивилизации, но лишь в очень частичной степени победой этой цивилизации. Запад не ассимилировал Восток, за исключением очень малой степени тогда, и не ассимилировал его в какой-либо очень большой степени по сей день. По определенным причинам, среди которых некоторые географические факты - большая доля степей-пустынь и человеческий тип, который порождает эта страна, - являются, пожалуй, наиболее весомыми, Восток упрямо невосприимчив к западным влияниям и не раз брал в плен своих захватчиков. Поэтому, хотя ради удобства и во избежание запутывания в очень плохо известном лабиринте того, что называется "эллинистической" историей, я не буду пытаться проследить последовательный ход событий после 330 года до н.э., я предлагаю добавить эпилог, который, возможно, подготовит читателей к тому, что должно было произойти в Западной Азии после христианской эры, и позволит им понять, в частности, религиозное завоевание Запада Востоком. Это был более важный факт в мировой истории, чем любое политическое завоевание Востока Западом.

В дальнейшей надежде дать читателям возможность сохранить ясное представление об эволюции истории, я принял план наблюдения за областью, которая здесь называется Востоком, через определенные промежутки времени, вместо альтернативного и более обычного плана последовательного рассмотрения событий в каждой части этой области. Таким образом, без повторений и дублирования можно ожидать передачи ощущения истории всего Востока как суммы историй отдельных частей. Случаи, по которым будут проводиться опросы, являются чисто произвольными хронологическими точками с интервалом в два столетия. 1000, 800, 600, 400 годы до нашей эры ни в одном из них не отмечены известными событиями того рода, который называется эпохальным; и круглые числа не были выбраны для обозначения

какого-либо особого исторического значения. С таким же успехом это могли быть 1001, 801 и так далее или любые другие даты, разделенные равными интервалами. Меньше всего стоит придавать какое-либо таинственное значение тысячелетней дате, с которой я начинаю. Но это удобная отправная точка не только по уже указанной причине, что греческая литературная память - единственное литературное воспоминание об античности, имеющее какое-либо значение для ранней истории, - восходит примерно к этой дате; но также и потому, что 1000 год до нашей эры приходится на период беспорядков, в течение которого определенные расовые элементы и группы, которым суждено было оказать преобладающее влияние на последующую историю, обосновывались в своих исторических домах.

Движение народов на запад и юг, вызванное каким-то неясным давлением с северо-запада и северо-востока, которое беспокоило восточную и центральную Малую Азию более столетия и, по-видимому, положило конец господству каппадокийских хатти, затихало, оставляя западный полуостров раздробленным на небольшие княжества. Косвенно то же самое движение привело к аналогичному результату в северной Сирии. Еще более важное перемещение иранских народов с дальнего Востока завершилось слиянием двух значительных социальных групп, каждая из которых содержала зародыши более высокого развития, на северо-восточной окраине старой месопотамской сферы влияния. Это были Медик и Перс. Немногим ранее период беспорядков в сирийских и аравийских пустынях, отмеченный периодическими вторжениями кочевников на западные окраины, закончился образованием новых семитских государств во всех частях Сирии от Шамала на крайнем северо-западе (возможно, даже от Киликии за Аманом) до Хамата, Дамаска и Палестины. Наконец, есть оправдание тому, что мы не пытаемся отодвинуть историю Азиатского Востока намного дальше 1000 года до н.э. - что до этой даты не существовало ничего похожего на надежную хронологическую основу. Точная датировка событий в Западной Азии начинается ближе к концу десятого века с ассирийских списков эпонимов, то есть ежегодных списков главных должностных лиц; в то время как для Вавилонии определенная хронология существует почти двести лет спустя. В еврейской истории четкая хронологическая основа не достигнута до тех пор, пока сами ассирийские летописи не начнут затрагивать ее во времена правления Ахава над Израилем. Для всех других социальных групп и государств Западной Азии нам приходится полагаться на более или менее свободные и логически выводимые синхронизации с ассирийской, вавилонской или древнееврейской хронологией, за исключением некоторых редких событий, даты которых могут быть выведены из инопланетных историй Египта и Греции.

Территория, социальное состояние которой мы будем рассматривать в 1000 году до н.э. и периодически пересматривать повторно, включает Западную Азию, ограниченную на восток воображаемой линией, проведенной от устья Персидского залива до Каспийского моря. Эта линия, однако, не должна быть проведена строго прямолинейно, а скорее должна описывать неглубокий внешний изгиб, чтобы охватить на Древнем Востоке всю Азию, расположенную по эту сторону соляных пустынь центральной Персии. Эта территория ограничена морями с трех сторон и пустыней с четвертой. Внутри она разделена примерно на шесть подразделений либо из-за необычно четких географических границ, либо из-за больших различий географического характера. Эти подразделения следующие:

(1) Западный полуостровный выступ, ограниченный морями с трех сторон и отделенный от остальной части континента высокими и очень широкими горными массивами, который был назван, вполне уместно, *Малой Азией*, поскольку он во многих отношениях отражает общие характеристики континента. (2) Запутанный горный регион, занимающий почти всю остальную северную часть области и резко отличающийся по своему характеру не только от плоскогорий Малой Азии на западе, но и от великих равнин степного характера, лежащих на юге, севере и востоке. У этого, возможно, никогда не было единого названия, хотя большая его часть в разные эпохи включалась в "Урарту" (Арарат), "Армению" или "Курдистан"; но для удобства мы будем называть это *Арменией*. (3) Узкий пояс, идущий к югу от обоих бывших подразделений и отличающийся от них гораздо более низкой общей высотой. Ограниченная на западе морем, а на юге и востоке широкими полосами пустыни, она, по крайней мере, со времен Греции, была широко известна как *Сирия*. (4) Большой южный полуостров, по большей части пустынный, лежащий высоко и окаймленный песками со стороны суши, который с древности назывался *Аравией*. (5) Широкий тракт, простирающийся вглубь континента между Арменией и Аравией и содержащий средний и нижний бассейны рек-близнецов, Евфрата и Тигра, которые, поднимаясь в Армении, осушают большую часть всей территории. Поверхность его разнообразна, от сплошной пустыни на западе и в центре до большого плодородия в восточных частях; но до тех пор, пока он не начнет подниматься на север к границе "Армении" и на восток к границе шестого отдела, который будет описан ниже, он сохраняет в целом низкую высоту. Ни одно общее название никогда не включало все его части, как междуречье, так и районы за Тигром; но поскольку термин *Месопотамия*, хотя и очевидно неправильный, в настоящее время обычно используется для его обозначения, это название может быть использовано за неимением лучшего. (6) Высокое плато, отгороженное от Месопотамии и Армении высокими горными цепями и простирающееся до пустынных пределов Древнего Востока. Этому региону, хотя он включает в себя только западную часть того, что следует понимать под *Ираном*, это название может быть присвоено "без предубеждения".

Таблица 1: РЕГИОН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

ГЛАВА I

ВОСТОК В 1000 ГОДУ До н. э.

В 1000 году до н.э. Западная Азия представляла собой мозаику небольших государств и, насколько нам известно, не содержала имперской власти, обладающей широким владычеством над чужеземцами. Редко за всю свою историю это можно было так описать. С тех пор как он стал преимущественно семитским, более чем за тысячу лет до нашего исследования, он находился под одновременным или последовательным господством, осуществлявшимся по крайней мере из трех регионов внутри него и из одного снаружи.

РАЗДЕЛ 1. ВАВИЛОНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Самым ранним из этих центров силы, создавших иностранную империю, было также суждено, после многих превратностей, удержаться последним, потому что природа лучше всего приспособила его для восстановления тех потерь, которые влечет за собой империя. Это был регион, который позже станет известен как Вавилония по названию города, который в исторические времена доминировал в нем, но, как мы теперь знаем, не был ни ранним центром власти, ни родоначальником его самобытной местной цивилизации. Эта честь, если и

принадлежит какому-либо одному городу, то следует отдать должное Уру, который также был первой и единственной по-настоящему "вавилонской" империей. Первенство Вавилонии было делом рук не ее коренного шумерского населения, создателей того, что было наивысшим в местной культуре, а семитских пришельцев из сравнительно варварского региона; и опять же, это было делом рук не самых ранних из этих пришельцев (если мы последуем за теми, кто сейчас отрицает, что владычество Саргона Аккадского и его сына Нарамсина когда-либо простиралось за пределы нижних бассейнов рек-близнецов), а народов, пришедших со второй серией семитских волн. Они хлынули из Аравии, вечной родины энергичных мигрантов, в средние века третьего тысячелетия до нашей эры. В то время как эта миграция наводнила Южную Сирию "хананеями", она в конечном итоге дала Египту гиксосов, или "царей-пастухов", Ассирии - ее постоянное семитское население, а Шумеру и Аккаду - то, что более поздние хронисты называли Первой вавилонской династией. Поскольку, однако, у этих пришельцев-семитов не было собственной цивилизации, сравнимой ни с современной египетской, ни с шумерской (давным-давно перенятой более ранними иммигрантами-семитами), они неизбежно и быстро ассимилировали обе эти цивилизации по мере их расселения.

В то же время они не утратили, по крайней мере в Месопотамии, которая уже была наполовину семитизированной, определенных идей и инстинктов бедави, которые глубоко повлияли на их последующую историю. Из них наиболее важной исторически была религиозная идея, которую, за неимением лучшего термина, можно назвать супермонотеизмом. Часто встречающийся у кочующих народов и способный долго выживать в их кочевой фазе, он заключается в вере в то, что, сколько бы ни было племенных местных богов, существует одно верховное божество, которое не только единственно и неделимо, но и обитает в одном месте, единственное на земле. Его жилого помещения может быть изменен путем перемещения его людей массово, но и не меньше; и он не может иметь никакого реального конкурента в борьбе за верховную власть. Тот факт, что верховный Бог-Отец семитов прошел через эту массовую миграцию *en masse*, чтобы поселиться в Вавилоне, а не в каком-либо другом городе обширных земель, недавно оккупированных, заставил этот город сохранять на протяжении многих веков, несмотря на социальные и политические изменения, доминирующее положение, мало чем отличающееся от того, которое занимал Священный Рим от средневековья до современности.

Во-вторых, арабы принесли с собой свой извечный инстинкт беспокойства. Эта привычка также склонна сохраняться в оседлом обществе, находя удовлетворение в ежегодном обращении к жизни в палатке или хижине и в ежегодных хищнических вылазках. Обычай раззии, или летнего набега, который до сих пор является обязательным в Аравии для всех сильных и одухотворенных людей, был в равной степени почитаем в древнем семитском мире. Предпринятый как нечто само собой разумеющееся, независимо от того, был ли он спровоцирован или нет, он был источником и постоянной пружиной тех ежегодных походов к границам, о которых тщеславно повествуют царские ассирийские памятники, исключая почти всю остальную информацию. Кедрлаомер, Амрафель и три других царя выполняли свои ежегодные обязательства в долине Иордана, когда еврейская традиция считала, что они встретились с Авраамом; и если, как кажется согласованным, Амрафелем был сам Хаммурапи, эта традиция доказывает, что обычай раззии прочно утвердился при Первой вавилонской династии.

Более того, тот факт, что эти ежегодные кампании вавилонских и ассирийских царей были просто бедави-раззиями, высокоорганизованными и имевшими большой масштаб, следует иметь в виду, когда мы говорим о семитских "империях", чтобы не думать слишком

территориально. До позднего периода ассирийской истории семитские правители не устанавливали постоянной организации территориального владычества в чужих частях. Более ранние семитские повелители, то есть все, кто предшествовал Ашшурнацирпалу Ассирийскому, совершали набеги с целью грабежа, нападения, уничтожения или получения платы за покорность, и, достигнув своих целей, возвращались, не устанавливая постоянных гарнизонов из своих собственных последователей, постоянных наместников или даже постоянного бремени данников, чтобы помешать пораженному врагу вернуться на свой путь, пока не придет его очередь снова подвергнуться набегу. Имперский шантажист, возможно, оставил запись о своем присутствии и доблести на чужих скалах, которую можно было с риском для жизни стереть, когда он поворачивался спиной; но в остальном это было всего лишь злое воспоминание. Следовательно, ранневавилонская и раннеассирийская "империя" территориально означала не более чем географическую область, на территорию которой император мог совершать набеги, не встречая эффективного сопротивления.

Тем не менее, такие постоянные широкомасштабные набеги неизбежно приносили некоторые плоды империи, и по их плодам, а не по записям мы с уверенностью знаем, как далеко Вавилонская империя дала о себе знать. Лучшими свидетелями его далеко идущего влияния являются, во-первых, вавилонский элемент в хеттском искусстве далекой Малой Азии, который с самого начала (насколько нам известно, т. е. по крайней мере с 1500 г. до н.э.) показывает, что местные художники вряд ли были способны реализовать какие-либо местные идеи без помощи семитских образцов; и, во-вторых, использование вавилонской письменности и языка и даже вавилонских книг правящими классами Малой Азии и Сирии в несколько более позднее время. То, что губернаторы сирийских городов должны были писать свои официальные послания фараонам Восемнадцатой династии вавилонской клинописью (как показывают архивы, найденные в Амарне в Верхнем Египте двадцать лет назад), уже стало настолько убедительным доказательством раннего и долго сохранявшегося вавилонского влияния, что более недавнее открытие, что хеттские правители Каппадокии использовали ту же письменность и язык в дипломатических целях, вряд ли нас удивило.

Уже говорилось, что Вавилония была регионом настолько богатым и в остальном удачливым, что империя пришла в нее раньше и осталась позже, чем в других западноазиатских землях, которые вообще когда-либо ею пользовались. Когда мы приступим к нашему обзору Западной Азии в 400 году до н.э., мы увидим, что император все еще правил ею с трона, установленного в нижнем бассейне Тигра, хотя на самом деле и не в Вавилоне. Но по определенным причинам Вавилонская империя никогда не просуществовала сколько-нибудь длительный период непрерывно. Коренные жители Аккада и шумеры были оседлыми, культурными и домашними людьми, в то время как создание Вавилонской империи было делом рук более энергичных захватчиков. Им, однако, приходилось опасаться не только недостаточного сочувствия своих собственных подданных-аборигенов, которые снова и снова собирали свои угрюмые силы в "Приморской стране" у истоков Персидского залива и нападали на господствующих семитов с тыла, но и вторжений новых пришельцев, ибо Вавилония необычайно открыта со всех сторон. Соответственно, восстания народа "Страны моря", нашествие орд из Аравии, спуск воинов-горцев с пограничных холмов Элама на юго-восточной окраине бассейна реки Тигр, давление со стороны народов более оживленных земель в верховьях Евфрата и Тигра - одна или более подобных опасностей когда-либо подстерегала имперский Вавилон и низвергала его снова и снова. Великое нашествие налетчиков-хатти с севера около 1800 года до нашей эры, по-видимому, положило конец имперскому владычеству Первой династии. После их отступления

Вавилония, попавшая в слабые руки местных жителей, стала жертвой ряда вторжений с Касситских гор за Эламом, из самого Элама, от растущего семитского могущества Ашшура, бывшего вассала Вавилона, от хеттской империи, основанной в Каппадокии около 1500 г. до н.э., от новой волны арабского вторжения, которая известна как арамейская, и от еще одной следующей за ней, которую обычно называют халдейской; и только почти к концу двенадцатого века один из этих вторгшихся элементов достиг достаточной независимости и безопасности. владения, чтобы снова начать превращать Вавилонию во владычицу иностранной империи. В то время первый Навуходоносор, часть летописей которого была восстановлена, по-видимому, установил господство в какой-то части Средиземноморской Азии - *Марту*, Западной Земле; но эта империя снова погибла вместе со своим создателем. К 1000 году до нашей эры Вавилон снова был небольшим государством, разделенным между собой и которому угрожали соперники на востоке и севере.

РАЗДЕЛ 2. АЗИАТСКАЯ ИМПЕРИЯ ЕГИПЕТ

Однако в течение длительного промежутка времени после падения Первой Вавилонской династии Западная Азия не оставалась без хозяев. В ее границах росли и угасали три другие имперские державы, одной из которых позже было суждено второе расширение. Самые ранние из них, появившиеся на сцене, установили имперское владычество такого рода, которое мы не увидим снова, пока Азия не перейдет к грекам; ибо оно было установлено в Азии неазиатской державой. В первые годы пятнадцатого века фараон сильной восемнадцатой династии Тутмос III, захвативший почти всю Сирию вплоть до Кархемиша на Евфрате, основал в южной части этой страны имперскую организацию, которая на время превратила его завоевания в зависимые провинции Египта. Об этом факте у нас есть полные свидетельства в архивах династических преемников Тутмоса, найденных Флиндерсом Петри в Амарне; поскольку они включают множество отчетов официальных лиц и князей-клиентов из Палестины и Финикии.

Если, однако, слово "империя" следует применять (как на самом деле мы применяли его в отношении ранней Вавилонии) к сфере обычных набегов, где исключительное право одной державы на грабеж признается неявно или явно подвергшимися набегу и окружающими народами, то эта "Империя" Египта должна быть отодвинута почти на сто лет назад до Тутмоса III, а также иметь более широкие границы, чем у южной Сирии. Вторжения в семитскую Сирию вплоть до Евфрата впервые были осуществлены фараонами в начале шестнадцатого века как продолжение падения власти семитских "гиксосов" в Египте. Это были войны отчасти из мести, отчасти из-за естественной экспансии Египта на соседнюю плодородную территорию, которая наконец открылась и на которую не претендовала никакая другая имперская держава, пока слабые касситы правили Вавилоном, а независимость Ассирии находилась в зачаточном состоянии. Но более ранние египетские армии, похоже, отправились в Сирию просто для опустошения и шантажа. Они избегали всех огороженных мест и вернулись к Нилу, не оставив никого удерживать разоренную территорию. Ни один фараон до прихода преемницы царицы Хатшепсут не признавал Палестину и Финикию своими. Именно Тутмос III первым взял под контроль такие крепости, как Мегиддо, и занял сирийские города вплоть до Арвада на побережье и почти до Кадеша в глубине страны - он, который с помощью нескольких фортов, укомплектованных, возможно, египетскими или нубийскими войсками и, безусловно, в некоторых случаях наемниками, набранными с островов и побережий Средиземного моря, настолько внушал туземным вождям страх перед самим собой, что они регулярно платили дань

его сборщикам и навязывали мир в Египте всем без исключения евреям и амореям, которые могли попытаться совершить набег с востока или севера.

Однако в верхней Сирии он и его преемники, по-видимому, предприняли немногим больше, чем Тутмос I, то есть периодически совершали вооруженные походы по плодородным районам, то тут, то там захватывая города, но по большей части прибегая только к шантажу. В некоторые укрепленные места, такие как Кадеш, вполне вероятно, они вообще никогда не входили. Их набеги, однако, были частыми и достаточно эффективными, чтобы вся Сирия стала рассматриваться окружающими царями и приближенными как египетская сфера влияния, в пределах которой было лучше всего признать права фараона и умиротворить его своевременными подарками. Так думали и действовали цари Митанни за Евфратом, цари Хатти за Тавром и далекие иранцы из династии Касситов в Вавилонии.

До последних лет правления третьего преемника Тутмоса, Аменхотепа III, правившего в конце пятнадцатого века и первой четверти четырнадцатого, в Египте соблюдался мир и уважались притязания фараона на Сирию. Более того, по-видимому, был проведен интересный эксперимент, направленный на усиление контроля Египта над своей зарубежной провинцией. Молодых сирийских принцев привозили для получения образования на берега Нила в надежде, что, вернувшись домой, они станут верными наместниками фараона: но этот эксперимент, по-видимому, в конечном итоге дал не лучший эффект, чем аналогичные эксперименты, опробованные впоследствии имперскими народами, от римлян до нас.

Рисунок 2: АЗИАТСКАЯ ИМПЕРИЯ ЕГИПЕТ. ВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД. АМЕНХОТЕП III

Дальше этой концепции имперской организации египтяне так и не продвинулись. Ни об эффективной военной оккупации, ни об эффективном управлении Сирией египетским военным или гражданским персоналом даже не думали. Следы культурного влияния Египта на сирийскую цивилизацию того времени (насколько раскопки выявили ее остатки) немногочисленны; и мы должны заключить, что число настоящих египтян, которые проживали в азиатской провинции или даже проезжали через нее, было очень небольшим. Не склонные к приключениям по натуре и не склонные заниматься внешней торговлей, нилоты удовлетворились тем, что оставили Сирию в чужих руках, так что они извлекали из этого некоторую прибыль. Следовательно, требовалось только появление какого-нибудь энергичного и многочисленного племени в самой провинции или какой-нибудь алчной державы на ее границах, чтобы покончить с такой империей. И то, и другое появилось еще до смерти Аменхотепа - амореи в средней Сирии и недавно укрепившаяся держава хатти на границах севера. Неизбежный кризис не был встречен его сыном, знаменитым Эхнатомом, без каких-либо новых мер, и к середине четырнадцатого века иностранная империя Египет распалась, превратившись всего лишь в сферу влияния в самой южной Палестине, просуществовав, к лучшему или к худшему, менее двухсот лет. Она действительно была возрождена королями сменившей ее династии, но имела еще меньше шансов на долговечность, чем в прежние времена. Рамсес II, разделив ее к своему большому ущербу с царем хатти по Договору, положения которого известны нам из сохранившихся документов обеих сторон, признал бессилие Египта удовлетворить любые оспариваемые претензии; и к концу XIII века рука фараона была отнята от Азии, даже от этого древнего удела Египта, полуострова Синай. Некоторые последующие египетские цари совершали набеги на Сирию, но ни один из них не смог или не очень хотел основать там постоянную Империю.

РАЗДЕЛ 3. ИМПЕРИЯ ХАТТИ

Рисунок 3: ИМПЕРИЯ ХАТТИ В ЕЕ НАИБОЛЬШЕМ МАСШТАБЕ. НАЧАЛО 13 века До н.э.

Империя, которая оттеснила египтян, является предпоследней, которую мы должны рассматривать до 1000 г. до н.э. Давно известно, что хетты, которых египтяне по-разному называли *хета*, а семиты и они сами - *хеты* или *хатти*, превратились в державу в самой западной Азии, по крайней мере, еще в пятнадцатом веке; но только после того, как в 1907 году в Богазкеи на севере Каппадокии были обнаружены их клинописные архивы, имперский характер их власти, центр из которого оно было извлечено, и стала ясна преемственность правителей, владевших им. Следует помнить, что великий набег хатти положил конец имперскому господству Первой Вавилонской династии около 1800 года до н.э. Откуда пришли эти налетчики, нам еще предстоит узнать. Но, поскольку народ хатти, достаточно хорошо организованный, чтобы вторгаться, завоевывать и насаждать свои гарнизоны и (что гораздо важнее) свою особую цивилизацию на отдаленных территориях, обосновался в Богазкеи (лучше всего использовать это современное название, пока не будет больше уверенности в древнем) в пятнадцатом веке, мы можем обоснованно полагать, что Восточная Малая Азия была родиной хатти тремя столетиями ранее. Как имперская держава они входят в историю с царем, которого в его собственных архивах называют Суббилулиума (но в египетских записях - Сапарару), и они исчезают менее чем через два столетия. Северная половина Сирии, северная Месопотамия и, вероятно, почти вся Малая Азия были завоеваны хатти до 1350 г. до н.э. и стали их данниками; Египет был вытеснен из Азии; семитские поселения на реках-близнецах и племена в пустыне были вынуждены проявлять почтение или защищаться. Полтора столетия спустя хатти вернулись во тьму, еще более глубокую, чем та, из которой они вышли. Последним королем Богазкеи, из архивов которого сохранилась хоть какая-то часть, является некто Арнаунта, правивший в конце тринадцатого века. Вполне возможно, что у него были преемники, документы которых еще можно найти; но, с другой стороны, мы знаем из ассирийских летописей, датированных немногим позже, что народ, возможно, родственник хатти и, безусловно, цивилизованный ими, но называемый другим именем, мушкая или Mushki (позже мы назовем их подробнее), захватил большую часть, если не все, царство хатти к середине двенадцатого века. И поскольку, более того, раскопанные руины как в Богазкеи, столице хатти, так и в Кархемише, их главной южной зависимости, обнаруживают безошибочные признаки разрушения и последующей общей реконструкции, которые на основании археологических данных должны быть датированы не намного позже времен Арнауны, представляется вероятным, что история империи хатти завершилась с этим царем. Что случилось впоследствии с уцелевшими отрядами этого некогда имперского народа и с другими общинами, столь близкими по крови или цивилизации, что ассирийцы, говоря в целом о западных врагах или подданных, долгое время продолжали называть их хатти, мы рассмотрим позже.

РАЗДЕЛ 4. РАННЯЯ АССИРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Остается Ассирия, которая до 1000 года до н.э. дважды завоевывала империю того же типа, что и та, что приписывается Первой Вавилонской династии, и дважды отступала. Ранняя ассирийская экспансия исторически является наиболее примечательной из ранних западноазиатских империй, потому что, в отличие от остальных, она была прелюдией к окончательному территориальному господству, которое было бы ближе к предвосхищению

македонской и римской имперских систем, чем любой другой прецедент. Ассирия, а не Вавилон или Египет, возглавляет список претендентов на Мировое господство.

О третьей и последующих экспансиях Ассирии можно будет сказать так много, что о ее прежних империях можно будет вкратце умолчать. Бассейн среднего Тигра, по-видимому, получил большой приток семитов ханаанской волны, по крайней мере, еще в Вавилонии, и благодаря различным причинам - отсутствию предшествующей местной цивилизации, столь развитой, как шумерская, большому расстоянию от таких предприимчивых подстрекателей беспорядков, как Элам и Аравия, и более благоприятному климату - эти семиты быстрее и основательнее освоились в сельскохозяйственном обществе, чем вавилоняне, и развили его в большей чистоте. Их самым ранним социальным центром был Ашшур в южной части их территории. Там, в непосредственной близости от Вавилонии, они неизбежно попали под господство последней; но после падения Первой династии Вавилона и последующего упадка южносемитской мощи среди северных семитов проявилась тенденция развивать свою национальность в более центральных областях. Калах, расположенный выше по реке, заменил Ашшур в тринадцатом веке до нашей эры, только для того, чтобы быть замененным, в свою очередь, Ниневией, еще немного выше по течению; и в конечном итоге Ассирия, хотя и получила свое название от южного города, консолидировалась вокруг столицы северной Месопотамии в державу, способную установить вассальную зависимость от Вавилона и посылать имперские налетчики в Средиземноморье и к Великим озерам Армении. Первым из ее царей, достигшим такого имперского положения, был Салманасар I, который в начале тринадцатого века до нашей эры, по-видимому, сокрушил последние силы северомесопотамских держав Митанни и Хани и проложил путь в западные земли. Держава хатти, однако, изо всех сил пыталась перекрыть проходы, и только после катастрофы и ухода тех, кто ее вызвал - мушки и их союзников, - около 1100 года Тиглат Пиласар I смог повести своих ассирийских налетчиков в Сирию и даже, возможно, на небольшое расстояние через Тавр. Почему его империя погибла вместе с ним, мы точно не знаем. Возможно, причиной было новое вторжение арабских семитов, арамеев, на которых он напал у горы Бишри (Телль Башер). Но, в любом случае, факт несомненный. Сыновья великого царя, добравшиеся до финикийского Арадуса и там тщеславно поднявшиеся на борт корабля, чтобы заявить о господстве над Западным морем, были низведены до положения немногим большего, чем вассалы бывшего вассала своего отца, Вавилона; и до конца одиннадцатого века Ассирия так и не возродилась.

РАЗДЕЛ 5. НОВЫЕ СИЛЫ В 1000 ГОДУ До н.э.

Таким образом, в 1000 году до нашей эры мы смотрим на Восток и, насколько наше зрение может проникнуть сквозь облака, не видим ни одной доминирующей силы. Территории, которые ранее были захвачены более крупными государствами, Вавилония, Египет, Каппадокия и Ассирия, кажутся не только самоуправляющимися, но и свободными от вмешательства, хотя исчезнувшие империи и недавнее великое переселение народов оставили на них измененные политические границы, а иногда и новые династии. Ни одна из политических единиц не имеет намного большей территории, чем другая, и в данный момент было бы нелегко предсказать, какая из них вырастет за счет остальных и вырастет ли вообще.

Великое переселение народов, о котором только что говорилось, беспокоило Западную Азию в течение двух столетий. На востоке, где хорошо организованные и хорошо вооруженные общества Вавилонии и Ассирии представляли собой серьезное препятствие для кочевых

иммигрантов, их приток был сдержан за пограничными горами. Но на западе волна, по-видимому, разлилась слишком сильно, чтобы ей могла противостоять такая сила, какой могла противостоять империя хатти в Каппадокии, и захлестнула Малую Азию даже до Сирии и Месопотамии. Записи Рамзеса III повествуют о том, как огромное количество объединенных народов появилось на азиатской границе Египта в самом начале двенадцатого века. Среди них были люди из племени "хета" или хатти, но не в качестве лидеров. Эти сильные враги и союзники Сети I и Рамсеса II, менее ста лет назад, теперь покинули свои императорские владения, чтобы последовать за пришельцами, которые недавно смирили их в их каппадокийском доме. Географический порядок, в котором переписчики Рамсеса перечисляли свои завоевания, ясно показывает направление, с которого пришли федералы, и путь, которым они следовали. Последовательно они опустошили Хатти (то есть Каппадокию), Кеди (то есть Киликию), Кархемиш и центральную Сирию. Таким образом, их победоносное продвижение началось в северной части Малой Азии и шло по большим дорогам через Киликийские перевалы, чтобы, наконец, завершиться на самых границах Египта. Список этих пришельцев давно интересовал историков; какими бы диковинными ни были их имена для египтян, они не кажутся нам незнакомыми и, возможно, являются пародией на те, которые широко описаны на страницах более поздней истории. Таковы пулешти, или филистимляне, и группа выходцев, по-видимому, из Малой Азии и островов Джакарай, Шакалша, Данау и Вашаша, преемники писидийских и других анатолийских союзников хеттов во времена Рамзеса II, а также ликийских, ахейских и сардинских пиратов, которых Египет иногда выбивал со своих границ, иногда привлекал к себе на службу. Некоторые из этих народов, откуда бы они ни пришли, вскоре поселились в новых домах, когда прилив отступил. Пулести, если они действительно были историческими филистимлянами, застряли на границах Египта, сохранив определенные воспоминания о более раннем государстве, которое принадлежало им в какой-то минойской земле. Поскольку тьякараи и вашаша, по-видимому, возникли на землях, которые сейчас считаются европейскими, мы можем считать этот случай первым в истории, когда запад силой вторгся на восток.

Обратитесь к летописям Ассирии, и вы узнаете из записей Тиглат Пиласара I, что за этой северной волной в том же столетии последовала вторая, которая несла на своем гребне другую дерзкую орду из Малой Азии. Его название, Мушки, мы сейчас слышим впервые, но в свое время услышим снова. Остатки этой расы дожили до далеких исторических времен как мосхи греческих географов, малоизвестный народ на границах Каппадокии и Армении. Но кем именно были первые мушки, откуда они первоначально пришли и куда направились, когда их вытеснили из Месопотамии, - эти вопросы все еще обсуждаются. Известны два важных факта об их последующей истории; во-первых, что на два столетия позже нашей даты они или какая-то их часть были поселены в Каппадокии, по-видимому, скорее в центре и на севере этой страны, чем на юге; во-вторых, что в ту же эпоху и позже у них были цари по имени Мита, которое, как считается, идентично имени Мидас, известному ранним греческим историкам как носимое царями Фригии.

Из-за этого последнего факта мушки были признаны протофригийцами, пришедшими к власти после падения каппадокийских хатти. Это утверждение будет рассмотрено позже, когда мы дойдем до даты первого известного контакта между Ассирией и любым народом, поселившимся в западной части Малой Азии. Но пока следует иметь в виду, что их царское имя Мита не обязательно подразумевает связь между мушками и Фригией; поскольку этническое

"митанни" северной Месопотамии означает "люди Миты", это имя, должно быть, долгое время проживало гораздо дальше на восток.

В целом, какой бы ни была их более поздняя история, правда о мушках, которые пришли в Сирию в начале XII века и удалились в Каппадокию примерно пятьдесят лет спустя после того, как скрестили мечи с Ассирией, вероятно, такова: изначально они были горным народом из северной Армении или Кавказа, отличным от хатти, и что, спустившись с северо-востока из примитивного кочевого государства в очаг древней культуры, которой обладала ослабленная раса, они переняли цивилизацию последней, когда завоевали ее и обосновались. Но, вероятно, они не закрепились окончательно в Каппадокии до тех пор, пока удар, нанесенный Тиглат Пиласаром, не обуздал их жажду движения и не ослабил их уверенность в победе. В любом случае, северные бури утихли к 1000 году до нашей эры, оставив Малую Азию, Армению и Сирию разделенными между многими князьями.

РАЗДЕЛ 6. МАЛАЯ АЗИЯ

Если бы кто-нибудь отправился на корабле с ахейцами или ионийцами к западному побережью Анатолии в 1000 году, можно было бы ожидать высадки в каком-нибудь зарождающемся поселении людей, не местных по происхождению, а недавно пришедших с моря и говорящих по-гречески или на другом эгейском языке, или поблизости от него. Эти люди зашли так далеко, чтобы захватить богатые земли в устьях длинных анатолийских долин, от которых их кочевые предки были почти полностью отрезаны провинциальными войсками какой-то внутренней державы, предположительно империи хатти в Каппадокии. В прежние времена критяне или их родственники из Микенской Греции в новейшую эгейскую эпоху смогли основать на анатолийских берегах не более нескольких незначительных торговых колоний. Теперь, однако, их потомки неуклонно пополнялись с запада представителями более молодой арийской расы, которые смешались с туземцами побережья и постепенно овладели ими или вытеснили их вглубь страны. Каким бы незначительным ни казалось в тот момент это проникновение Европы на окраину соседнего континента, мы знаем, что оно положило начало процессу, который в конечном итоге окажет глубокое влияние на всю историю Ближней Азии. То, что греко-ионическая колонизация впервые привлекает внимание примерно в 1000 году до н.э., отмечает этот период как кардинальный момент в истории. С нашими нынешними знаниями мы не можем с уверенностью сказать, что какой-либо из знаменитых греческих городов уже начал расти на анатолийском побережье. Существует больше свидетельств столь раннего существования Милета, где немецкие археологи нашли много керамики позднейшего эгейского периода, чем в любом другом месте. Но, по крайней мере, вполне вероятно, что греки уже были поселены на местах Книда, Теоса, Смирны, Колофона, Фокеи, Кимы и многих других; в то время как большие острова Родос, Самос, Хиос и Митилена, по-видимому, приняли западных поселенцев несколько поколений назад, возможно, еще до первых набегов ахейцев в Азию.

Приезжий с запада, если бы он двинулся вглубь страны, избегал бы юго-западных районов полуострова, где горная страна, известная позже как Кария, Ликия и Писидия, принадлежала первобытным горцам, жившим отдельными племенами, как современные албанцы. Они еще никогда не были покорены, и как только растущие греческие порты на их побережьях откроют им путь во внешний мир, они станут известны как замечательные солдаты-наемники, занимающиеся близким ремеслом, которое, если педасу, фигурирующие в отчетах о египетских кампаниях Восемнадцатой династии, действительно были писидийцами, не было для них чем-

то новым. Однако к северу от их холмов лежали более широкие долины, ведущие к центральному плато; и, если верить Геродоту, там уже сложилось организованное монархическое общество, управляемое "Гераклидами" из Сард. Мы практически ничего не знаем об этом; но поскольку примерно три столетия спустя лидийский народ был богат и роскошествовал в долине Хермус, которая когда-то была вотчиной хатти, мы должны заключить, что он пользовался безопасностью еще в 1000 году до н.э. Кем именно были эти князья Гераклида, неясно. Династическое название, данное им Геродотом, вероятно, подразумевает, что они вели свое происхождение (то есть были обязаны особой преданностью) Богу Двойного Боевого топора, которого греки сравнивали с Гераклом, но мы сравниваем с Санданом, богом Тарса и земель юго-востока. Вскоре мы еще поговорим о нем и его последователях.

Оставив в стороне северные окраинные земли, как плохо известные и малоизвестные (поскольку мы их тоже оставим), наш путешественник покинул бы лидийские долины и обнаружил, что каппадокийские хатти больше не являются хозяевами плато, как в старые времена. Никто, обладающий равной властью, по-видимому, не занял их места; но есть основания думать, что мушки, которые низвели их, теперь заняли часть их места в Малой Азии. Но эти мушки настолько глубоко усвоили цивилизацию хатти либо до, либо после их великого набега, который отразил ассирийский король Тиглат Пиласар I, что их господство вряд ли сильно повлияло на социальное положение Малой Азии. Их столица, вероятно, находилась там же, где и столица хатти, - в Богхазкеуи; но как далеко их владычество простиралось от этого центра, неизвестно.

На юго-востоке Малой Азии мы читаем о нескольких княжествах, как в документах хатти более ранних веков, так и в ассирийских летописях более позднего времени; и поскольку некоторые из их названий встречаются в обоих этих сводах записей, мы можем с уверенностью отнести их к одним и тем же населенным пунктам промежуточного периода. Таковы Каш в поздней Ликаонии, Табал или Тубал в юго-восточной Каппадокии, Хилакку, давший свое название исторической Киликии, и Куэ на богатой восточно-Киликийской равнине и северо-восточных холмах. В северной Сирии мы снова находим как в ранние, так и в поздние времена Куммух, который оставил своему району историческое название Коммагене. Все эти княжества, как доказывают их более ранние памятники, принадлежали к той же цивилизации хатти, что и мушки, и, по-видимому, имели одних и тех же главных божеств, несущего топор Сандана, или Тешупа, или Хадада, чье влияние мы отметили далеко на западе, в Лидии, а также Великую Мать, покровительницу мирного роста, поскольку он был покровителем военных завоеваний. Но подразумевает ли это единообразие цивилизации какого-либо общего повелителя, такого как король Мушек, очень сомнительно. Прошлого господства хатти достаточно, чтобы объяснить большую общность социальных черт в 1000 году до н.э. по всей Малой Азии и северной Сирии.

РАЗДЕЛ 7. Сирия

Нашему путешественнику пора двигаться дальше на юг, в "страну хатти", как ассирийцы долгое время продолжали называть южную область древней цивилизации хатти. Он бы застал Сирию в состоянии большей или меньшей дезинтеграции от края до края. С момента ухода сильных рук хатти с севера и египтян с юга дезорганизованная полупустынная земля притягивала к себе сменявшие друг друга орды полукочевых семитов из восточных и южных степей. К 1000 году до н.э. они сформировались как несколько арамейских обществ, каждое под руководством своего князя. Все они были великими торговцами. Одно из таких обществ утвердилось на северо-

западе, в Шамале, где под влиянием древней культуры хатти возникло искусство, которое в конечном счете было спасено только семитской Ассирией от того, чтобы быть чисто хеттским. О его столице, которая находилась в современном Синджерли, одном из немногих мест Сирии, исследованных с научной точки зрения, мы расскажем позже. К югу лежали Патин и Бит-Агуси; снова к югу от них находился Хамат, а под ним Дамаск - все новые арамейские государства, которые ждали спокойных времен, чтобы развиваться в соответствии с размерами их соответствующих территорий и контролем над торговыми путями. Самым благословенным как по природному плодородию, так и по удобству расположения был Дамаск (Уби или Хобах), который получал приток арамеев по меньшей мере триста лет. Ей было суждено опередить остальные эти новые семитские государства, но на данный момент она была немногим сильнее их. Что касается финикийских городов на побережье Ливана, которые, как мы знаем из архивов Амарны и других египетских записей, долгое время были заселены семитами-ханаанеями, то отныне они должны были предстать в совершенно ином свете, чем тот, в котором их до сих пор представляли отчеты их египетских правителей и посетителей. Они не только очень быстро превратились из простых местных территориальных центров в морских торговцев, но и (если мы можем заключить это из отсутствия известных памятников их высшего искусства или письменности до 1000 г. до н.э.) они совершили или только собирались совершить внезапный скачок в социальном развитии. Следует отметить, что наши свидетельства о том, что другие сирийские семиты научились писать собственными письменами, начинаются немногим позже в разных местах - в Шамале, в Моаве и в Самарии.

Это довольно внезапное превращение финикийцев в морскую державу около 1000 года до нашей эры требует объяснения. Геродот считал, что финикийцев вынудила выйти к морю просто растущая недостаточность их узкой территории для поддержания естественного прироста населения, и, вероятно, он был отчасти прав, поскольку кризис их судьбы ускорился из-за давления армейцев с суши. Но прогресс в их культуре, отмеченный развитием их искусства и письменности, был слишком быстрым и слишком значительным, чтобы быть результатом только новой торговли с морем; не могло это быть и следствием какого-либо влияния арамейских элементов, которые были сравнительно свежими из степей. Для объяснения фактов в Сирии нам, по-видимому, требуется, незадолго до этого, новое присоединение населения из какой-либо области с более высокой культурой. Таким образом, когда мы наблюдаем среди более ранних финикийских и южносирийских древностей многое из того, что было импортировано, и еще больше того, что приобрело свой характер с Кипра и даже более отдаленных центров эгейской культуры позднего минойского периода, мы не можем считать фантастической веру критского первооткрывателя Артура Эванса в то, что историческая финикийская цивилизация, и особенно финикийская письменность, были обязаны своим появлением в значительной степени иммиграции из тех ближайших заморских земель, которые издавна обладали полностью развитым искусством и системой письма. После падения династии Кноссиев мы знаем, что началось великое рассеяние критян, которое позже было продолжено и усилилось в результате вторжения ахейцев в Грецию. Уже говорилось, что пулешти, или филистимляне, которые последовали за первой северной ордой к границам Египта в начале двенадцатого века, как достоверно предполагается, пришли из какой-то области, затронутой минойской цивилизацией, в то время как джакарай и Вашаша, которые сопровождали их, вероятно, были настоящими критянами. Пулешти, как мы знаем, остались в Филистии: тьякарай поселились в Доре на Южном финикийском побережье, где их нашел Унамон, посланник Рамсеса XI. Этих поселенцев вполне достаточно, чтобы объяснить последующее развитие более высокой

культуры в средней и южной Сирии, и вполне могла быть дальнейшая иммиграция с Кипра и других земель Эгейского моря, которая со временем побудила города Финикии, столь щедро одаренные природой, быстрыми темпами развивать новую культуру около 1000 г. до н.э.

РАЗДЕЛ 8. ПАЛЕСТИНА

Если финикийцы чувствовали натиск степных народов, то их южные соседи, филистимляне, которые жили и богатели на пошлинах и торговле по великому северному пути из Египта по меньшей мере полтора столетия, тоже это чувствовали. В течение нескольких столетий назад из юго-восточных пустынь совершались набеги неких крепких и сплоченных племен, которые давным-давно вытеснили или ассимилировали хананеев в высокогорьях к западу от Иордана и теперь стремились создать национальное единство, скрепленное общим культом. У них была долгая, прерывистая борьба, предания о которой заполняют еврейскую Книгу Судей, - борьба не только с хананеями, но и с амореями верхней долины Оронта, а позже с арамеями севера и востока, а также с новыми вторжениями арабов с юга; и совсем недавно им пришлось уступить примерно на полвека экспансивному движению филистимлян, которое привело последних в Галилею и обеспечило им прибыль на всем палестинском участке великой Северной дороги. Но примерно за поколение до нашей даты самые северные из этих отважных "хабири" под предводительством выборного *шейха* Саула вытеснили филистимлян из Вифшана и других выгодных пунктов в центральной Палестине и снова освободились от холмов, которые они удерживали во времена фараона Менефтах. Хотя после смерти Саула враг вернул себе большую часть того, что он потерял, ему не суждено было долго удерживать это. Более великий вождь, Давид, пришедший к власти с помощью филистимлян и теперь заручившийся поддержкой южных племен, объединил как южных, так и северных евреев в единое монархическое общество и, снова изгнав своих старых хозяев с севера, угрожал южному участку великой Северной дороги из новой столицы, Иерусалима. Более того, неоднократно опустошая земли к востоку от Иордана вплоть до края пустыни, Давид остановил дальнейшие вторжения из Аравии; и, хотя арамейское государство Дамаск превращалось в огромную опасность, он в настоящее время сдерживал его тенденцию распространяться на юг и укрепил себя соглашениями с другим арамейским князем, химом из Хамата, который лежал на северном фланге Дамаска, и с главой ближайшего финикийского города Тира. Последний еще не был таким богатым местом, каким ему предстояло стать в следующем столетии, но он был достаточно силен, чтобы контролировать прибрежную дорогу к северу от Галилейской низменности. Израиль не только никогда не был в большей безопасности, но и никогда больше не занимал бы такого относительно важного положения в Сирии, какое было у нее во времена множества маленьких и зарождающихся государств около 1000 г. до н.э.: и в более поздние времена, под сенью Ассирии и угрозой Египта, евреи с некоторым основанием вспоминали правление Давида и его преемника как свой золотой век.

Путешественник не отважился бы отправиться в Аравию; и мы не отважимся. Тогда это была неизвестная земля, лежащая совершенно вне истории. У нас нет записей (если исключить загадочное посольство "царицы Савской", приехавшей послушать мудрость Соломона) о каких-либо отношениях между государством цивилизованного Востока и арабским принцем до середины IX века. Возможно, как полагал Глейзер, сабейское общество на юго-западе полуострова уже достигло предварительной стадии племенного расселения, через которую Израиль прошел под властью своих Судей, и теперь двигалось к монархии; и об этом наш путешественник мог кое-чему научиться в Сирии у последних прибывших арамейцев. Но у нас,

которые ничему не могут научиться, нет другого выбора, кроме как снова отправиться с ним на север, оставив справа от себя сирийскую пустыню, по которой бродят бедавиты, пребывающие во многом в том же социальном состоянии, что и Аназех сегодня, никому не подчиняющиеся. Мы можем пересечь Евфрат в Кархемише или в Тил-Барсипе напротив устья Саджура, или там, где Тапсак смотрел на исток Хабура.

РАЗДЕЛ 9. МЕСОПОТАМИЯ

Не сохранилось ни одной летописи Ассирии за почти столетие до 1000 г. до н.э., и очень мало за столетие после этой даты. Вавилонские записи также не восполняют наш недостаток. Хотя мы не можем быть уверены, мы, вероятно, можем с уверенностью сказать, что в течение этих двух столетий у ассирийских и вавилонских князей было мало или вообще не было достижений такого рода, которые, по их мнению, были почти единственными, достойными увековечения на камне или глине, то есть набегов, завоеваний, разграбления городов, шантажа князей. Со времен Тиглат Пиласара ни на одной из рек-близнецов не восседали "Цари мира" (под этим титулом подразумевался всего лишь повелитель Месопотамии). Что именно произошло на широком пространстве между реками и к югу от Тавра с момента ухода мушкийских орд (если, конечно, все они действительно ушли), мы не знаем. Митаннийцы, которые, возможно, были сородичами последних, по-видимому, все еще удерживали северо-запад; вероятно, весь северо-восток был ассирийской территорией. Без сомнения, курды и армяне Урарту беспристрастно совершали набеги на равнины с осени до весны, как они делали всегда, когда Ассирия была слаба. Мы узнаем гораздо больше о собственно Месопотамии, когда будут завершены и опубликованы результаты немецких раскопок в Телль-Халафе, недалеко от Рас-эль-Айна. Самые примитивные памятники, найденные там, возможно, являются остатками той власти Хани (Харран), которая распространялась даже на Ниневию до того, как семитский *патесис* Ашура вырос до царского состояния и двинулся на север, чтобы создать имперскую Ассирию. Но есть и более поздние слои останков, которые должны содержать свидетельства хода событий в средней Месопотамии в последующие периоды как ассирийского господства, так и местной независимости.

Ассирия, как уже было сказано, в то время, без сомнения, была слабой страной, то есть она была ограничена территорией, на которой жили ее собственные семиты-земледельцы. Такое положение вещей, когда бы оно ни существовало на протяжении всей ее истории, по-видимому, подразумевало преобладание жрецов, в котором сильно сказывалось вавилонское влияние. Семитская тенденция к сверхмонотеизму, которая уже была замечена, постоянно проявлялась среди восточных семитов (когда они были сравнительно свободны от военной тирании) в возвращении их духовной преданности единому верховному богу, восседавшему на троне в Вавилоне, первоначальном местопребывании восточносемитской теократии. И даже когда этот город обладал небольшой военной мощью, жрецам Мардука, по-видимому, часто удавалось контролировать дела более сильной Ассирии. Позже мы увидим, какой авторитет великие ниневитские военачальники могли завоевать даже среди своих соотечественников, официально признав Мардуком их суверенитет, и как много они потеряли, пренебрегая им и нанося ущерб его местному населению. В период своего расцвета ассирийским царям никогда не приписывали естественного права править семитской Азией, которое принадлежало царям Вавилона. Если они желали благосклонности Мардука, они должны были требовать ее на острие меча, и когда это острие опускалось, его благосклонность всегда исчезала. От начала и до конца им волей-неволей приходилось оставаться военными тиранами, которые полагались не

на признанную законность, а на копья крестьян-призывников и, наконец, на наемников. Ни одна династия не просуществовала долго в Ассирии, где популярные полководцы, даже служив далеких походах, часто возводились на трон - в преддверии имперской истории Рима.

Тогда получается, что наш путешественник скорее нашел бы Вавилонию, чем Ассирию, ведущую восточное семитскую державу в 1000 году до н.э.; но в то же время не сильную державу, поскольку у нее не было имперского владычества за пределами нижней Месопотамии. Поскольку династия, история которой неясна, - так называемые цари-паши, во времена которых был один сильный человек, Набу-Кудур-усур (Навуходоносор) I - пришла к бесславному концу примерно в 1000 году до н.э., можно сделать вывод, что Вавилония в ту эпоху переживала один из тех повторяющихся политических кризисов, которые обычно возникали, когда шумерские города южной "Приморской страны" вступали в сговор с каким-нибудь иностранным захватчиком против семитской столицы. Однако упрямые выжившие представители старшего поколения населения, даже добившись успеха, похоже, не пытались основать новые столицы или восстановить досемитский уклад вещей. Теперь Вавилон настолько отдалился от всех старых городов, что не желалось и не считалось возможным иного завершения восстания, кроме смены одной династии другой на троне, любимом Мардуком. Шумерские войска, однако, были не единственными, кто способствовал свержению последнего царя династии Паши. Кочевники племен *сумиев* уже давно совершали набеги из западных пустынь на Аккад; и первый царь, поставленный победоносными народами Приморья, должен был изгнать их и исправить нанесенный ими ущерб, прежде чем он смог воссесть на трон, которому угрожали Элам на востоке и Ассирия на севере, и который должен был пасть, как только кто-либо из них найдет сильного лидера.

ГЛАВА II

ВОСТОК В 800 году До н. э.

На Востоке прошло два столетия, и на первый взгляд кажется, что никаких радикальных изменений в его политическом или социальном положении не произошло. Никакая новая сила не проникла в него извне; внутри возникло только одно новое важное государство - Фригийское. Народы, которые имели наибольшее значение в 1000 году, все еще имеют наибольшее значение в 800 году - ассирийцы, вавилоняне, мушки из Каппадокии, племена Урарту, арамеи из Дамаска, торгующие финикийцы на сирийском побережье и торгующие греки на Анатолийском. Египет остался за своей границей, за исключением одного набега на Палестину около 925 года до н.э., из которого ливиец Шешенк привез сокровища храма Соломона, чтобы усилить величие Амона. Аравия не стала иметь значения. Там, конечно, происходило развитие, но по старым линиям. Сравнительные ценности государств изменились: некоторые стали более решительно превосходить другие, чем двести лет назад, но это те, чей рост был предвиден. В чем же тогда заключается большая разница? Ибо большая разница есть. Едва ли нужен второй взгляд, чтобы заметить перемену, и любой, кто присмотрится повнимательнее, увидит не только определенные последующие изменения, но и более чем в четверти случаев знаки и предупреждения о грядущем порядке вещей, о котором не мечтали в 1000 году до н.э.

РАЗДЕЛ 1. СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО АССИРИИ

Очевидным новшеством является наличие доминирующей державы. Мозаика небольших государств все еще существует, но одно из них господствует над большинством, и это Ассирия. Более того, иностранное владычество, которым последняя пользуется вот уже три части столетия, является первым в своем роде, установленным азиатской державой. Дважды, как мы видели, Ассирия завоевывала в прежние времена империю кочевого семитского типа, то есть имела право беспрепятственно совершать набеги на обширные территории; но, насколько нам известно, ни Салманасар I, ни Тиглат Пиласар I даже не задумывались о том, чтобы удерживать подвергшиеся набегам провинции постоянной официальной организацией. Но в девятом веке, когда Ашурнацирпал и его преемник Салманасар, второй носитель этого имени, год за годом продвигались вперед, они проходили через обширные территории, удерживаемые для них губернаторами и гарнизонами, прежде чем достигли других территорий, на которые они надеялись наложить подобные оковы. Например, мы видим, как Салманасар II на третьем году своего правления укреплял, переименовал, разместил гарнизон и снабдил царским дворцом город Тил Барсип на берегу Евфрата, чтобы лучше обеспечить себе свободный переход через реку по своему желанию. Он, наконец, лишил Ахуни местного арамейского вождя и удерживает это место как ассирийскую крепость. До сих пор ассирийцы продвигали свою территориальную империю, но не дальше. Действительно, он год за годом продвигался за Евфрат, даже в Финикию, Дамаск и Киликию, но только для того, чтобы совершать набеги, шантажировать и разрушать, подобно старым императорам Вавилонии или его собственным императорским предшественникам в Ассирии.

Тогда в концепции империи Салманасара было много от старого разрушительного инстинкта; но также действовал конструктивный принцип, модифицирующий эту концепцию. Если Великий король все еще был в некотором роде бедавитским эмиром, вынужденным совершать набеги лето за летом, то он, подобно Мухаммеду ибн Рашиду, арабскому принцу Джебель-Шаммара в наши дни, задумал расширить свои территориальные владения, чтобы он мог безопасно и легко достигать свежих полей для более масштабных набегов. Если мы можем использовать современные формулы о древней и несовершенной реализованной имперской системе, мы должны описать владычество Салманасара II как состоящее (помимо его ассирийского ядра) из широкого круга иностранных территориальных владений, которые включали Вавилонию на юге, всю Месопотамию на западе и севере и все вплоть до Загроса на востоке; из "сферы исключительного влияния", простиравшейся до озера Ван на севере, в то время как на западе она простиралась за Евфрат в среднюю Сирию; и, наконец, из лицензии на набеги до самого моря. границы Египта. Все последующие экспедиции Салманасара пересекали границы этой сферы влияния. Уже семь раз перейдя горы Аманус, он был в Тарсе на двадцать шестое лето своего правления; Дамаск подвергался нападениям снова и снова в середине его правления; и даже Ииуй Самарийский заплатил за его шантаж в 842 году.

Ассирия в девятом веке, должно быть, казалась самой сильной и деспотичной державой, которую когда-либо знал Восток. Правящий дом передавал свою власть от отца к сыну в непрерывной династической преемственности, которая не всегда была правилом и редко впоследствии будет им. Его двор был надежно закреплен в самой средней Ассирии, вдали от управляемого священниками Ашшура, который, по-видимому, всегда был антиимперским и про-вавилонским; поскольку Ашурнацирпал вернул Калаху статус столицы, который он занимал при Салманасаре I, но потерял при Тиглат Пиласаре, и там цари Срединной империи сохранили

свой трон. Ассирийские армии тогда еще не состояли из солдат удачи и, по-видимому, не пополнялись такими разнородными провинциальными рекрутами, какие последовали бы за Великими царями Азии в более поздние времена; но они все еще набирались из крепких крестьян самой Ассирии. Монарх был абсолютным автократом, руководившим высшей военной деспотией. Конечно, такая власть не могла не сохраниться. Действительно, она сохранилась более двух столетий. Но это было не так сильно, как казалось. Еще до того, как век Ашурнацирпала и Салманасара II подошел к концу, в его системе быстро развились определенные врожденные зародыши корпоративного разложения.

Естественный закон, по-видимому, предписывает, что семья, отдельные члены которой имеют все возможности и дозволение для потакания своим чувствам, должна деградировать как физически, так и умственно со все возрастающей скоростью. Следовательно, *pari passu*, Империя, которая настолько абсолютно автократична, что монарх является ее единственной движущей силой правления, становится слабее по мере передачи от отца к сыну. Его единственный шанс сохранить часть своей первозданной силы - создать бюрократию, которая, будучи вдохновлена идеями и методами более ранних членов династии, может продолжать реализовывать их в виде кристаллизованной системы управления. Этим шансом Среднеассирийское царство никогда не стремилось воспользоваться. Есть свидетельства делегирования военной власти ее Великими королями штабу и организации военного контроля в провинциях, но нет свидетельств такого делегирования гражданской власти, которое могло бы способствовать возникновению бюрократии. Таким образом, концентрация власти в одних руках, которая поначалу была элементом силы, стала порождать все большую слабость по мере того, как один член династии сменял другого.

Опять же, непреодолимые ассирийские армии, которые лето за летом уводили за границу, на протяжении нескольких поколений комплектовались крепкими крестьянами, набранными с полей Среднего бассейна Тигра, в основном с левого берега. Ежегодная раззия, однако, является институтом бедави, присущим полукочевому обществу, которое мало и легкомысленно занимается земледелием и может без серьезных потерь предоставить своим старикам, молодежи и женщинам такую сельскохозяйственную, а также пастушескую работу, которая должна выполняться летом. Но оседлое трудящееся население, у которого есть обширные земли для обработки, летний урожай для выращивания и ирригационная система для обслуживания, находится совсем в другом положении. Ассирийские цари, призывая своих земледельческих крестьян весну за весной возобновить жизнь воинственных кочевников, не только исчерпали источники своего собственного богатства и стабильности, но и вызвали глубокое недовольство. По прошествии следующих двух столетий все больше и больше будет слышно об истощении и нищете в ассирийских землях. Уже перед 800 годом мы видим зрелище восстания сельскохозяйственного района Арбела против сыновей Салманасара, и после того, как его с трудом усмирили, он снова восстает против Ададнирари III в восстании, которое продолжается до конца столетия.

Наконец, эта воинствующая монархия, жизнью которой была война, неизбежно наживала себе непримиримых врагов как внутри, так и снаружи. Среди тех, кто находился внутри, очевидно, были жрецы, чье влияние было первостепенным в Ашшуре. Помня, кто дал Ассирии первого независимого царя, они возмущались тем, что их город, избранная резиденция более ранних династий, который был восстановлен до первенства великим Тиглат Пиласаром, навсегда опустился на второй план. Итак, мы видим, что Ашшур присоединился к людям Арбелы в обоих

упомянутых выше восстаниях и, похоже, всегда был готов приветствовать попытки вавилонских семитов восстановить свое старое господство над Южной Ассирией.

РАЗДЕЛ 2. УРАРТУ

Как и следовало ожидать, исходя из географических обстоятельств, самыми опасными и стойкими внешними врагами Ассирии были свирепые горцы севера. На востоке за горами назревали бури, но они еще не были готовы разразиться. К югу и западу лежали либо заселенные районы старой цивилизации, не склонные к войне, либо земли кочевников, слишком разбросанных и слишком плохо организованных, чтобы представлять серьезную опасность. Но на севере дело обстояло иначе. Дикие долины, по которым спускаются притоки Верхнего Тигра с левого берега, всегда служили убежищем для свирепых воинственных кланов, жадных до зимних пастбищ и более мягкого климата северной Месопотамии, и вплоть до наших дней одна месопотамская держава за другой неустанно разрабатывали меры по их оттеснению. Поскольку главная слабость этих племен заключается в отсутствии единства, которому способствует раздробленный характер их страны, ассирийцев, должно быть, немало беспокоило то, что в начале IX века Царство Урарту, или, как называл его собственный народ, Халдия, начало набирать силу над общинами у озера Ван и верховьями долин, спускающихся к ассирийской территории. И Ашурнацирпал, и Салманасар совершали рейд за рейдом в северные горы в надежде ослабить племена, благодаря объединению которых это Ванское королевство могло черпать силу. Оба царя не раз совершали походы в окрестности озера Урмия, а Салманасар три или четыре раза наносил удары в сердце самого Урарту, но с неубедительным успехом. Ванское государство продолжало процветать, и его короли, чьи имена звучат скорее по-европейски, чем по-азиатски - Лутиприс, Сардурис, Менуа, Аргистис, Русас - построили себе мощные крепости, которые стоят и по сей день у озера Ван, и позаимствовали письма у своих южных врагов, чтобы выгравировать на скалах записи успешных войн. Одна из этих надписей встречается далеко на западе, на левом берегу Евфрата, против Малатии. К 800 году до н.э., несмотря на усилия сыновей Салманасара продолжить политику своего отца по переносу войны на территорию противника, царю Ваннов удалось заменить ассирийское влияние законом Халдии в самом верхнем бассейне Тигра и в более высокой Месопотамии - землях ассирийских писцов "наири"; и его преемники в грядущую эпоху будут совершать набеги все дальше и дальше на равнины.

РАЗДЕЛ 3. МИДЯНЕ

Какой бы угрожающей ни казалась эта держава Урарту в конце IX века ослабевшей ассирийской династии, недавно на ее горизонте появились две другие расовые группы, которые в дальнейшем могли оказаться более опасными. Один из них располагался вдоль северо-восточной границы на дальних склонах гор Загрос и на плато за их пределами. По-видимому, это был сложный народ, который проходил медленный процесс формирования и роста. Один элемент в нем, по-видимому, был одной крови с сильным скотоводческим населением, которое в то время населяло степи южной России и запад Центральной Азии и было смутно известно древним грекам как киммерийцы и едва ли менее точно их потомкам как скифы. Вскоре его название станет нарицательным на Востоке. Закавказское ответвление этого направления обосновалось в современном Азербайджане, где в течение долгого времени оно постепенно получало подкрепление от восточных мигрантов, принадлежащих к так называемой иранской группе ариев. Просочившись через проход между Каспийским хребтом и соляной

пустыней, которую сейчас охраняет Тегеран, эти иранцы распространились по северо-западу Персии и дальше на юг, в хорошо орошаемую страну на западном краю плато, возвышающуюся над низменностями бассейна Тигра. Какая-то их часть под названием Парсуа, по-видимому, расселилась так далеко на север, как западные берега озера Урмия, на окраине Араратского царства; другая часть так далеко на юг, как границы Элама. Между этими крайними точками иммигранты, по-видимому, слились с оседлыми скифами и в силу расового превосходства стали преобладающими партнерами в этой комбинации. В какой-то неопределенный период - вероятно, до 800 г. до н.э. - из иранского элемента возникла личность Зороастра, который обратил свой народ от поклонения стихии к духовной вере в личную божественность; и эта реформа культа одновременно повысила его социальный статус и придала ему политическую сплоченность. Восток начал узнавать и бояться объединения под названием *Манда*, и начиная с Салманасара II ассирийским царям приходилось уделять все больше внимания стране Манда, совершая на нее набеги, разоряя ее, взимая с нее дань, но все это время выдавая свое растущее осознание того, что за Загросом скрывается серьезная опасность, опасность мидян.

[1]

1. Я осмеливаюсь повсюду придерживаться старого отождествления власти *Манда*, которая в конечном итоге свергла Ассирию, с *мидянами*, несмотря на высокие авторитеты, которые в настоящее время предполагают, что последние не играли никакой роли в этом свержении, но были введены в эту главу истории ошибочным отождествлением, сделанным греками. Я не могу поверить, что и греческие, и еврейские авторитеты, написанные немногим позже, оба впали в подобную ошибку.

РАЗДЕЛ 4. ХАЛДЕИ

Другая опасность, более неминуемая из двух, угрожала Ассирии с юга. И снова семитская иммиграция, которую мы отличаем как халдейскую от более ранних семитских волн, ханаанских и арамейских, вдохнула новую жизнь в вавилонский народ. Оно пришло, как и более ранние волны, из Аравии, которая по определенным причинам во все века была главным источником этнических беспорядков в Западной Азии. Большой южный полуостров по большей части представляет собой высокогорную степь, наделенную необычайно чистым воздухом и незагрязненной почвой. Следовательно, он порождает здоровую популяцию, рождаемость которой по сравнению с уровнем смертности необычайно высока; но поскольку особые условия его поверхности и климата препятствуют развитию его внутренних запасов пищи сверх давно достигнутого уровня, избыточное население, которое быстро накапливается внутри него, вынуждено время от времени искать пропитание в другом месте. Учитывая трудности дорог во внешний мир (не говоря уже о неизбежности противодействия на другом конце), намеревающиеся эмигранты редко отправляются в путь небольшими группами, но беспокойно перемещаются в пределах своих границ, пока не вырастают в орду, которую голод и враждебность дома вынуждают, наконец, покинуть Аравию. Так же трудно остановить, как их собственные выдуваемые пески, движущихся арабов, которые обрушиваются на ближайшие плодородные регионы, чтобы грабить, сражаться и в конце концов осесть там. Так в сравнительно новое время племена шаммар переселились в Сирию и Месопотамию, и так в древности переселились хананеи, арамеи и халдеи. Мы находим, что последнее уже прочно утвердилось к 900 году до н.э. не только в "Морской стране" у истоков Персидского залива, но и

в междуречье. Цари Вавилона, выступившие против Ашурнацирпала и Салманасара II, по-видимому, были халдейского происхождения; и хотя их преемники вплоть до 800 года до н.э. признавали сюзеренитет Ассирии, они всегда пытались отречься от него, обращаясь за помощью к Эламу или племенам западной пустыни. Времена, однако, были еще не совсем созрели. Столетие завершилось восстановлением ассирийской власти в самом Вавилоне Ададниари.

РАЗДЕЛ 5. СИРИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ АССИРИИ

Таковы были опасности, которые, как мы теперь знаем, маячили на горизонте северных семитов в 800 году до н.э., но они еще не стали очевидными миру, в глазах которого Ассирия все еще казалась непреодолимой силой, продвигающейся все дальше и дальше. Запад предлагал наиболее привлекательное поле для ее экспансии. Там лежали осколки империи хатти, наслаждавшиеся плодами цивилизации хатти; там были богатые арамейские государства и еще более богатые финикийские порты. Там городская жизнь была хорошо развита, каждый город стоял сам за себя, имел достаточную территорию и жил более или менее за счет караванной торговли, которая волей-неволей проходила под его стенами между Египтом, с одной стороны, и Месопотамией и Малой Азией, с другой. Никогда еще не было более благоприятного поля для враждебных действий, чем то, на которое было бы легче напасть, не опасаясь возмездия, и, хорошо зная это, Ассирия со времен Ашурнацирпала начала систематически запугивать Сирию и обирать ее. Салманасар II почти ежегодно совершал марш к Среднему Евфрату, переправлял свою армию через него и шантажировал Кархемиш и другие города северной Сирии вплоть до Киликии, с одной стороны, и Дамаска - с другой. Сделав это, он отправлял вперед послов с требованием выкупа от финикийских городов, которые неохотно платили его или опрометчиво удерживали в зависимости от меры его принуждения. С тех пор как мы в последний раз рассматривали арамейские государства, Дамаск определенно заявил о своем превосходстве, которое его естественные преимущества всегда должны обеспечивать ему, когда Сирия не находится под иностранным господством. Ее боевая династия Бенхададов, основанная, по-видимому, более чем за столетие до времен Салманасара, теперь распространила свое влияние по всей Сирии с востока на запад и на территории Хамата на севере и Евреев на юге. Ашурнацирпал никогда не отваживался на большее, чем издали призывать правителя этого большого и богатого государства внести свой вклад в его казну; но это обязательство платить дань, если оно когда-либо признавалось, постоянно игнорировалось, и Салманасар II обнаружил, что он должен принять более смелые меры или довольствоваться тем, что его набеги ограничены и без того измученным севером. Он избрал смелый курс и на седьмое лето своего пребывания нанес удар по Хамату, самой северной подведомственной Дамаскину территории. Заметная победа, одержанная при Каркаре на Среднем Оронте над армией, в которую входили контингенты из большинства южносемитских государств - один прибыл, например, из Израиля, где Ахав был теперь царем, - открыла путь к столице Арамейцев; но только двенадцать лет спустя Великий царь действительно напал на Дамаск. Но ему не удалось увенчать свои успехи его захватом, и, воодушевленный приходом к власти новой династии, которую Азаил, военачальник, основал в 842 году, Дамаск продолжал препятствовать ассирийцам в полной мере пользоваться южными землями еще в течение столетия.

Тем не менее, хотя Салманасар и его династические преемники вплоть до Ададниари III не смогли попасть в Палестину, тень Ассирийской империи начала наползать на Израиль. Внутренние разногласия последнего, а также его страх и зависть к Дамаску уже сделали многое

для того, чтобы сделать окончательную катастрофу неизбежной. Во втором поколении после Давида радикальная несовместимость между северными и южными еврейскими племенами, которые под его сильной рукой и рукой его сына казались единой нацией, вновь усилила свое разлагающее влияние. Хотя нет уверенности в том, что все двенадцать колен когда-либо принадлежали к одной расе, совершенно очевидно, что северные племена были в значительной степени загрязнены арамейской кровью и заражены среднеарийским влиянием, которое, несомненно, усилили отношения, установленные и поддерживаемые Давидом и Соломоном с Хаматом и Финикией, особенно на территориях Ашера и Дана. Эти племена и некоторые другие северяне никогда не сходились во взглядах с южными племенами в вопросе, наиболее важном для семитских обществ, - религиозных идеалах и практике. Антропоморфный монотеизм, который южные племена принесли из Аравии, должен был бороться в Галилее с териоморфным политеизмом, то есть тенденцией воплощать качества божественности в животных формах. В пользу подобных верований имеется достаточно свидетельств в иудейской традиции, даже во время допалестинских скитаний. Воплощения как рептилий, так и крупного рогатого скота проявляются в истории Исхода, и, несмотря на пылкиемиссионерские усилия ряда Пророков и приверженность многих, даже среди северных племен, более духовной вере, эти культы набирали силу по соседству с арамеями и финикийцами, пока не привели к политическому отделению севера от юга, как только закончилось долгое правление Соломона. После этого, вплоть до катастрофы северных племен, никогда больше не было единой еврейской нации. Северное королевство, измученное Дамаском и вынужденное принимать невольное участие в его распрях, искало иностранной помощи. Династия Омри, который, чтобы обеспечить контроль над великой Северной дорогой, построил себе столицу и дворец (недавно обнаруженный) на холме Самарии, полагалась главным образом на Тир. Следующая династия, династия Ииуя, восставшая против сына Омри и его финикийской царицы, ухаживала за Ассирией и поощряла ее еще сильнее давить на Дамаск. Это была самоубийственная политика, ибо в продолжающемся существовании сильного арамейского государства на севере страны заключалась единственная надежда Израиля на долгую жизнь. Иеровоаму II и его пророку Ионе следовало бы предвидеть, что день расплаты для Самарии наступит быстро, как только Ассирия сведет счеты с Дамаском.

В некоторой степени, но, к сожалению, не во всех деталях, мы можем проследить в царских записях распространение ассирийского территориального владычества на запад. Первым четким свидетельством его расширения является уведомление о постоянном занятии позиции на восточном берегу Евфрата в качестве базы для переправы через реку. Этим местом был Тиль-Барсип, расположенный напротив устья самого низкого сирийского притока, Саджура, и бывший столицей арамейского принципата. То, что его оккупация Салманасаром II на третьем году его правления должна была быть длительной, подтверждается тем, что он получил новое название и стал царской ассирийской резиденцией. Два базальтовых льва, которых Великий царь затем установил по обе стороны своих месопотамских ворот и на которых были начертаны памятные тексты, недавно были найдены недалеко от Телль-Ахмара, современной деревушки, пришедшей на смену королевскому городу. Эта мера ознаменовала окончательную аннексию Ассирией земель в Месопотамии, которые находились под властью арамеев по меньшей мере полтора столетия. Когда там было установлено это правительство, мы точно не знаем; но падение власти Тиглат Пиласара около 1100 г. до н.э. настолько близко следует за основным вторжением арамеев с юга, что кажется вероятным, что это вторжение было в значительной степени причиной этого краха, и что непосредственным следствием стало образование

арамейских государств к востоку от Евфрата. Самым сильным из них и последним, кто уступил Ассирии, был Бит-Адини, район к западу от Харрана, главным городом которого был Тил-Барсип.

Следующий этап ассирийской экспансии отмечен аналогичным захватом позиции на сирийской стороне Евфрата, чтобы прикрывать высадку десанта и быть местом сбора дани. Здесь стоял Питру, бывший город хатти и, возможно, библейский Петхор, расположенный рядом с Саджуром в каком-то еще не идентифицированном месте, но, вероятно, недалеко от истока ручья. Он получил ассирийское название на шестом году правления Салманасара и впоследствии использовался как база для всех его операций в Сирии. Это также служило маскировкой и внушало благоговейный трепет более крупному и богатому городу Кархемиш, расположенному в нескольких милях к северу, который долгое время оставался свободным от постоянной ассирийской оккупации, хотя и подвергался шантажу при каждом набеге Великого царя с запада.

Этим последним продвижением своих постоянных территориальных владений на запад Салманасар, похоже, остался доволен. Он был уверен в переправе через Евфрат и прочно обосновался на сирийском берегу. Но мы не можем быть уверены; ибо, хотя в его известных записях не упоминается переименование других сирийских городов, многие из них, возможно, были переименованы без упоминания в записях, а другие, возможно, были заняты постоянными ассирийскими гарнизонами, не получив новых названий. Как бы то ни было, мы можем проследить, год за годом, неуклонное продвижение ассирийских рейдерских колонн во внутреннюю Сирию. В 854 году самой отдаленной базой операций Салманасара был Хальман (Алеппо), откуда он двинулся к Оронту, чтобы сражаться недалеко от места более поздней Апаеи, в битве при Каркаре. Пять лет спустя, вернувшись с киликийского рейда, он вошел в Хамат. Прошло еще шесть лет, прежде чем он расширил свои владения на юге, хотя за это время он снова вторгся в Сирию с применением силы по крайней мере один раз. Однако в 842 году, выбрав новую дорогу вдоль побережья, он повернул вглубь страны из Бейрута, пересек Ливан и Антиливан, и ему удалось достичь оазиса Дамаск и даже совершить набег на некоторое расстояние в направлении Хаурана; но он не взял (возможно, как бедавийский эмир, которым он был, он и не пытался взять) сам огороженный город. Кажется, он повторил свой визит три года спустя, но никогда не заходил дальше. Конечно, он никогда не закреплял за собой Финикию, Целесирию или Дамаск, и тем более Палестину, какой-либо постоянной организацией. Действительно, как уже было сказано, у нас нет оснований утверждать, что в свое время Ассирия определенно включила в состав своей территориальной империи какую-либо часть Сирии, за исключением одного наблюдательного пункта, установленного в Питру на реке Саджур. Нельзя также приписать больше заслуг непосредственным преемникам Салманасара; но следует понимать, что к концу столетия Ададнирари расширил сферу влияния Ассирии (в отличие от ее территориальных владений) несколько южнее, включив в нее не только Финикию, но и северную Филистию и Палестину с пахотными районами к востоку от Иордании.

РАЗДЕЛ 6. КИЛИКИЯ

Когда ассирийский император пересек Евфрат и обосновался в Питру, чтобы добиться подчинения западных вождей и собрать свои силы для набега на земли любого, кто не спешил подчиниться, он был гораздо ближе к границам Малой Азии, чем к границам Финикии или

Дамасского королевства. И все же в трех случаях из четырех владыки Среднеассирийского царства довольствовались тем, что снова опустошали часто разграбляемые земли средней Сирии, а в четвертый раз, если они вообще поворачивали на север, то продвигались не дальше восточной Киликии, то есть немного дальше горизонта, который они действительно могли видеть в ясный день с любой возвышенности близ Питру. И все же по другую сторону заснеженной стены, ограничивающей вид на север, лежали желанные королевства: Ханигалбат со столицей Милид, включающий плодородный район, который позже станет частью Катаонии; Табал к западу от него, простирающийся над остальной Катаонией и южной Каппадокией; и Каш, владеющий Тианитисом и глубокой Ликаонской равниной. Почему же тогда эти имперские грабители в девятом веке так долго держали свои руки подальше от такой соблазнительной добычи? Несомненно, потому, что они и их армии, которые еще не были набраны из других народов, кроме семитов собственно Ассирии, насколько нам известно, были по происхождению арабами, людьми юга, для которых высокогорное плато за Тавром было таким же сдерживающим фактором, как и для всех семитов с тех пор. Волны арабского вторжения, снова и снова накатывающие к подножию Тавра, иногда прорывались через перевалы и отдельными потоками устремлялись далеко в Малую Азию, но они всегда так же быстро отступали. Отвращение, которое ассирийцы испытывали к Малой Азии, можно сравнить с быстротой, с которой их иранские преемники вторглись на полуостров, и это можно проиллюстрировать всей последующей историей. Сарацины никогда не устанавливали постоянной опоры в Малой Азии, и ее окончательное завоевание было предоставлено туркам, расположенным на севере. Недолговечная арабская держава Мехмета Али, восставшая против турок около восьмидесяти лет назад, продвинулась на плато только для того, чтобы сразу же отступить и остаться за Тавром. Нынешняя разделительная линия народов, которые говорят соответственно на арабском и турецком языках, отмечает извечную границу семитов. Как только уровень суши в северной Сирии достигает средней высоты 2500 футов, арабский язык замолкает.

Следовательно, мы никогда не увидим, чтобы ассирийские армии заходили далеко или надолго задерживались за пределами Тавра. Но мы обнаружим, что они постоянно идут в Киликию, и это само собой разумеющееся, несмотря на высокую горную стену Аманус, которая отделяет ее от Сирии. Киликия - по крайней мере, вся та ее часть, на которую совершали набеги ассирийцы, - расположена низко, обращена на юг и защищена высокими горами от холодов с севера и востока. Здесь действительно более теплый и ровный климат, чем в любой части Сирии, за исключением прибрежного пояса, и в социальном плане она всегда была более близка к южным землям, чем к своему собственному географическому целому, Малой Азии. Семитский элемент преобладал в населении равнины, и особенно в ее главном городе Тарсе, на протяжении всей древности. Киликия была так тесно связана с Сирией, что князь Куэ (ее восточная часть) присоединился к князьям Хамата и Дамаска и их южносирийским союзникам в этой комбинации для общей обороны от ассирийской агрессии, которую Салманасар разбил при Каркаре в 854 году: и именно для того, чтобы нейтрализовать важный фактор оборонительной мощи Сирии, последний перешел через Патин в 849 году и напал на Куэ. Но тогда какое-то восстание в Хамате напомнило о нем, и только в конце его правления восточная Киликия была систематически покорена.

Салманасар уделил удивительно много внимания этому маленькому и довольно малоизвестному уголку Малой Азии. На двадцать пятом году жизни он записывает, что уже семь раз пересекал Аманус; и в следующем году мы снова видим его входящим в Киликию и

направляющимся в Тарс, чтобы сместить ее правителя и поставить на его место другого, более сговорчивого. Поскольку, по-видимому, он никогда не использовал Киликию в качестве базы для дальнейших операций за пределами Тавра, довольствуясь официальным признанием его величества принцем Табала, приходится заключить, что он вторгся в эту страну ради нее самой. Почти три столетия спустя, из тумана, которым Киликия окутана более упорно, чем почти любая другая часть древнего Востока, эта маленькая страна внезапно выступит как одна из четырех главных держав Азии, управляемая царем, который рука об руку с Навуходоносором II ведет переговоры о мире между лидийцами и мидийцами, находящимися на пике своего могущества. Затем туман снова рассеется, и мы почти ничего не услышим о длинной череде царей, которые носили царский титул, получивший греческое название Сиеннесис, и правили в Тарсе, имея мало общего с другими анатолийскими князьями. Но из только что упомянутых обстоятельств мирного вторжения мы можем разумно заключить, что могущество Киликии росло в течение длительного времени до этого; а также из частоты, с которой Салманасар совершал набеги на эту землю, что уже в девятом веке она была богатой и цивилизованной. Мы знаем, что это был великий центр поклонения санданам, и можем предположить, что его цари были родственниками расы мушки и, если не главными выжившими представителями первоначального племени, вторгшегося в Ассирию во времена Тиглат Пиласара, то, по крайней мере, входили в число главных наследников древней цивилизации хатти. Некоторые даже датируют его цивилизацию еще более ранней, полагая, что кефтиу, которые приносили богатые дары фараонам восемнадцатой и последующих династий, были киликийцами.

К сожалению, до сих пор не проводилось научных раскопок древних стоянок в Киликии; но в течение многих лет покупатели древностей получали из Тарса и его порта гравированные камни и печати исключительно тонкой работы, которые относятся к хеттскому искусству, но кажутся более поздними, чем большинство его изделий. Они демонстрируют в своем убранстве определенные своеобразные узоры, которые были замечены также на Кипре, и представляют некоторые особенности формы, которые встречаются также в самом раннем ионическом искусстве. Пока не появятся другие свидетельства, эти маленькие предметы должны быть нашими свидетелями существования высокоразвитой субхеттской культуры в Киликии, которая уже в IX веке была усовершенствована под влиянием греческих поселений на анатолийском побережье и, возможно, даже раньше, критского искусства в районе Эгейского моря. Киликийская цивилизация обеспечивает связь между востоком и западом, которая заслуживает большего внимания и изучения, чем ей уделяли историки.

РАЗДЕЛ 7. МАЛАЯ АЗИЯ

У нас нет оснований предполагать, что ассирийский монарх IX века когда-либо лично совершал походы в Малую Азию за Тавром, хотя несколько рейдерских колонн посетили Ханигалбат и Табал, а принцы обеих этих стран во второй половине правления Салманасара периодически признавали ассирийское господство. Дальняя и большая часть западного полуострова лежала вне досягаемости Великого царя, и мы знаем о ней в 800 году так же мало, как, возможно, знали сами ассирийцы. Однако мы точно знаем, что в нем находилось сильное княжество, расположенное в центре южной части бассейна Сангарии, которое азиатские греки стали называть фригийским. Эта внутренняя держава казалась очень большой в их мире - настолько большой, что в то время она скрывала Ассирию и считалась в их глазах самой богатой на земле. Только на основании его важности в ранних греческих легендах мы можем с полной уверенностью датировать не только его возвышение, но и достижение доминирующего

положения периодом задолго до 800 г. до н.э. Но, на самом деле, есть и другие веские основания полагать, что до конца IX века это княжество господствовало на гораздо большей территории, чем поздняя Фригия, и что его западные границы раздвинулись почти до побережья Ионического моря. В "Илиаде", например, о фригийцах говорится как о непосредственных соседях троянцев; и значительная часть примитивных эллинских легенд основана на раннем присутствии фригийцев не только в самой Троаде, но и на центральном западном побережье около Смирнского залива и на Кайстрийской равнине, откуда они поддерживали прямые отношения с самими греками-иммигрантами. Таким образом, представляется несомненным, что в какой-то момент до 800 г. до н.э. почти вся западная половина полуострова была более или менее полностью подчинена власти Сангария и что даже лидийские цари Гераклиды не были независимы от нее.

Если в IX веке Фригия была достаточно могущественна, чтобы удерживать земли западной Анатолии в подчинении, достаточно ли она доминировала на восточном полуострове, чтобы считаться императорской наследницей каппадокийских хатти? Ответ на этот вопрос (если таковой вообще может быть получен на основе очень слабых доказательств) будет зависеть от точки зрения на возможную идентичность фригийской власти с той неясной, но реальной властью мушек, о которой мы уже слышали. Идентичность, о которой идет речь, в наши дни настолько общепринята, что у историков стало обычным делом говорить о "мушки-фригийцах". Очень возможно, что они правы. Но в качестве предостережения следует отметить, что идентификация в конечном счете зависит от другой, а именно от идентификации Миты, царя мушек, против которого Ашшурбанипал будет сражаться более века спустя, с Мидасом, последним царем Фригии, который упоминается Геродотом и прославляется в греческих мифах. Предполагать такую идентичность очень привлекательно. Мита из Мушек и Мидас из Фригии достаточно хорошо совпадают по времени; оба правили в Малой Азии; оба, по-видимому, были там ведущими державами; оба сражались с гимирраями или киммерийцами. Но есть также определенные трудности, которым, возможно, уделялось слишком мало внимания. В то время как Мита, по-видимому, было распространенным именем в Азии вплоть до Месопотамии в гораздо более ранний период, чем этот, имя Мидас, с другой стороны, пришло во Фригию гораздо позже с запада, если в греческой традиции есть что-либо о том, что фригийцы или бриги иммигрировали из юго-восточной Европы. И поскольку эта традиция поддерживается не только появлением похожих имен и сказок в Македонии и Фригии, но и появлением на западе позднего фригийского искусства и письменности, мы вряд ли можем отказать ей в чести. Соответственно, если мы находим происхождение фригийцев в македонских бригах, мы должны допустить, что Мидас, как фригийское имя, пришел из Европы намного позже первого появления царей по имени Мита в Азии, и мы вынуждены сомневаться, обязательно ли последнее имя совпадает с Мидасом. Когда упоминания о мушках в ассирийских записях дают какое-либо указание на их местообитание, оно находится на востоке, а не на западе центрально-Анатолийской равнины - фактически почти там, где мушки жили в более поздние исторические времена. Следовательно, следующие вопросы в настоящее время должны быть оставлены открытыми: (1) поселялись ли мушки когда-либо во Фригии вообще; (2) могли ли, если да, фригийские цари, носившие имена Гордий и Мидас, когда-либо быть мушкитами или подчиняться мушкитам; (3) не были ли цари по имени Мита в записях Саргона и Ашшурбанипала правителями скорее восточных мушек, чем Фригии. По крайней мере, на основании имеющихся свидетельств (хотя это и не является невероятным) нельзя предположить, что фригийские цари правили каппадокийскими мушками

и в силу этого правления имели империю, почти соизмеримую с утраченным владычеством хатти.

Тем не менее, они были сильной державой, самой сильной в Анатолии, и слава о их богатстве и обнесенных стенами городах ослепляла и внушала благоговейный трепет греческим общинам, которые к настоящему времени были густо заселены западным и юго-западным побережьями. Некоторые из них прошли через испытания младенчества и выросли в гражданское сословие, установив широкие торговые связи как на суше, так и на море. В наступающем столетии Ким из Эолиды женится на фригийском царе. Эфес, похоже, уже стал важным социальным и религиозным центром. Предметы искусства, найденные в 1905 году на полу самого раннего храма Артемиды на равнине (более ранний храм находился на холмах), должны быть датированы - некоторые из них - не позднее 700 года, а их дизайн и качество изготовления свидетельствуют о процветании искусств и ремесел, издавна существовавших в этой местности. Милет, несомненно, тоже был взрослым центром эллинизма и вот-вот должен был стать матерью новых городов, если уже не стал таковым. Но уже в 800 году мы мало что знаем об азиатских греческих городах, кроме факта их существования; и будет разумнее позволить им расти еще два столетия и говорить о них более подробно, когда они станут мощным фактором в западноазиатском обществе. Когда мы снова поднимем занавес по прошествии двухсот лет, окажется, что свет, пролитый на восточную сцену, стал ярче; ибо не только современные записи станут объемнее и яснее, но мы сможем использовать светильник истории литературы, питаемый традициями, которым не пришлось пережить более нескольких поколений.

ГЛАВА III

ВОСТОК В 600 ГОДУ До н. э.

Когда мы снова смотрим на Восток в 600 году до н.э. после двух столетий войн и бурных движений, мы видим, что почти все его земли нашли новых хозяев. Политические перемены огромны. Катаклизм неотступно следовал за катаклизмом. Фригийская династия погибла в результате массовых убийств и грабежей, и из другого места власти ее бывший клиент правит Малой Азией вместо нее. Оплоты малосемитских народов почти все пали, и Сирия - это хорошо обглоданная кость, выхваченная одной иностранной собакой у другой. Ассирийский колосс, возвышавшийся над западноазиатским миром, потерпел неудачу и рухнул, и мидяне и халдеи - эти два облака размером не больше человеческой ладони, которые лежали на горизонте Ассирии, - заполнили ее место и ее комнату. Сейчас, оглядываясь назад, мы понимаем, что политическая революция завершена; но если бы мы жили в 600 году в Ашшуре, или Дамаске, или Тире, или Тарсе, это могло бы произвести на нас меньшее впечатление. Новый мастер на Востоке не означал и не всегда означает ни новую землю, ни новое небо.

Давайте посмотрим, насколько на самом деле произошли изменения. Ассирийской империи больше не было. Это важный факт, к которому нельзя относиться легкомысленно. Последняя катастрофа произошла всего за шесть лет до нашей даты; но могущество Ассирии шло на спад почти полвека назад, и из свободы, с которой другие державы могли перемещаться по территории ее империи незадолго до конца, ясно, что Восток был свободен от ее

вмешательства в течение многих лет. Действительно, такой близкий и жизненно важный центр ассирийской национальности, как Калах, старая столица Срединной империи, был взят и разграблен, прежде чем тот, кто должен был стать последним "Великим царем" северных семитов, вззошел на свой трон.

РАЗДЕЛ 1. НОВОАССИРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

На протяжении последних ста пятидесяти лет история Ассирии - летопись угнетения чернокожих за границей и еще более черных интриг внутри страны - напоминает быстрое нарастание и более медленное угасание какой-нибудь великой бури. Затишье отмечается в первой половине девятого века. Затем, почти без предупреждения, туча разражается со всей яростью и бушует почти сто лет. Затем мрак рассеивается, пока все не заканчивается. Династия Ашурнацирпала и Салманасара II медленно приходила в упадок, приближаясь к своему неизбежному концу. Сама столица подняла восстание в 747 году и, покончив с законными наследниками, выбрала удачливого солдата, который, насколько нам известно, мог быть королевской крови, но уж точно не по прямой линии. Тиглат Пиласер - ибо он взял имя более ранних монархов, возможно, в подтверждение легитимности - увидел (или какой-то мудрый советник сказал ему), что воинственная империя, которую он узурпировал, не должна больше полагаться на ежегодные поборы крестьян из ассирийских деревень, которые быстро истощались; она также не могла продолжать жить на неопределенный шантаж, собираемый с неопределенной периодичностью то за Евфратом, то в Армении, то снова от восточных и южных соседей. Подобные идеи и методы бедави устарели. Новый Великий король пробовал новые методы выражения новых идей. Солдат по профессии, обязанный мечу своим тронem, он всегда имел бы под рукой постоянную и оплачиваемую армию, а не ту, которую приходилось бы весной отзывать с плуга. Земли, которые раньше оказывали шантаж войскам, специально направленным от самого Тигра, отныне должны быть включены в состав территориальной империи и выплачивать свои взносы губернаторам-резидентам и гарнизонам. Более того, почему бы этим же землям не сыграть роль империи как в обороне, так и в нападении, самостоятельно поставляя рекрутов в имперские армии? Наконец, столица Калах с ее традициями умершей династии, старого режима и недавнего восстания должна быть заменена новой столицей, подобно тому, как когда-то был заменен Ашшур с его вавилонским и жреческим духом. Соответственно, места, расположенные немного выше по течению Тигра и более центрально по отношению как к родине, так и к основным дорогам с запада и востока, должны быть объявлены столицами. Но в любом случае только после окончания правления Саргона Ниневия стала окончательной резиденцией последних ассирийских царей.

Организованная и укрепленная в течение восемнадцатилетнего правления Тиглата Пиласера, эта новая имперская машина с ее постоянной профессиональной армией, ее бесчисленными рекрутами, набранными со всех воюющих рас на ее территории, ее большими и надежными доходами и ее бюрократией, поддерживающей постоянную связь провинций с центром, стала самой мощной наступательной силой, которую когда-либо видел мир. Как только Ассирия осознала свою новую мощь благодаря легкости, с которой налетчики Урарту, которые долгое время вторгались в Месопотамию и даже в Сирию, были отброшены назад через земли наири и загнаны в свои центральные крепости Ван; также благодаря легкости, с которой была покорена и снова оккупирована Вавилония, а финикийские порты и город Дамаск, неприступные до сих пор, были взяты и обложены данью, - она начала мечтать о мировой империи, первом обществе в истории, которое осознало это. недостижимый идеал. Однако определенные влияния и

события могут на некоторое время отложить любую попытку осуществить мечту. Произошла смена династии, отчасти благодаря реакционным силам внутри страны и в большей степени преторианской основе, на которой сейчас покоилось королевство, и только один представитель его дома сменил Тиглата Пиласера. Но неудача была кратковременной. В 722 году другой победоносный полководец вззошел на трон и под знаменитым именем Саргон отправился расширять границы империи до Мидии на востоке и через Киликию до Табала на западе, пока не столкнулся с царем Мушек Митой и не обложил его данью.

РАЗДЕЛ 2. ИМПЕРИЯ САРГОНА

Хотя по крайней мере одну крупную провинцию еще предстояло присоединить к Ассирийской империи, правление Саргона можно считать периодом ее наибольшего могущества. Он не передал Сеннахерибу ни одного завоевания, которые нельзя было бы использовать, и самую широкую территорию, которую могла удержать центральная власть. Таким образом, мы можем остановиться непосредственно перед смертью Саргона в 705 году, чтобы посмотреть, какова на самом деле была площадь этой территории.

Конечно, его границы не могут быть установлены с точностью современного политического географа. Оккупированные территории незаметно превратились в сферы влияния, а они снова превратились в земли, на которые обычно или даже лишь изредка совершались набеги. В некоторых районах, особенно с северо-востока на северо-запад, наше нынешнее понимание терминов древней географии, используемых семитскими писцами, очень несовершенно, и, когда ассирийский царь подробно рассказывает нам, какие земли, города, горы и реки посетила его армия, из этого не следует, что мы можем идентифицировать их с какой-либо точностью. Королевские архивы также не следует принимать за чистую монету. Следует сделать некоторую скидку (но насколько, сказать практически невозможно) на отчеты, которые часто приписывают все действия кампании, в которой король лично не участвовал (что в некоторых случаях может быть доказано), его единственной доблести, и высокопарно перечисляют двести княжеств и королевств, которые были пройдены и покорены в ходе одной летней кампании в очень трудной местности. Иллюзия грандиозных достижений, которую таким образом предполагалось создать, часто навязывалась современным критикам, и Тиглат Пилесару и Саргону приписывают походы в окрестности Каспия, завоевание или удержание с целью выкупа огромных провинций, в то время как их войска, вероятно, занимались не более чем караваньем из долины в долину в верховьях притоков Тигра и совершали набеги на вождей, территориально не более влиятельных, чем курдские беи Хаккьяри.

К востоку от собственно Ассирии территориальная империя Саргона, по-видимому, не простиралась до водораздела Загрос; но сфера его влияния включала не только верховья долин Заб, но и регион по другую сторону гор, простиравшийся до Хамадана и юго-западного Азербайджана, хотя, конечно, не восточные или северные районы последней провинции, или Касван, или какую-либо часть побережья Каспийского моря. На севере границу ассирийской территориальной империи можно было пройти всего за несколько дней пути от Ниневии. Берега ни Урмии, ни озера Ван никогда не были регулярно оккупированы Ассирией, и, хотя Саргон определенно ввел в сферу своего влияния царство Урарту, которое окружало последнее озеро и контролировало племена вплоть до западного берега первого, не доказано, что его армии когда-либо обходили озеро Урмия с востока и севера, и совершенно ясно, что они оставили

северо-западный горный район между Битлисом и средним Евфратом его собственным соплеменникам.

Однако в западном и южном направлениях рука Саргона описала более широкий круг. Он владел всей Месопотамией до Диарбекра, а за Сирией не только восточной и центральной Киликией, но и некоторыми районами к северу от Тавра, а именно низкой равниной Милид, или Малатия, и южной частью Табала; но, вероятно, его рука не простиралась дальше плато, чем до линии, протянувшейся от истока Тохма-Су до окрестностей Тианы и возвращавшейся оттуда к Киликийским воротам. За этой линией начиналась сфера влияния, которую мы не можем надеяться определить, но можем предположить, что она простиралась на Каппадокию, Ликаонию и южную часть Фригии. На юге вся Сирия принадлежала Саргону, большая ее часть была непосредственно оккупирована, а остальная - в силу признанного господства и выплаты дани. Даже семь принцев Кипра подчинились. Один или два сильных сирийских города, Тир и Иерусалим, например, отказывали в выплате, если под рукой не было ассирийской армии; но их демонстрация независимости поддерживалась только терпением. Филистимские города после победы Саргона над их войсками и египетскими союзниками при Рафии в 720 году больше не защищали свои стены, и сфера влияния Великого царя простиралась на восток прямо через Хамад и на юг через северную Аравию. Наконец, Вавилония принадлежала ему полностью, вплоть до Персидского залива, богатые купцы твердо поддерживали его в интересах своей караванной торговли, как бы ни роптали священники и крестьяне. Но Элам, чей царь и народ принесли серьезные неприятности в саму Ассирию в начале правления Саргона, вряд ли можно рассматривать даже как сферу влияния. Болота на юго-западе, тропические равнины в центре и горы на востоке делали эту землю труднопроходимой для завоевания и удержания северными семитами. Саргон был достаточно мудр, чтобы оставить все как есть. Его сын и преемники не были бы ни столь благоразумны, ни столь удачливы.

РАЗДЕЛ 3. ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА

Такова была империя, унаследованная сыном Саргона, Сеннахерибом. Не удовлетворившись этим, он отправился дальше, чтобы совершить завоевания, которые никогда долго не оставались в руках азиатской державы. Однако не только жажда добычи теперь толкала Ассирию в сторону Египта. Великие цари уже давно обнаружили, что их влиянию в южной Сирии противодействует влияние фараонов. Князья обоих еврейских государств, финикийских и филистимских городов и даже Дамаска - все в то или иное время полагались на Египет, и за их объединениями для защиты и отдельными восстаниями Ассирия чувствовала свою власть на Ниле. Последний, как правило, делал для спасения своих друзей не больше, чем для Израиля, когда Салманасар IV осаждал, а Саргон захватил и разместил гарнизон в Самарии; но даже невежественные надежды и пустые обещания помощи вызывают постоянные волнения. Поэтому Сеннахериб, после сурового наказания южных штатов в 701 году (однако и Тир, и Иерусалим не пустили его за свои стены) и долгой борьбы с халдейским Вавилоном, был вынужден в последний, или предпоследний, год своего правления отправиться в Египет. В южной Палестине он добился такого же успеха, как и раньше, но после этого его постигла какая-то знаменательная катастрофа. Вероятно, эпидемия чумы настигла его армию, когда она находилась недалеко от границы, и он вернулся в Ассирию только для того, чтобы быть убитым.

Он завещал это предприятие сыну, который, победив своих братьев-отцеубийц, получил трон и правил одиннадцать лет под именем, которое было решено записать Асархаддон. Как только

движение в Урарту и юго-западной Малой Азии было подавлено и, что более важно, Вавилон, который его отец обесчестил, был умиротворен, Асархаддон приступил к незавершенному завоеванию. Египет, находившийся тогда в руках чужеземной династии с Верхнего Нила и разделенный сам против себя, поначалу не доставлял ему особых хлопот. Во время своей второй экспедиции (670 г.) он достиг самого Мемфиса, взял его штурмом и прогнал кушитскую Тирхаку мимо Фив к водопадам. Ассириец провозгласил Египет своей территорией и раскинул сеть ниневитской бюрократии по нему до самого юга Фиваиды; но ни он, ни его преемники не позаботились о том, чтобы перенять стиль и титулы фараонов, как позже поступили бы персы и греки, более мудрые в своих поколениях. Вскоре беспокойство дома, вызванное сыном, взбунтовавшимся после незапамятных обычаев востока, отозвало Асархаддона в Ассирию; Тирхака снова двинулся с юга; Великий царь вернулся ему навстречу и умер в походе.

Рисунок 4: АССИРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ЕЕ НАИВЫСШЕМ ПРОЯВЛЕНИИ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АШШУРБАНИПАЛА

Но Мемфис был вновь оккупирован преемником Асархаддона, и поскольку последний также захватил и разрушил Фивы, а после смерти Тирхаки изгнал кушитов прямо из Египта, сомнительная заслуга в расширении территориальной империи Ассирии до самых широких пределов, которых она когда-либо достигала, принадлежит Ашшурбанипалу. Даже Тир в конце концов уступил, и он распространил сферу своего влияния на Малую Азию до Лидии. Первым из ассирийских царей он смог признать Элам со столицей в Сузах своим (после 647 года), а на востоке провозгласил верховенство над всей Мидией. Месопотамское искусство и письменность достигли теперь высшей точки, на которой они стояли со времен Хаммурапи, и слава о богатстве и роскоши "Сарданапала" распространилась даже по греческим землям. Примерно в 660 году до нашей эры Ассирия по праву считалась владычицей желанной земли.

РАЗДЕЛ 4. УПАДОК АССИРИИ

Какой бы сильной ни казалась Ассирийская империя в VII веке, она, однако, была прогнившей в основе. Избавляясь от одних слабостей, она создала другие. Более поздние великие цари Ниневии, пришедшие к власти и поддерживаемые копьями наемных преторианцев, находили даже меньшую поддержку, чем старая династия Калаха, в народных религиозных чувствах, которые (как обычно на Востоке) были конечной основой ассирийской национальности; также, при данных обстоятельствах, они не могли черпать много силы в племенных чувствах, которые иногда переживают религиозную основу. На протяжении всей истории Нового Царства мы можем обнаружить влияние сильной оппозиции, сосредоточенной в Ашшуре. Там последний монарх Срединного царства устроил себе жилище под крылом жрецов; там новая династия свергла его с престола в результате антисоцерковного восстания знати и крестьянских солдат. Саргон, по-видимому, был обязан своим возвышением двумя поколениями позже мести горожан за эту победу; но сын Саргона, Сеннахериб, в свою очередь, счел господство жрецов невыносимым и, стремясь сокрушить его навсегда, разрушил Вавилон и терроризировал центральную обитель семитского культа, великое жреческое учреждение Бел-Мардук. После убийства своего отца Асархаддон вернулся к священникам и сделал так много, чтобы заручиться религиозной поддержкой, что военная партия подстрекнула Ашшурбанипала к восстанию и вынудила его отца передать сыну царскую власть, прежде чем в последний раз покинуть Ассирию, чтобы умереть (или быть убитым) по пути в Египет. Таким образом, вся история династической преемственности в Новом Королевстве была типично восточной и при

каждой смене монарха предвосхищала историю исламских империй. Нет и следа единого национального чувства к Великому царю. Один за другим занимающий трон получает власть по милости партии и удерживает ее с помощью мечей наемников.

Еще одна слабость империи оказалась еще более фатальной. Насколько можно узнать из собственных записей Ассирии и записей других стран, она жила за счет своей территориальной империи, не признавая ни малейшего обязательства воздавать что-либо своим провинциям за то, что они давали, - даже за то, что Рим давал в худшем случае, а именно за мир. Она считала, что они существуют просто для того, чтобы снабжать ее деньгами и мужчинами. Когда она желала установить гарнизон или довести до бессилия какой-либо завоеванный округ, население какого-нибудь другого завоеванного округа депортировалось туда, в то время как новые подданные занимали освободившееся место. То, что произошло, когда Саргон захватил Самарию, часто происходило в других местах (Ашшурбанипал, например, заставил Фивы и Элам поменяться жителями), поскольку это был единственный метод ассимиляции пришлого населения, когда-либо придуманный Ассирией. Когда она попыталась использовать туземцев для управления туземцами, результатом стала такая катастрофа, какая последовала за назначением Ашшурбанипалом Псамметиха, сына Нехо, управлять Мемфисом и Западной дельтой.

Прогнившая изнутри, ненавидимая и желанная сильными и воинственными народами востока, севера и юга, Ассирия неуклонно продвигалась к своей катастрофе среди всей славы "Сарданапала". Когда он ушел, темп ускорился. Опасность, которая долгое время скрывалась за восточным горизонтом, теперь появилась в поле зрения ассирийцев. После триумфальных набегов Саргона повеления Великого царя постепенно все реже проникали в Мидию; и своими ответными вторжениями в Элам, которые спровоцировал Сеннахериб, Ашшурбанипал не только истощил свои военные ресурсы, но и ослабил державу, которая служила сдерживанию более опасных врагов.

Мы видели, что "мидяне", вероятно, представляли собой смесь скифского и иранского языков, причем последний элемент обеспечивал правящий и жреческий классы. Скифский элемент, по-видимому, получал значительное подкрепление. Какая-то неясная причина, тревожившая северные степи, вынудила их воинственных пастухов в массе своей двинуться на юг. Большое войско под названием Гимирраи, или киммерийцы, обрушилось на Малую Азию в седьмом веке и охватило ее до западного края плато и за его пределами; другие вторглись в центральную и восточную Армению и, ослабив ванского царя, позволили Ашшурбанипалу объявить об унижении Урарту; другие снова расположились за Загросом и начали прорываться к ассирийским долинам. Даже когда Ашшурбанипал все еще находился на троне, некоторые из этих последних отважились проникнуть очень далеко в пределы его царства; ибо в год его смерти в Сирии появился отряд скифов и совершал набеги на юг, вплоть до границы Египта. Именно этот рейд фактически положил конец ассирийскому контролю над Сирией и позволил Иосии Иерусалимскому и другим восстановить независимость.

Смерть Ашшурбанипала совпала также с окончанием прямого ассирийского правления в Вавилоне. После смерти мятежного брата и наместника в 648 году Великий царь сам принял вавилонскую корону и правил священным городом под вавилонским именем. Но Халдейские княжества существовали уже давно, очень несовершенно включенные в Ассирийскую империю, и им, время от времени вызывавшим восстания, уже удалось посадить на трон

Вавилон более, чем одну династию. Как только "Сарданапала" больше не стало и скифы начали наводнять Ассирию, одно из этих княжеств (неизвестно, какое именно) вышло на передний план и обеспечило южную корону своему принцу Набу-аплу-уцуру, или, как писали это название греки, Набополассару. Этот халдей поспешил укрепить свои позиции, женив своего сына Навуходоносора на мидийской принцессе, и отбросил последние попытки подчиниться ассирийскому сюзеренитету. К 609 году он стал хозяином южной Месопотамии и торгового пути в долине Евфрата.

Таким образом, в начале последнего десятилетия века мы имеем такое положение вещей. Скифы и мидяне удерживают большую часть восточной и центральной Ассирии; халдеи удерживают южную Месопотамию; в то время как Сирия, изолированная от старого центра империи, может принадлежать кому угодно. Немедленно появляется претендент в лице египтянина Нехо, происшедшего от того Псамметиха, который отвоевал у Ассирии страну Нила. Фараон вторгся в Сирию, вероятно, в 609 году, легко преодолел барьер, который Иосия Иерусалимский, весьма дерзкий в эти дни слабости Ассирии, воздвиг на своем пути в Мегиддо, двинулся на север и продолжал действовать по своей воле с западом ассирийской империи в течение четырех или пяти лет. Судьба Ниневии была почти исполнена. Потеряв почти все за своими стенами, она выстояла против нападений скифов до 606 года, а затем пала перед мидийцем Увахшатрой, известным грекам как Киаксарес. Павшая столица Западной Азии была опустошена завоевателями до такой степени, что так и не восстановилась, и ее жизнь навсегда ушла за Тигр, к месту, на котором по сей день стоит Мосул.

РАЗДЕЛ 5. ВАВИЛОНЯНЕ И МИДЯНЕ

Шесть лет спустя, в 600 году до н.э., таково было положение той части Востока, которая когда-то была Ассирийской империей. Навуходоносор, халдейский царь Вавилоня, сменивший своего отца около 605 года, удерживал большую его часть за счет повиновения и дани, но, по-видимому, не с помощью какой-либо централизованной бюрократической организации, созданной ассирийцами. Незадолго до смерти своего отца он разбил египтян в жестоком сражении под стенами Кархемиша, а затем преследовал их на юг через Сирию и, возможно, через границу, прежде чем был отозван для вступления в должность. Таким образом, теперь у него не было соперника или активной соперницы в Сирии, и эта часть утраченной Ассирийской империи, по-видимому, наслаждалась редким периодом мира при местных князьях-клиентах, которые правили более или менее по ассирийским традициям. Единственными огороженными местами, которые хоть как-то демонстрировали неповиновение, были Тир и Иерусалим, которые оба зависели от Египта. Первому предстояло пережить тринадцатилетнюю осаду с перерывами; но второму, располагавшему гораздо меньшими ресурсами, вскоре пришлось сполна расплачиваться за то, что он слишком долго опирался на "посох из сломанной тростинки".

О востоке и севере, конечно, следовало бы рассказать совсем другую историю, если бы мы могли рассказать ее полностью. Но хотя греческие традиции приходят нам на помощь, они могут рассказать об этих отдаленных регионах гораздо меньше, чем до сих пор писанные летописи этой империи, которая только что подошла к концу: и, к сожалению, мидийские наследники Ассирии не оставили собственных эпиграфических записей - по крайней мере, ни одна из них не была найдена. Если, как кажется вероятным, основным элементом военной мощи Киаксареса были скифы, мы вряд ли можем ожидать найти записи ни о его завоевании, ни о последующей карьере мидян, даже если Экбатана должна быть обнажена ниже места

современного Хамадана; ибо хищные скифы, как и средневековые монголы, останавливались слишком ненадолго, чтобы захотеть вырезать камни, и, вероятно, им не хватало умения наносить на них надписи. Чтобы завершить наше замешательство, единственный другой возможный источник света, вавилонские летописи, с тех пор не проливают ни капли света на северную страну и очень мало - на любую другую страну. Навуходоносор - насколько удалось найти и прочесть его записи - не перенял ассирийский обычай перечислять в первую очередь свои походы и сражения; и если бы не еврейские Писания, мы вряд ли узнали бы, что его армии когда-либо покидали Вавилонию, восстановление и переукрашивание городов и святынь которой, по-видимому, составляло его главную заботу. Верно, что, умалчивая о военных действиях, он следует прецеденту предыдущих вавилонских царей; но, вероятно, этот прецедент возник из-за того факта, что в течение долгого времени Вавилон более или менее постоянно был государством-клиентом.

Поэтому мы должны исходить из выводов. Есть два или три зарегистрированных события, более ранние и более поздние, чем наша дата, которые полезны. Во-первых, мы узнаем из вавилонских летописей, что Киаксарес, помимо захвата всей Ассирии и северной части Вавилонии после падения Ниневии, захватил и разграбил Харран и его храм на северо-западе Месопотамии. Теперь, из других записей Набонида, четвертого по счету после Навуходоносора, мы узнаем далее, что этот храм попал в руки вавилонян только в середине следующего столетия. Разумный вывод состоит в том, что с 606 г. до н.э. она оставалась под властью мидян и что северная Месопотамия, так же как и Ассирия, была частью разрозненной Мидийской "Империи" на целых полвека до 552 г. до н.э.

Во-вторых, Геродот свидетельствует об определенном событии, произошедшем около 585 года в регионе, достаточно близком к его собственной стране, чтобы этот факт был ему достаточно хорошо известен. Он утверждает, что после экспедиции в Каппадокию и войны с Лидией мидяне получили по договору с последней, который продвигали царь Вавилона и князь Киликии, реку Галис в качестве "научной границы" на северо-западе. Это утверждение не оставляет у нас сомнений в том, что ранее власть Экбатаны была распространена через Армению в древнюю страну хаттов Каппадокию, а также на весь север Месопотамии в самом широком смысле этого расплывчатого термина.

Возможно, из того же отрывка Геродота можно сделать законный вывод о чем-то большем. Посредничество двух королей, столь неожиданно объединившихся, несомненно, должно означать, что каждый из них относился к одной из двух воюющих сторон как друг и союзник. Если это так (поскольку вавилонский царь вряд ли мог иметь такое отношение к далекой Лидии, в то время как другой царь вполне мог быть ее другом), то Киликия, вероятно, находилась вне Срединной "сферы влияния", в то время как Вавилон входил в нее; и Навуходоносор - ибо это должен был быть он, если рассматривать дату, хотя Геродот называет его именем Лабинет, которое в остальном неизвестно - не был полностью независимым правителем, хотя, несомненно, правителем первого и величайшего из государств-клиентов Мидии. Возможно, именно поэтому он так мало рассказывал нам об экспедициях и сражениях и так ограничил свои записи внутренними событиями. Если бы его армии маршировали только для того, чтобы выполнить приказ чужеземного родственника по закону, он мог бы испытывать лишь слабую гордость за их достижения.

Таким образом, в 600 году до н.э. мы должны представить себе Срединную "Империю", вероятно, набегового типа, с центром на западе современной Персии и простиравшуюся на запад через всю Армению (где перестало существовать Ванское царство) и на юг до плохо определенной точки в Месопотамии. За пределами этой точки на юг и запад простиралась Срединная сфера влияния, которая включала в себя Вавилонию и все, что подчинялось Навуходоносору, вплоть до границы Элама с одной стороны и границы Египта с другой. Поскольку сердце этой "Империи" находилось на севере, ее основная деятельность происходила и там, и, вероятно, в усмотрение вавилонского царя редко вмешивался его мидийский сюзерен. Расширяя свою власть на запад, в Малую Азию, мидяне следовали маршрутами к северу от Тавра, а не старой ассирийской военной дорогой через Киликию. В этом мы можем быть абсолютно уверены. Многие другие, что Геродот сообщает нам о Мидии - его чудесный рассказ об Экбатане и едва ли не менее чудесный рассказ о царствующем доме, - следует пропустить мимо ушей, пока не появится какое-либо подтверждение этому; а этого, возможно, никогда не будет.

РАЗДЕЛ 6. МАЛАЯ АЗИЯ

Однако остается значительная часть Востока, которая не была верна ни Мидии, ни Вавилону. Это, действительно, значительно большая территория, чем была независимо от Дальнего Востока на момент нашего последнего обследования. Малая Азия, по всей вероятности, была независимой от края до края, от Эгейского моря до Евфрата - поскольку в 600 году до н.э. Киаксарес, вероятно, еще не прошел через Урарту - и от Черного моря до залива Иссус. О большей части этой области сейчас у нас есть гораздо более достоверная информация, чем когда мы рассматривали ее в последний раз, потому что так случилось, что она попала в поле зрения греков из западных прибрежных городов и установила с ними торговые и военные отношения. Но об остатке, который лежал слишком далеко на востоке, чтобы сильно волновать греков, у нас меньше информации, чем было в 800 году до нашей эры, из-за отсутствия ассирийских имперских анналов.

Доминирующим фактом в Малой Азии в 600 году до н.э. является существование новой императорской державы - Лидии. Расположенный в центральной части запада полуострова, его письма простирались на восток по плато примерно до бывших пределов Фригийской державы, на руинах которой он возник. Как уже говорилось, есть основания полагать, что его "сфера влияния", во всяком случае, включала Киликию, и битва на Галисе, которая состоится через пятнадцать лет после нашего настоящего обзора, покажет, что была предпринята попытка установить некоторый контроль и над Каппадокией. Однако, прежде чем мы поговорим о Лидийском царстве и о его подъеме до нынешнего положения, будет лучше избавиться от этого отдаленного государства на юго-востоке, вероятно, союзника или даже клиента Лидии, которая, как нам сказали, в то время была одной из "четырех азиатских держав". Эти державы включали также Вавилон, и соответственно, если наше предположение о том, что Мидянин был тогда правителем Навуходоносора, верно, это утверждение Евсевия, как бы то ни было, не подразумевает, что Киликия достигла имперского положения. Несомненно, из четырех "сил" она занимала самое низкое место.

РАЗДЕЛ 7. КИЛИКИЯ

Следует помнить, сколько внимания уделял этой маленькой стране великий император-набегист среднеассирийского периода Салманасар II. Цари-завоеватели более поздних

династий посвящали едва ли меньше. От Саргона до Ашшурбанипала они или их армии часто бывали там, а их правители - постоянно. Говорят, что Сеннахериб перестроил Тарс "по подобию Вавилона", а Ашшурбанипал, которому приходилось заниматься делами Малой Азии больше, чем кому-либо из его предшественников, был настолько тесно связан с Тарсом, что популярное предание более поздних времен поместило там место его смерти и возведение его великой гробницы. И, на самом деле, он, возможно, умер там, несмотря на все, что мы знаем об обратном; ибо ни одно ассирийское свидетельство не говорит нам, что он этого не сделал. В отличие от остальной Малой Азии, Киликия была спасена ассирийцами от опустошительных действий киммерийцев. Их предводитель Дугдамм, которого греки называли Лигдамис, как говорят, встретил свою смерть на пограничных холмах Тавра, которые, без сомнения, ему не удалось миновать. Таким образом, когда смерть Ашшурбанипала и ослабление могущества Ниневии позволили отдаленным вассалам восстановить независимость, неисчерпаемые богатства Киликии вскоре приобрели для нее значительное значение. Теперь цари Тарса распространили свою власть на соседние земли, такие как Куэ на востоке и Табал на севере, и, вероятно, даже на владения Куммуха; ибо Геродот, писавший на полтора столетия позже нашей даты, называет Евфрат границей Киликии. Он, очевидно, понимал, что самая северная часть Сирии, названная более поздними географами (но никогда им самим) Коммагена, была тогда и долгое время была территорией Киликии. Фактически, его географические идеи восходили к великой Киликии доперсидского времени, которая была одной из "четырех великих держав Азии".

Самая интересная черта истории Киликии, которая очень редко и очень туманно раскрывается в летописях Новоассирийского царства, состоит в ее связи с самым ранним походом греков на восток. Первым ассирийским царем, с которым, по-видимому, столкнулись эти западные люди, был Саргон, который в конце VIII века, обнаружив их корабли в том, что он считал своими водами, то есть у берегов Кипра и Киликии, хвастался, что "поймал их, как рыбу". Поскольку это его действие, добавляет он, "дало покой Куэ и Тиру", мы можем обоснованно заключить, что "ионийские пираты" тогда не появились на берегах Финикии и Киликии в первый раз; напротив, они уже представляли известную опасность в самом восточном Леванте. В 720 году мы находим безымянного грека с Кипра (или Ионии), фактически правившего Ашдодом. Преемник Саргона, Сеннахериб, имел серьезные проблемы с ионийцами всего несколько лет спустя, как стало известно из сравнения его царских записей, лишь недавно найденных и прочитанных, с некоторыми утверждениями, сделанными, вероятно, в первую очередь вавилонским историком Бероссом, но сохранившимися до нас в хронике гораздо более поздней даты, к которой до сих пор мало обращали внимания. Собрав эти обрывки информации воедино, ассирийский ученый Кинг пришел к выводу, что в важной кампании, которую восстание в Тарсе при поддержке народов Тавра на западе и севере вынудило военачальников Сеннахериба начать в Киликии в 698 году, ионийцы принимали видное участие на суше, а также, вероятно, и на море. Говорят (поздний греческий историк), что Сеннахериб воздвиг "афинский" храм в Тарсе после победы, которая была одержана с трудом; и если это означает, что вполне может означать, "ионический" храм, то это ни в коем случае не является невероятным фактом, учитывая, что между киликийцами и людьми запада существовало много местных контактов. Поразительное сходство формы и художественного исполнения между ранними глиптическими и торовитическими работами Ионии и Киликии соответственно упоминалось в предыдущей главе; и здесь нужно только добавить в заключение, что если у Киликии были отношения с Ионией уже в начале VII века - отношения, достаточные, чтобы привести к союзу в войне и изменению

местных искусств, - то вполне естественно, что несколько лет спустя она оказалась в союзе с Лидией, а не с Мидией.

РАЗДЕЛ 8. ФРИГИЯ

Когда мы в последний раз обследовали Малую Азию в целом, она в значительной степени находилась под господством центральной державы во Фригии. Теперь этой державы больше нет, и ее место заняла другая, которая покоится в точке, расположенной ближе к западному побережью. Мимоходом стоит отметить, как анатолийское владычество постепенно перемещалось с востока на запад - от бассейна Галиса в северной Каппадокии, где его обладатели принадлежали, вообще говоря, к той же культурной группе, что и Месопотамский Восток, до среднего бассейна Сангариуса, где западные влияния сильно изменили местную культуру (если мы можем судить по остаткам искусства и письменности). Теперь, наконец, дело дошло до долины Хермус, до которой доносится дыхание Эгейского моря. Что бы ни смог восстановить Восток в будущем, Анатолийский полуостров все больше и больше опирался на Запад, и его господство стало зависеть от контакта с жизненно важным влиянием эллинизма, а не от связи с сердцем Западной Азии.

Царь Миты из Мушек впервые появляется в "анналах Новоассирийского царства" как противостоящий Саргону, когда последний в начале своего правления попытался расширить сферу своего влияния, если не территориальную империю, за пределы Тавра, включив в нее княжества Куэ и Табал; и тот же самый Мита, по-видимому, был союзником Кархемиша в восстании, закончившемся его осадой и окончательным захватом в 717 году до н.э. Как было сказано в предыдущей главе, обычно этого царя отождествляют с одним из тех "фригийцев", известных всему миру. Греки в роли Мидаса - предпочтительно с сыном первого Гордия, чье богатство и могущество были увековечены в мифологии. Если это отождествление верно, мы должны представить себе Фригию в конце VIII века как доминирующую почти над всей Малой Азией, будь то путем прямого или косвенного правления; как готовую померяться силами (хотя и без окончательного успеха) с сильнейшей державой Азии; и как заявляющую о своих интересах даже за пределами полуострова. Писирис, царь Кархемиша, обратился к Мите как к своему союзнику либо потому, что мушки из Малой Азии сидели на троне его собственных предков, хатти из Каппадокии, либо потому, что он сам был из рода Мушек. Не может быть никаких сомнений в том, что царь, к которому обращались таким образом, был царем Каппадокии. Был ли он также царем Фригии, то есть действительно тем же самым, что Мидас, сын Гордия, - это, как уже было сказано, менее определено. Отношения Миты с Куэ, Табалом и Кархемишем сами по себе не доказывают, что его резиденция власти находилась где-либо еще, кроме как на востоке Малой Азии, где мосхи действительно дожили до гораздо более поздних времен: но, с другой стороны, появление надписей характерным фригийским шрифтом в Эйюке, к востоку от Галиса, и в Тиане, к юго-востоку от центрально-анатолийской пустыни, доказывает, что в какой-то момент нити фригийской власти действительно простирались в Каппадокию и к земле поздних мосхов.

Следует также признать, что великолепие сохранившихся скальных памятников близ фригийской столицы согласуется с тем, что она была центром очень значительной империи, и вряд ли согласуется с тем, что она была чем-то меньшим. Величайшая из них, гробница царя Мидаса (сына не Гордия, а Атиса), имеет фасадом утес высотой около ста футов, срезанный до гладкой поверхности, на которой рельефно нанесен сложный геометрический узор. У подножия

находится фальшивая дверь, а над огромным каменным занавесом в скале вырезан треугольный фронтон, достойный греческого храма, и выгравирована длинная надпись различными древнегреческими буквами. В районе вокруг центрального участка есть много других скальных гробниц меньшего размера, но схожей планировки и убранства, а также другие, на которых изображены рельефы человеческих фигур и львов, причем последние огромных размеров изображены на двух знаменитых фасадах. Когда они были вырезаны, ассирийское искусство Нового царства, очевидно, было известно во Фригии (вероятно, в начале седьмого века), и трудно поверить, что те, кто создавал такие великие вещи под ассирийским влиянием, могли остаться совершенно незамеченными в современных ассирийских записях. Следовательно, в конце концов, нам, возможно, придется признать, что это были те самые мушки, которые последовали за лидерами по имени Мита, чтобы сразиться с великими царями Ниневии от Саргона до Ашшурбанипала.

Нет никаких сомнений в том, каким был конец Фригийского царства. Ассирийские записи свидетельствуют, что гимирраи, или киммерийцы, индоевропейский скифский народ, который оставил свое название Крымской Татарии и нынешнему Крыму, распространились на юг и запад примерно в середине VII века, а греческие записи рассказывают, как они взяли и разграбили столицу Фригии и казнили или принудили к самоубийству последнего царя Мидаса.

РАЗДЕЛ 9. ЛИДИЯ

Должно быть, в час этой катастрофы или незадолго до нее мермнадский принц Сард, которого ассирийцы называли Гуггу, а греки Гигес, отказался от всякой верности, которой он, возможно, был обязан Фригии, и начал возвеличивать свой дом и лидийскую землю. Он был основателем новой династии, будучи по происхождению, по-видимому, придворным аристократом, который был возведен на трон в результате событий, связанных по-разному, но, по всем сведениям, связанных с какой-то интригой с королевой его предшественницы. Один историк, который говорит, что он одержал победу с помощью карийцев, вероятно, констатирует факт; ибо это был тот же Гигес, который несколько лет спустя, по-видимому, представил карийских наемников вниманию Псамметиха египетского. Встретив киммерийскую орду и дав ей отпор без помощи Ашшурбанипала Ассирийского, к которому он тщетно обращался, Гигес вступил в союз с египетским мятежником, который только что основал династию Саитов, и продолжил расширять свои границы, нападая на процветающих греков на своей западной стороне. Но он добился успеха только против Колофона и Магнезии на Меандре, во внутренних районах, и потерпел неудачу перед Смирной и Милетом, которые могли снабжаться продовольствием за счет своих флотов и, вероятно, имели в своем распоряжении большую часть тех воинственных "ионийских пиратов", которые долгое время разоряли Левант. В течение долгого правления, которое Геродот (неточный хронолог) оценивает в тридцать восемь лет, Гигес имел время установить свою власть и обеспечить своим лидийцам контроль над сухопутной торговлей; и хотя свежая киммерийская орда, подгоняемая, как говорит Геродот, скифами (возможно, они были связаны с мидянами, двигавшимися тогда на запад, как мы знаем), пришла с севера, разбила и убила Гигеса, разграбила незащищенную часть его столицы и двинулась дальше грабить, что могла, из на всей территории до самого моря, не останавливаясь, чтобы занять огороженные места, его сын Ардис, который держался в цитадели Сард и подчинился Ашшурбанипалу, вскоре смог возобновить наступление на греков. После того, как ассирийская атака на киммерийский фланг или тыл привела к гибели главного вождя варваров на киликийских холмах и рассеянию бури, лидийцы снова двинулись вниз по Меандру. Он захватил

Приену, но, как и его предшественник и преемник, ему не удалось захватить самую желанную добычу греческого побережья - богатый город Милет в устье Меандра.

Однако до даты нашего настоящего обзора и в течение еще полувека эти завоевания лидийских царей в Ионии и Карии представляли собой немногим больше, чем набеги с целью грабежа и шантажа, подобно более ранним месопотамским раззиям. Они могут привести к взятию и разграблению города здесь и там, но не к его удержанию. Карийский грек Геродот, родившийся немногим более века спустя, прямо говорит нам, что до времен Креза, то есть до времен его собственного отца, все греки сохраняли свою свободу: и даже если он подразумевает под этим утверждением, что ранее ни один грек не подвергался регулярному рабству, это все равно подтверждает нашу точку зрения: ибо, если мы можем судить по ассирийской практике, порабощение побежденных народов началось только тогда, когда их земля была включена в территориальную империю. Мы ничего не слышим о лидийских правителях в прибрежных городах Греции и не находим никаких следов "лидийского периода" в слоях таких ионических и карийских стоянок, которые были раскопаны. Таким образом, может показаться, что лидийцы и греки жили до и после 600 года до н.э. в беспокойных контактах, каждый народ держался особняком в целом и узнавал о другом в единственной международной школе, известной первобытным людям, - школе войны.

Геродот утверждает, что греческие города Азии, согласно распространенному в то время мнению, были глубоко обязаны Лидии своей цивилизацией. Большая часть этого долга (если он был реальным) была образована, вероятно, после 600 г. до н.э.; но некоторые составляющие счета статьи должны были относиться к более ранней дате - чеканка денег, например. Однако многое еще предстоит отложить на другую сторону книги, больше, чем знал Геродот, и больше, чем мы пока можем оценить. Слишком мало памятников искусства ранних лидийцев и слишком мало предметов их повседневного обихода было найдено на их малоизученной земле, чтобы мы могли сказать, кому они были больше обязаны Западу или Востоку. Однако из американских раскопок в Сардах мы уже точно узнали, что их письменность была западного типа, более близкой к ионическому, чем даже фригийский; и поскольку их язык содержал большое количество индоевропейских слов, лидийцев в целом не следует считать восточным народом. Хотя имена, данные Геродотом их самым ранним царям, являются месопотамскими и могут напоминать о какой-то политической связи с Дальним Востоком в отдаленную эпоху - возможно, о внешних связях Ура, которые, по-видимому, распространялись на Каппадокию, - все более поздние царские и другие лидийские имена, записанные отчетливо, анатолийские. В любом случае, всякая связь с Месопотамией, должно быть, была давно забыта, прежде чем писцы Ашшурбанипала смогли упомянуть молитву "Гуггу, царя Лудди", как исходящую от народа и земли, о которых их учитель и его предки даже не слышали. По мере продолжения раскопок в Сардах и других местах в Лидии мы, возможно, обнаружим, что высшая цивилизация страны возникла сравнительно поздно, в основном во времена расцвета Мермнадов, и что в ее продуктах обнаружится влияние эллинских городов, которое началось ненамного раньше 600 года до нашей эры и было наиболее мощным в столетии, последовавшем за этой датой.

Мы ничего не знаем о масштабах лидийского могущества на востоке, если только предположения, уже основанные на отрывке Геродота о встрече Алиатта Лидийского с Киаксаром мидийским на Галисе, несколькими годами позже даты нашего настоящего обзора, не являются вполне обоснованными. Если это так, то можно предположить, что сфера влияния Лидии включала Киликию на юго-востоке, а ее интересы, должно быть, были связаны с

Каппадокией на северо-востоке. Не исключено, что династия Мермнадов унаследовала большую часть того, чем владели фригийские цари до нападения киммерийцев; и, возможно, именно из-за деспотичной лидийской оккупации плато на востоке до Галиса и подножия Антитавра, мушки в более поздние времена были представлены только мосхи в западной Армении, а люди Табала - столь же отдаленным и незначительным Тибарени.

РАЗДЕЛ 10. ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА

О греческих городах на анатолийском побережье кое-что уже было сказано. Великий период существования старейших как свободных и независимых сообществ приходится на период с начала восьмого века до конца шестого. Таким образом, они были в полном расцвете примерно в 600 году. Основав второстепенные колонии (говорят, что только в Милете было основано шестьдесят!) и основав торговые посты, они продвинули эллинскую культуру на восток, вокруг берегов полуострова, к Понту на севере и к Киликии на юге. В глазах Геродота это была счастливая эпоха, когда "все эллины были свободны" по сравнению с его собственным опытом персидского владычества. Милет, говорит он нам, был тогда величайшим из городов, владычицей морей; и, конечно, некоторые из самых известных среди его граждан, Анаксимандр, Анаксимен, Гекатей и Фалес, принадлежат примерно к этой эпохе, как и не менее известные имена из других азиатских греческих общин, такие как Алкей и Сафо с Лесбоса, Мимнерм из Смирны или Колофона, Анакреонт из Теоса и многие другие. Этот факт знаменателен, потому что исследования и литературная деятельность, подобные их, вряд ли могли быть осуществлены иначе, как в высокоцивилизованных, свободных и праздных обществах, где жизнь и богатство были в безопасности.

Если, однако, блестящая культура азиатских греков начала VI века не допускает и тени сомнения, то сегодня мы можем увидеть исключительно мало материальных вещей, созданных их искусством. Милет был раскопан германцами в очень значительной степени, не найдя ничего действительно достойного его великого периода, или, более того, многого из того, что вообще можно отнести к этому периоду, за исключением черепков прекрасной расписной посуды. Похоже, что город в устье величайшей долины, которая проникает в Малую Азию с западного побережья, был слишком важен в последующие века и подвергся слишком суровым наказаниям и слишком тщательным реконструкциям, чтобы остатки его прежнего величия сохранились, за исключением ям и углов. Эфес подарил нам больше архаичных сокровищ из отложений, залегающих под более поздними реконструкциями его великого святилища Артемиды; но и здесь местоположение самого города, хотя и давно исследованное австрийцами, не пополнило его сокровищницу. Руины великих римских построек, которые перекрывают его более ранние слои, оказались, возможно, слишком серьезным препятствием для землекопов и слишком соблазнительной добычей. Бранхиды, с их храмом Аполлона и Священным Путем, сохранили для нас немного архаичных скульптур, как и Самос и Хиос. У нас есть архаичные золотые изделия и расписные вазы с Родоса, расписные саркофаги из Клазомен, а также расписная керамика, изготовленная там и в других местах Малой Азии, хотя встречается в основном за границей. Но все это составляет очень слабое представление об азиатской греческой цивилизации 600 года до н.э. К счастью, почва все еще содержит гораздо больше, чем было извлечено из нее. За этими двумя исключениями, Милетом и Эфесом, места расположения древних эллинских городов на анатолийском побережье или вблизи него все еще ждут землекопов, которые докопаются до сути и будут систематически копать на большой

территории; в то время как некоторые места вообще ждут каких-либо раскопок, за исключением тех, которые проводятся крестьянами-грабителями.

В своей свободной юности азиатские греки в полной мере воплотили в жизнь эллинскую концепцию города-государства, самоуправляемого, самодостаточного, исключительного. Вследствие этого несколько их обществ имели чрезвычайно яркое и заинтересованное общинное существование, которое развивает цивилизацию, как теплица развивает растения; но они не были демократичными, и у них было мало чувства национальности - недостатки, за которые им пришлось дорого заплатить в ближайшем будущем. Несмотря на их объединения для празднования общих праздников, такие как Лига двенадцати ионических городов и Лига дорийского Гексаполиса на юго-западе, которые привели к обсуждению общих политических интересов, сепаратистский инстинкт, усиленный сильными географическими границами, разделявшими большую часть гражданских территорий, постоянно давал о себе знать. Тот же инстинкт правил и историей европейской Греции. Но в то время как катастрофы, которую в конечном итоге это повлекло бы за собой, там долгое время избегали благодаря островному положению основной греческой территории в целом и отсутствию какой-либо сильной иностранной державы на ее континентальной границе, катастрофа надвигалась на Азиатскую Грецию с того момента, как имперское государство обосновалось на западной окраине внутреннего плато. Такое государство теперь появилось и утвердилось; и если у азиатских греков были глаза, способные читать, то письма были на их стенах в 600 году до н.э.

Тем временем азиатские торговцы хлынули в восточную Элладу, а эллины и их влияние проникли далеко в Азию. Руки, вырезавшие некоторые изделия из слоновой кости, найденные в самом раннем Артемизиуме в Эфесе, работали в соответствии с художественными традициями, восходящими, в конечном счете, к Тигру. Так же работали кузнецы, изготавливавшие родосские украшения, и художники, расписывавшие милезийскую посуду и клазоменские саркофаги. На другой стороне книги (хотя три части ее страницы все еще скрыты от нас) мы должны отдать должное греческим письмам Лидии, скальным фронтонам Фригии, а также формам и декоративным схемам многих сосудов и небольших изделий из глины и бронзы, найденных в Гордиевых курганах и в других точках западного плато от Мизии до Памфилии. Люди "Явана", которые столетие назад удерживали Сирийское море, были известны Иезекиилю как великие мастера по металлу; и на Кипре они давно встретились и смешали свою культуру с культурой людей с Востока.

В начале этой главы подразумевалось, что в 600 году до н.э. социальные изменения на Востоке окажутся непропорциональными политическим переменам; и в целом, похоже, так оно и было. Ассирийская империя пала слишком недавно, чтобы на ее территории произошли какие-либо значительные изменения в жизни, и, фактически, большая часть этой территории все еще находилась под управлением халдейской монархии, основанной на установившихся принципах семитского империализма. Вопрос о том, находился ли центр такого правительства в Ниневии или в Вавилоне, мог очень мало повлиять на покоренное население. Никакая новая религиозная сила не пришла на древний Восток, если только мидянина не считать таковым в силу его зороастризма. Вероятно, он не сильно повлиял на религию на ранней стадии своих набегов и завоеваний. Великий опыт, который должен был превратить евреев из ничтожных и варварских горцев в культурный, коммерческий и космополитичный народ с огромными возможностями, действительно начался, но только для части расы и пока без очевидного результата. Первое по силе вторжение иранцев и медленное вытеснение индоевропейских

племен из России, которое привело к появлению армянского народа в истории, являются наиболее важными признаками грядущих перемен, которые следует отметить между 800 и 600 годами до нашей эры, за одним исключением, полный смысл которого будет ясен в нашем следующем обзоре. Это было движение греков на восток.

ГЛАВА IV

ВОСТОК В 400 ГОДУ До н. э.

По мере того, как пятый век подходит к концу, Восток наконец раскрывается в свете истории, написанной греками. Среди народов, чьи литературные произведения нам известны, они были первыми, кто проявил любопытство к миру, в котором они жили, и достаточное осознание любопытства других, чтобы зафиксировать результаты своего исследования. До нашей сегодняшней встречи греки много интересовались Востоком, и не только у выходцев с Востока. Их собственные общественные деятели, военные и гражданские, их ученые, их литераторы, их купцы в неизвестном количестве, даже их солдаты тысячами отправлялись во Внутреннюю Азию и возвращались. Ведущие афиняне, Солон, Гиппий и Фемистокл, были приняты при восточных дворах или сопровождали восточных государей на войну, а один, даже более знаменитый, чем они, Алкивиад, недавно жил с персидским сатрапом. Греческие врачи Демоцед из Кротона, Аполлонид с Коса, Ктесий из Книды служили персидским королям и королевам в их дворцах. Геродот Галикарнасский, возможно, видел Вавилон и, несомненно, добрую часть Сирии; Ктесий жил в Сузах и собирал заметки для истории Персидской империи; Ксенофонт Аттийский прошел пешком от Средиземного моря до Тигра и от Тигра до Черного моря, и с ним прошли более десяти тысяч греков. До нашего времени сохранились, полностью или частично, не только работы этих трех литераторов, но и многие заметки о Востоке, каким он был до 400 года до н.э., сохранившиеся в отрывках, перефразировках и эпитомах более поздних авторов. И у нас все еще есть кое-какие археологические документы, на которые можно опереться. Хотя клинописные записи Персидской империи менее многочисленны, чем записи более позднего Ассирийского царства, они, тем не менее, включают такие бесценные исторические надписи, как надпись, высеченная Дарием, сыном Гистаспа, на скале Бехистун. Существуют также иероглифические, иератические и демотические тексты персидского Египта; надписи семитской Сирии и некоторые из архаической Греции; и много других разнообразных археологических материалов из различных частей Востока, которые, даже без надписей, могут рассказать нам о местном обществе и жизни.

РАЗДЕЛ 1. ДВИЖЕНИЕ ГРЕКОВ На ВОСТОК

Греки долгое время продвигались на восток. Более трехсот лет назад, как было показано в предыдущей главе, он стал грозой в самом отдаленном Леванте. Не прошло и столетия, как он нашел дорогу и в Египет. Первоначально нанятые в качестве наемников для поддержки восстания местных жителей против Ассирии, греки остались в долине Нила не только воевать, но и торговать. Первому знакомству с ними сайтского фараона Псамметиха способствовал Гигес Лидиец для достижения своих собственных целей, но первое усиление их социального

влияния в Египте было связано с предприимчивостью Милета по созданию фабрики в нижнем течении Канопского Нила. Этот пост и два постоянных лагеря греческих наемников, один в Тахпанесе, наблюдавший за приближением из Азии, другой в Мемфисе, внушавший благоговейный трепет столице и охранявший дорогу в Верхний Египет, послужили приобщению ионийской цивилизации к Дельте в седьмом веке. Действительно, по сей день наши знания о самой ранней тонкой расписной керамике Ионии и Карики в значительной степени зависят от фрагментов их ваз, привезенных в Египет, которые были найдены в Тахпанесе, Мемфисе и другой греческой колонии, Наукратисе, основанной немного позже (как мы сейчас расскажем), чтобы заменить первоначальную милезийскую фабрику. Хотя сами эти иностранные вазы с изображениями обнаженных фигур, которые возмущали вульгарные египетские настроения, не выходили далеко за пределы греческих поселений (подобно греческим куртизанкам Наукратиса, которые, возможно, понравились только более космополитичным сайтам), их искусство, безусловно, повлияло на все более утонченное искусство сайтской эпохи, положив начало возрождению, черты чрезмерной утонченности и педантичной деликатности сохранились, чтобы быть усиленными в период Птолемеев новым влиянием эллинской культуры.

Греки стали настолько полезными или опасными - во всяком случае, их было так много - в Нижнем Египте к началу VI века, что за ними была закреплена резервация рядом с египетским городом Пьемро, и только туда, согласно Геродоту, разрешалось добираться пришельцам с моря. Этот иностранный пригород Пьемро был назван Наукратисом, и девять городов азиатских греков основали там общее святилище. У других морских сообществ той же расы (вероятно, более могущественных, поскольку среди них назван Милет) также были свои особые святилища и соответствующие им места. Греки приехали в Египет, чтобы остаться. Из останков Наукратиса мы узнали, что на протяжении всего персидского владычества, пришедшего на смену сайтскому до конца VI века, поддерживался постоянный импорт продуктов из Ионии, Аттики, Спарты, Кипра и других эллинских центров. Когда Геродот посетил Египет, здесь кипела жизнь, и оно продолжало процветать до тех пор, пока греческая раса, став правителями всей страны, не возвела эллинизм на трон в Александрии у самого моря.

РАЗДЕЛ 2. ФИНИКИЙСКИЕ ПЕРЕВОЗЧИКИ

Не только через греческих мореплавателей и поселенцев в Киликии, а также через греческих наемников, торговцев и куртизанок в дельте Нила завязывались взаимные знакомства Востока и Запада. Другие коммуникационные агентства активно привлекали месопотамских моделей к работе с художниками ионических и дорийских городов в Малой Азии, а ионические модели - в Месопотамии и Сирии. Результаты очевидны, с одной стороны, в ткани и дизайне ранних изделий из слоновой кости, ювелирных изделий и других предметов, найденных в архаичном Артемизиуме в Эфесе, и в украшении расписной керамики, произведенной в Милете; с другой стороны, в резных изделиях из слоновой кости IX века, найденных в Калахе на Тигре. Но процессы, которые привели к этим результатам, не столь ясны. Если агентами или носителями этих взаимных влияний, безусловно, были финикийцы и лидийцы, мы пока не можем с уверенностью возложить на каждый из этих народов ответственность за результаты или быть уверенными, что они были единственными агентами или независимыми от других посредников, более непосредственно контактировавшими с той или иной стороной.

Финикийцы продвинулись далеко вперед с тех пор, как мы смотрели на них в последний раз. Основав Карфаген более чем на полпути к Геркулесовым столбам, город Тир завершил оккупацию достаточного количества африканских гаваней, находящихся за пределами досягаемости Египта и греческой сферы, чтобы к концу IX века присвоить себе торговлю в бассейне западного Средиземноморья. С помощью второстепенных поселений на западной Сицилии, Сардинии и в Испании она на некоторое время превратила это море во что-то вроде финикийского озера. Никакой серьезный соперник не опередил ее там и не должен был возникнуть, чтобы оспорить ее монополию, пока она сама, спустя много времени после нашего свидания, не спровоцирует Рим. Греческие колонии на Сицилии и в Италии, обращенные на запад, поначалу не смогли противостоять ей и вскоре выбыли из борьбы; не лучше обстояли дела и у одного или двух изолированных центров эллинизма на других берегах. С другой стороны, в восточном бассейне Средиземного моря, хотя это было ее собственное родное море, Тиру так и не удалось установить коммерческое господство, и действительно, насколько нам известно, она никогда серьезно не пыталась установить его. Это была сфера деятельности эгейских мореплавателей, и так было всегда, насколько помнили финикийцы. Позднеминойские критяне и жители Арголиды, ахейские разбойники, ионийские пираты, милетские вооруженные торговцы последовательно отворачивались от всего этого, кроме изолированных и мирных кораблей из Сидона и Тира, и даже такое близкое побережье, как Кипр, оставалось чужим для финикийцев в течение столетий после того, как Тир стал полноценным государством. В гомеровских рассказах корабли сидонян, хотя и небезызвестные, появляются редко, а другие ранние легенды греков, в которых упоминаются визиты финикийцев к берегам Греции, подразумевают, что это были необычные явления, которые вызвали большое любопытство местных жителей и надолго запомнились. Странность финикийских мореплавателей, непривычное очарование их грузов - таковы были впечатления, оставленные в греческой истории первыми посещениями финикийских кораблей.

Однако несомненно, что время от времени они действительно наносили подобные визиты. Маленькие египетские безделушки, которые часто встречаются в эллинских пластах VIII-VI веков, являются достаточным свидетельством этого факта. Наиболее многочисленны они на Родосе, в Кари и Ионии, а также на Пелопоннесе. Но основной поток тирской торговли охватывал южное, а не северное побережье Восточного Средиземноморья. Финикийские моряки были по сути южанами - людьми, которые, если и хотели время от времени противостоять холодным ветрам Эгейского и Адриатического морей, отказывались делать это чаще, чем это было необходимо, - людьми, которым больше подходили африканские берега и климат, смягченный дыханием океана.

Однако, если финикийцы, несомненно, были агентами, которые познакомили ранних эллинов Азии и Европы с египетской культурой, то познакомили ли они также с месопотамской? Не до такой же степени, если мы можем судить по результатам раскопок. Действительно, везде, где месопотамское влияние оставляло безошибочные следы на греческой земле, как на Кипре и Ионии или в Коринфе и Спарте, часто либо несомненно, либо вероятно, что перевозчиком был не финикиец. Мы находим ближайшее сходство с архаичным кипрским искусством (где оно вообще было связано с азиатским искусством) в киликийском и сирийском искусстве хеттов. Раннеионийские и карийские пласты содержат очень мало того, что носит египетский характер, но многое из того, что в конечном итоге вдохновило их на создание Месопотамии; и исследования во внутренней Малой Азии, какими бы несовершенными ни были их результаты, выявили на плато так много параллелей с ионическим ориентализирующим искусством и так

много примеров предшествующих этапов его развития, что мы должны предположить, что месопотамское влияние достигло самой западной Азии главным образом сухопутными путями. Что касается европейских памятников, то, поскольку их ориентализм, по-видимому, был заимствован из Ионии, он также пришел по суше через Азию.

Таким образом, в целом, хотя Геродот утверждает, что финикийские мореплаватели перевозили ассирийские грузы, имеется удивительно мало свидетельств того, что эти грузы достигали Запада, и столь же мало свидетельств того, что финикийцы вели сколько-нибудь значительную прямую торговлю с Месопотамией. Возможно, они были ответственны за небольшие египетские предметы, которые были найдены раскопщиками Кархемиша и Сакджегеузи в слоях девятого и восьмого веков; но перевозка подобных предметов на восток через Евфрат, скорее всего, находилась в руках хеттов, чем у них. Самое сильное нилотское влияние, оказавшее влияние на месопотамское искусство, следует отметить во второй половине Новоассирийского царства, когда не было необходимости в чужеземных посредниках для поддержания связи Ниневии с ее собственной провинцией Египет.

Следовательно, очевидно, что греки узнали большую часть того, что они знали о Востоке в 400 году до н.э., не через финикийцев. Другие агенты сыграли большую роль, и почти все взаимодействие осуществлялось не через Левантийское море, а по сухопутному мосту через Малую Азию. В предыдущей части нашего рассказа, во время последнего правления Ассирии на дальнем Востоке и последующего правления мидян и вавилонян в ее комнате, общение осуществлялось почти исключительно посредниками, среди которых (если что-то нужно допустить киликийцам) лидийцы, несомненно, были самыми активными. В более поздней части истории будет видно, что посредники исчезли; барьеры разрушены; Восток сам пришел на Запад, и общение стало непосредственным. Как это произошло - какая сила привела греков и выходцев с Востока к тесному контакту, который должен был иметь самые важные последствия для обоих, - еще предстоит рассказать.

РАЗДЕЛ 3. ПРИШЕСТВИЕ ПЕРСОВ

Мы уже видели, как сила, выросшая за пограничными горами бассейна Тигра, пробилась, наконец, через ущелья и вышла на приречные равнины с фатальными последствиями для северосемитских царей. К началу VI века Ассирия перешла в руки Мидян, и они протянулись через Армению в центральную Малую Азию. Даже южным семитам Вавилонии пришлось признать превосходство пришельцев и, вероятно, принять своего рода вассалитет. Таким образом, поскольку вся нижняя Месопотамия и большая часть Сирии подчинялись вавилонянам, держава, частично иранская, уже затмевала дветрети Востока, прежде чем Кир и его персы появились на сцене. Важно иметь этот факт в виду, когда обращаешь внимание на легкость, с которой доселе безвестный царь Аншана в Эламе смог бы овладеть всей Семитской империей, и на быстроту, с которой его оружие появилось бы на самом дальнем западе Малой Азии, на границах самих греков. Навуходоносор вступил в союз с мидийским царем и повиновался ему, помогая ему на Галисе в 585 году до н.э. договориться с Лидией о разделе полуострова Малая Азия на условиях *xuti possidetis* - вот важная ситуация, которая подготовит нас к тому, что менее чем полвека спустя Кир станет владыкой Вавилона, Иерусалима и Сард.

Какие события, происходившие на дальнем Востоке среди различных групп самих иранцев и их скифских союзников, привели к тому, что этот царь округа в Эламе, чьи собственные претензии на принадлежность по крови к какой-либо из этих групп сомнительны, объединил всех иранцев,

как южных, так и северных, под своим единоличным правлением в могущественную наступательную державу, мы не знаем. Истории, распространенные среди греков и переданные Геродотом и Ктесием, представляли Кира в любом случае персом, но либо внуком мидийского царя (хотя и не его естественным наследником), либо просто одним из его придворных чиновников. Что грекам приходилось объяснять (как и нам), так это последующее исчезновение североиранских царей Мидии и слияние их подданных с персидскими иранцами при южной династии. И то, чего греки не знали, но что мы знаем из клинописных надписей, либо современных времени Кира, либо очень немногим более поздних, только усложняет проблему; поскольку они свидетельствуют о том, что сначала Кир был известен (как уже указывалось) как царь Элама, и лишь позднее - как царь Персии. Ктесий, который жил в самих Сузах, когда ат был столицей Персии, соглашается с Геродотом в том, что Кир силой отобрал власть над Мидией у местной династии; но Геродот добавляет, что многие мидяне были сторонами по обоюдному согласию.

Эти проблемы не могут обсуждаться здесь. Вероятность, в общем, такова. Некоторая часть южной, или персидской, группы иранцев, которая, в отличие от северной, не была заражена скифами, продвинулась в Элам, в то время как мидяне наводняли и ослабляли семитскую империю; и в Аншане она консолидировалась в территориальную державу со столицей в Сузах. Вскоре среди северных иранцев возникло некоторое недовольство, возможно, из-за благосклонности мидийских царей к своим воинственным скифским подданным, и недовольные призвали царя Аншана. Этот вопрос решался в центральной Западной Персии, где со времен отца Киаксареса, Фраорта, доминировали мидяне, и когда он был решен отделением значительной части армии царя Астиага, Кир Аншанский завладел Мидийской империей при доброй воле большей части населения Мидии. Эта империя включала тогда, помимо первоначальной Мидийской земли, не только территории, отвоеванные у Ассирии, но и всю ту часть Персии, которая лежала к востоку от Элама. Несомненно, прошло некоторое время, прежде чем суверенитет Кира был признан всей Персией; но, как только его господство над этой землей стало свершившимся фактом, он, естественно, стал известен как царь в первую очередь персов и лишь во вторую очередь мидян, в то время как его резиденция оставалась в Сузах в его собственном исконном эламском царстве. Скифский элемент в его Мидийской провинции и вокруг нее оставался непримиримым, и однажды он встретит свою смерть в кампании против нее; но иранский элемент остался верен ему и его сыну и только после смерти последнего выразил всеобщим восстанием свое недовольство заключенной сделкой.

РАЗДЕЛ 4. ПАДЕНИЕ ЛИДИИ

Должно быть, Кир практически не встречал сопротивления в западных мидийских провинциях, поскольку мы находим его в течение года или двух после признания как персами, так и мидянами не только на своей крайней границе, реке Галис, но и способным совершить набег через нее и нанести оскорбление могуществу Лидии. На этот поступок его спровоцировала сама Лидия. Падение мидийской династии, с которой царский дом Лидии находился в тесном союзе со времен Галисского пакта, стало катастрофой, которую Крез, ныне царь Сард в зале Алиатта, был достаточно опрометчив, чтобы попытаться исправить. Он с успехом продолжил политику своего отца по расширению лидийского владычества до Эгейского моря за счет ионийских греков; и, будучи хозяином Эфеса, Колофона и Смирны, а также главным партнером в милетской сфере, он обеспечил Лидии контроль и развитие анатолийской торговли, возможно, самой разнообразной и прибыльной в мире того времени. Ставшие синонимом

богатства и роскоши, лидийцы и их царь в наши дни превратились в мягкий, медлительный народ, столь же неспособный справиться с горами диких пограничных высокогорий Персии, поскольку, если верить рассказу Геродота, они не знали об их качестве. Крез не торопился, отправляя послов посоветоваться с ближними и дальними оракулами. Геродот сообщает нам, что он обращался в Дельфы не менее трех раз и даже к оракулу Амона в Восточной Сахаре. Только на эти расспросы ушло не менее года, не говоря уже о посольстве в Спарту и, возможно, о других посольствах в Египет и Вавилон. Когда эти предварительные приготовления были наконец завершены, лидиец собрал рекрутов в западной части Малой Азии и отправился на Восток. Он застал Галис разлившимся - должно быть, это было поздней весной - и, с большим трудом переправившись через него, провел лето, разоряя со своей кавалерией старую родину хатти. Таким образом, он дал Киру время отправить послов в ионийские города, умоляя их напасть на Лидию с тыла, и время самому выступить с войском в свою далекую западную провинцию. Крез был приведен на битву в первые дни осени. Сражение было нерешительным, но лидийцы, не имея намерения оставаться на зиму в суровых каппадокийских высокогорьях и не подозревая, что враг подумает о дальнейших военных действиях до весны, на досуге вернулись в долину Херма, но только для того, чтобы в самих Сардах услышать, что персы по горячим следам преследуют их. Последнее сражение произошло под самыми стенами лидийской столицы и было проиграно Крезом; нижний город был взят и разграблен; и царь, который заперся со своей стражей в цитадели и призывал своих союзников на помощь в течение пяти месяцев, через две недели оказался в плену у Кира. Это был конец Лидии и всех преград между Востоком и Грецией. Восток и Запад находились в прямом контакте, и предзнаменования не предвещали Западу ничего хорошего. Кир отказался от условий греков, за исключением могущественных милезийцев, и, снова отправившись на Восток, оставил Лидию умиротворенной, а все города западного побережья, Ионические, карийские, Ликийские и другие, за исключением только Милета, были покорены его наместниками.

РАЗДЕЛ 5. ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ

Самому Киру все еще приходилось иметь дело с частью Востока, которая, не будучи занята мидянами, хотя и была в некоторой степени союзницей и подчинялась им, не видела теперь причин признавать новую династию. Это часть, которая была включена в состав Нововавилонской империи. Персидские армии вторглись в Вавилонию. Набонид был окончательно разбит при Описе в июне 538 года; Сиппара пала, и полководец Кира, появившийся перед самым Вавилоном, получил его без борьбы от рук недовольных жрецов Бел-Мардука. Знаменитый геродотовский рассказ о тайном проникновении Кира вниз по высохшему руслу Евфрата, по-видимому, является ошибочным воспоминанием о более позднем возвращении города после восстания Дария, о котором подробнее ниже. Таким образом, Киру еще раз было дано закрыть длинную главу восточной истории - историю имперского Вавилона. Он также не делал его своей столицей, и ни один другой правитель Востока не оказал бы ему такого благосклонного отношения. Если Александр, возможно, намеревался восстановить его имперское положение, то его преемник Селевк, как только он убедился в своем наследстве, оставил Евфратский город ради берегов Тигра и Оронта, оставив его разрушаться до того состояния, в котором он находится сегодня.

Сирийские феодалы вавилонских царей перешли *де-юре* к завоевателю; но, вероятно, у самого Кира никогда не было досуга или возможности завладеть ими *де-факто*. Последнее десятилетие своей жизни он, по-видимому, провел в Персии и на северо-востоке, в основном в

попытках ослабить скифский элемент, который угрожал миру Мидии; и в конце концов, загнав врага в угол за Араксом, он встретил там поражение и смерть. Но Камбиз не только завершил дело своего отца в Сирии, но и осуществил то, что, как говорят, было его дальнейшим проектом, захватив Египет и установив там иностранное господство, которому предстояло продлиться, с некоторыми перерывами, почти двести лет. К концу VI века впервые в истории единая территориальная империя распространилась на весь Восток; и именно с колоссом, покорившим земли от Аракса до верховьев Нила и от Окса до Эгейского моря, греки стояли лицом к лицу у ворот Запада.

Однако, прежде чем мы погрузимся в размышления о борьбе, которая перенесет нас в более широкую историю, давайте остановимся на мгновение, чтобы рассмотреть природу новой силы, пришедшей с Востока, и состояние тех подвластных ей народов, которые сыграли наибольшую роль в более поздней истории человечества. Следует отметить, что новая вселенская власть не только впервые в хорошо подтвержденной истории является несемитской, но и контролируется очень чистокровным арийским племенем, гораздо более близким народам Запада, чем любой восточный народ, с которым у них до сих пор были близкие отношения. Персы появились из Глубины Веков, незагрязненные алародианской дикостью и не стесненные теократическими представлениями и кочевыми традициями семитов. Это были горцы с неизменной энергией, бережливостью, оседлой сельскохозяйственной жизнью, давно установившейся социальной сплоченностью и духовными религиозными представлениями. Возможно также, что до того, как они вышли с обширного иранского нагорья, они не были совершенно неискушенными в управлении обширными территориями. В любом случае, их быстрый интеллект позволил им воспользоваться моделями имперской организации, которые сохранились на землях, которые они теперь приобрели; поскольку пережитки ассирийской системы сохранились при нововавилонском правлении, а возможно, и при Мидийском. Впоследствии опыт, приобретенный Камбизом в Египте, должно быть, сыграл какую-то роль в императорском воспитании его преемника Дария, которому историки приписывают окончательную организацию персидского территориального правления. Начиная с правления последнего, мы находим регулярную провинциальную систему, связанную с центром так же, как могла бы быть почтовая служба, проходящая по дорогам штата. Королевская власть делегирована нескольким должностным лицам, не всегда принадлежащим к правящей расе, но независимым друг от друга и напрямую подотчетным Сузам: они живут за счет своих провинций, но в первую очередь должны следить за тем, чтобы центр получал фиксированную квоту денег и фиксированную квоту воинов, когда это требуется. Великий король содержит королевские резиденции в различных городах империи и нередко посещает их; но в целом его наместникам предоставлена исключительная свобода поддерживать мир в своих провинциях и даже вести дела с иностранными соседями по своему усмотрению.

Если мы сравним персидскую теорию империи с ассирийской, то заметим еще один существенный недостаток. Великий царь Сузов признавал не больше обязательств, чем его предшественники в Ниневии, учитывать интересы тех, кем он правил, и возвращать им то, что он забрал. Но хотя, с одной стороны, в шестом веке до нашей эры невозможно было представить лучшую имперскую теорию, и, конечно же, ни одна из них не применялась на Востоке вплоть до девятнадцатого века нашей эры, с другой стороны, персидская имперская практика смягчила ее негативные последствия гораздо больше, чем ассирийская. Свободные от семитской традиции ежегодных набегов, персы превратили воинскую повинность в сносное

бремя и избегали постоянных провокаций со стороны приграничных соседей. Свободные также от семитских сверхмонотеистических идей, они не стремились навязывать свое вероучение. Учитывая, что Персидская империя была обширной, децентрализованной и снабженной несовершенными средствами связи, она могла существовать, только проявляя провинциальную терпимость. Ее провинциальная терпимость, по-видимому, была систематической. Мы хорошо знаем греков и евреев, находившихся под его властью, и в истории тех и других мы упускаем из виду такие признаки религиозного и социального угнетения, как ярко выраженное ассирийское правление. В западной части Малой Азии сатрапы показали себя в целом на редкость миролюбивыми по отношению к местным религиозным чувствам и даже лично совместимыми с ними; а в Иудее надежда евреев на то, что перс окажется освободителем и восстановителем их состояния, не была обманутой. Едва ли хоть отголосок возмущения подданными Персии в мирное время достиг наших ушей. Если правитель азиатских греческих городов шел вразрез с эллинскими чувствами, настаивая на "тираническом" правлении, он всего лишь продолжал систему, при которой большинство этих городов разбогатели. Ясно, что им не на что было жаловаться, кроме как на отсутствие демократической свободы, которой, по сути, некоторые из них не пользовались в день своей независимости. Сатрапы, по-видимому, были снабжены небольшим количеством персидских войск или вообще не имели их вовсе, а в их административном штате было мало помощников-персов. Персидский элемент в провинциях, должно быть, действительно был чрезвычайно мал - настолько мал, что Империя, которая на протяжении более чем двух столетий охватывала почти всю западную Азию, едва ли оставила от себя хоть один провинциальный памятник, высеченный на скале.

РАЗДЕЛ 6. ЕВРЕИ

Если мы посмотрим особенно на евреев - тех подданных Персии, которые по необходимости разделяют большую часть наших интересов с греками, - мы обнаружим, что персидское имперское правление было надежно установлено над бывшим вавилонским владением в Палестине, как только оно начало отменять разрушительную работу своих предшественников. Тщетно ожидая помощи от восстановленного египетского могущества, Иерусалим продержался против Навуходоносора до 587 года. После его захвата рассеяние южных евреев, которое уже началось с местной эмиграции в Египет, было в значительной степени усилено депортацией многочисленного населения в Вавилонию. Однако уже в 538 году, в год вступления Кира в Вавилон (несомненно, в результате этого события), началось возвращение изгнанников в Иудею и, возможно, также в Самарию. К 520 году еврейское население Южной Палестины снова стало достаточно сильным, чтобы доставлять неприятности Дарию, и в 516 году Храм находился в процессе восстановления. К середине следующего столетия Иерусалим снова стал укрепленным городом, и его население еще больше пополнилось многими вернувшимися изгнанниками, которые впитали экономическую цивилизацию, а также религиозность Вавилонии. С тех пор превращение евреев в торговый народ протекает без видимых помех со стороны персидских правителей, которые (как, например, Неемия) сами могли принадлежать к покоренной расе. Даже если допустить значительное приток других семитов, особенно арамеев, - приток, легко принятый народом, который стал скорее церковью, чем нацией, - поразительным свидетельством персидской терпимости остается то, что всего через шесть или семь поколений некогда незначительные евреи стали достаточно многочисленными, чтобы внести важный элемент в население нескольких зарубежных городов. Стоит также отметить, что даже когда, предположительно, они могли свободно вернуться на родину своей расы, многие

евреи предпочитали оставаться в отдаленных частях персидского царства. Имена, упомянутые на табличках с контрактами в Ниппуре, показывают, что евреям было выгодно оставаться у вод Вавилона до конца пятого века; в то время как в другой отдаленной провинции Персидской империи (как свидетельствуют сиенские папирусы) процветающее партикуляристское поселение той же расы сохранялось вплоть до 500 г. до н.э.

РАЗДЕЛ 7. АЗИЯ Под ВЛАСТЬЮ ПЕРСИИ

В целом персы могут с полным основанием утверждать, что их имперская организация в свои лучшие дни, хотя и лишенная централизованной силы или теоретического обоснования современного цивилизованного правления, достигла очень значительного прогресса и что она не недостойна сравнения даже с римской в отношении свободы и мира, которые она фактически обеспечила своим подданным.

Рисунок 5: ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ (ЗАПАД) В ЕЕ НАИБОЛЬШЕМ ПРОЯВЛЕНИИ. ТЕМП. DARIUS HYSTASPIS

Больше ничего не нужно - или можно - сказать о других завоеванных народах, прежде чем мы вернемся к грекам. Хотя Кир не дожил до того, чтобы лично принять покорность всех западноазиатских народов, его сын Камбиз получил ее еще до того, как подошло к концу его короткое восьмилетнее правление. Теперь в состав империи были включены не только все материковые территории, на которых когда-то господствовали мидяне и вавилоняне, но и гораздо более обширные земли на востоке, западе и юге, и даже средиземноморские острова, лежащие у азиатских берегов. Среди этих последних был Кипр, ныне более тесно связанный с Финикией, чем раньше, и объединявшийся с последней для обеспечения военно-морских сил для нужд Великого царя. На востоке Иранское нагорье, за которым наблюдали из двух королевских резиденций, Пасаргад на юге и Экбатаны на севере, раздуло это царство до больших размеров, чем могла похвастаться любая предыдущая восточная империя. На юге Камбиз присоединил Кирену и, менее уверенно, Набию к собственно Египту, которым Ассирия владела в течение короткого времени, как мы видели. На западе Кир и его полководцы уже захватили всю Азию, лежавшую за пределами Срединной границы, включая Киликию, где (как и в других королевствах, например, Финикии, Кипре, Карию) местная династия заняла положение клиента.

Это, однако, не следует понимать как то, что весь Восток сразу погрузился в довольное раболепие. Камбиз, предав смерти своего брата, прервал прямую линию наследования. На Дальнем Востоке появился претендент; Камбиз погиб во время похода навстречу ему, и сразу же все восточные провинции, за исключением родины Персии, подняли восстание. Но молодой родственник царского дома, Дарий, сын Гистаспа, сильный человек, убил претендента и, укрепившись на троне, вернул Мидию, Армению, Элам и, наконец, Вавилонию к повиновению. Шесть лет спустя старый имперский город на Евфрате сделает еще одну попытку обрести свободу, а затем вновь превратится в провинциальный городок. Дарий потратил около двадцати лет на организацию своей империи по сатрапической системе, хорошо известной нам из греческих источников, и на укрепление своих границ. Для достижения последней цели он перешел границу Европы, даже переправившись через Дунай в 511 году, чтобы остановить набеги скифов; и он обеспечил контроль над двумя проливами и безопасность своих владений в северо-западной Азии, аннексировав юго-восток Балканского полуострова с цветущими греческими городами на его побережьях.

РАЗДЕЛ 8. ПЕРСИЯ И ГРЕКИ

Шестой век закончился, а пятый век протекал три года в кажущемся нерушимым мире между Востоком и Западом. Но беда была не за горами. Персия навязала себя городам, цивилизация которых не только потенциально, но и фактически превосходила ее собственную; городам, где индивидуальная и общественная страсть к свободе составляла единственную религию, несовместимую с ее терпимым правлением; городам, осознающим национальную идентичность с могущественной группой за пределами Персидской империи и уверенным, что рано или поздно эта группа вступит в войну от их имени.

Таким образом, за трениями и интригами, которые после целого поколения порабощения привели к тому, что ионийские города, возглавляемые, как и прежде, Милетом, начали первый акт драматической борьбы, которой суждено было войти в историю на очень долгое время вперед, стояли большие причины. Мы не можем здесь подробно рассматривать конкретные события, вызвавшие Ионическое восстание. Достаточно сказать, что все они родились в великом городе Милете, чьи торговые князья и купеческий люд были полны решимости вернуть себе власть и первенство, которыми они пользовались до недавнего времени. Предварительная неспособность заручиться доброй волей Персии фактически вызвала их восстание, но это лишь ускорило борьбу, неизбежную в конечном счете по ту или иную сторону Эгейского моря. После того как все анатолийское побережье от Босфора до Памфилии и даже Кипра на два года было охвачено пламенем, Ионическое восстание потерпело неудачу как из-за партикуляристской зависти самих греческих городов, так и из-за решительных мер, принятых против них Дарием на суше и его послушными финикийцами на море. Морское поражение решило судьбу Милета, жители которого, к ужасу всей Греции, обнаружили, что при случае персы обращались с повстанцами как с верными преемниками Салманасара и Навуходоносора. Но даже несмотря на то, что это провалилось, Восстание положило начало второму акту драмы. Ибо, с одной стороны, это вовлекло в персидскую политику некоторые города греческой метрополии, в частности Афины, контингент которых, отличаясь большой дерзостью, оскорбил Великого царя, помогая сжечь нижний город Сарды; а с другой, это побудило деспота на европейском берегу Дарданелл, некоего Мильтиада, афинянина, которому суждена бессмертная слава, еще больше рассердить Дария, захватив его острова Лемнос и Имброс.

Очевидно, что нельзя было доверять и азиатским грекам, даже несмотря на то, что их когти были обрезаны в результате разоружения, а мотивы для восстания уменьшились в результате смещения их деспотов, и Балканскую провинцию нельзя было надежно удержать, в то время как западные греки оставались непокорными, и Афины, в частности, стремясь установить контроль над эгейской торговлей, поддерживали ионические колонии. Поэтому Дарий решил нанести удар по этому городу, чей изгнанный деспот Гиппий обещал вероломное сотрудничество; и он призвал другие греческие государства официально подчиниться и сохранить мир. Первая армада, отправленная к северному побережью в 492 году, присоединила Македонию к Персидской империи; но она была искалечена штормами. Второй, отправленный два года спустя прямо через Эгейское море, захватил Кикладские острова, отомстил Эретрии, одной из второстепенных фигуранток сардийского дела, и, наконец, был доставлен на аттический берег в Марафоне. Всемирно известное поражение, которое потерпели там его десантные отряды, должно быть рассказано историком скорее Греции, чем Востока; точно так же следует рассказать и о третьем и последнем вторжении, которое десять лет спустя, после смерти старого Дария, Ксеркс лично возглавил, нанеся поражение при Саламине, и ушел, чтобы

встретить окончательный разгром под командованием своего генералиссимуса при Платеях. Для нашей цели будет достаточно отметить влияние, которое эта знаменательная серия событий оказала на сам Восток.

РАЗДЕЛ 9. РЕЗУЛЬТАТЫ НАПАДЕНИЙ ПЕРСОВ На ГРЕЦИЮ

Очевидно, что неудача Персии в Европе затронула побежденных меньше, чем победившую сторону. За исключением самой западной окраины Персидской империи, у нас нет оснований утверждать, что это вообще имело какой-либо серьезный политический результат. Восстание в Египте, вспыхнувшее в последний год правления Дария и легко подавленное его преемником, по-видимому, не было связано с персидской катастрофой при Марафоне; и даже когда были нанесены еще два значительных поражения в Греции и четвертое у берегов самой Азии - битва при Микале, - за которой последовала потеря Сестуса, европейского ключа к Геллеспонт, и, более отдаленно, потеря не только всех персидских владений на Балканах и островах, но также и ионийских греческих городов и большей части Эолийского полуострова, и, наконец, (после окончательного морского поражения у Эвримедонта) всего побережья Анатолии от Памфилии вплоть до Пропонтиды - даже после всех этих поражений и потерь персидское могущество не пострадало от ослабления во внутренней Азии или потери престижа во внутренней Малой Азии. Действительно, должно было пройти еще несколько лет, прежде чем вечно беспокойная египетская провинция воспользовалась случаем смерти Ксеркса, чтобы объединиться с новой властью и предпринять новую попытку сбросить персидское иго; но попытка снова оказалась тщетной.

Когда Персия отказалась от прямого суверенитета над анатолийским побережьем, она понесла небольшие коммерческие потери и стала в большей безопасности. Ясно, что ее сатрапы продолжали управлять западной торговлей, и столь же ясно, что богатство ее империи увеличилось в большем соотношении, чем богатство греческих городов. Существует мало свидетельств о торговой экспансии эллинов, последовавшей за персидскими войнами, но много свидетельств о продолжающейся и даже растущей бедности эллинов. В этом случае Персия оказалась почти в состоянии вернуть золотом то, что она потеряла в битве, и оказывать финансовое влияние на Грецию большее и более продолжительное, чем она когда-либо оказывала с помощью оружия. Более того, у ее империи было меньше шансов подвергнуться нападению, когда она была ограничена западным краем Анатолийского плато и больше не пыталась удерживать какую-либо европейскую территорию. Анатолийское побережье и плато отличаются географическим разнообразием. Во все века только последнее было неотъемлемой частью внутренней Азии, и общество и политика одного из них отличались от общества и политики другого. Мощная граница Азии на ее западной оконечности полуострова проходит не по побережью, а за ним.

В то же время, хотя их непосредственные результаты для Персидской империи были не очень пагубными, эти неудачные экспедиции в Европу посеяли семена окончательной катастрофы. Как прямое следствие этого, греки осознали свою собственную боевую ценность как на суше, так и на море по сравнению с народами внутренней Азии и финикийцами. Их прежний страх перед численным превосходством рассеялся, и большая часть тайны, которая до сих пор преувеличивала и прикрывала восточное могущество, рассеялась. Не менее очевидно, что эти экспедиции впервые дали понять грекам, что существует как общий враг всей их расы, так и внешнее поле для их собственных общих посягательств и грабежей. Поскольку идее

национальности было суждено когда-либо действовать в умах греков, с тех пор она черпала вдохновение в чувстве общего превосходства и общей враждебности к восточным народам. Одним словом, Персия заложила основы и способствовала развитию греческой национальности в рамках общего честолюбия, направленного против нее самой. Ей также было суждено, вынудив Афины выступить впереди греческих государств, дать зарождающейся нации самого вдохновляющего и предприимчивого лидера - наиболее богатого имперскими идеями и наиболее способного приступить к их реализации: и, отступая перед этим народом, она втянула своего преследователя в мир, который, если бы она сама не продвинулась в Европу, вероятно, не увидел бы его в последующие столетия.

Более того, последующей переменной отношения к своему победоносному врагу - хотя эта перемена не была полностью дискредитирована - Персия воспитала в греках еще большее самомнение и лучшее понимание своей слабости. Персы, обладавшие умом и разносторонностью, которыми всегда отличалась их раса, очень быстро перешли от чрезмерного презрения к чрезмерному восхищению греками. Они почти сразу же принялись за работу по привлечению эллинских государственных деятелей и ученых в свое собственное общество, а также по использованию эллинских солдат и матросов. Вскоре мы обнаруживаем, что западные сатрапы поддерживают сердечные отношения с ионическими городами, гостеприимно принимая знатных греков и примиряя греческие политические и религиозные пристрастия. Должно быть, они достигли значительного успеха, но при этом невольно готовили катастрофу. Когда немногим более века спустя Западная Европа двинулась бы на восток, чтобы положить конец персидскому владычеству, некоторые из крупных ионических и карийских городов оказали бы ей длительное сопротивление, которое нельзя объяснить только влиянием персидского золота или персидского элемента в их администрации. Милет и Галикарнас закрыли свои ворота и отчаянно защищали свои стены от Александра, потому что они понимали, что в их собственных интересах участвовать в продолжении существования Персидской империи. Не менее успешно персы действовали и с греками, фактически взятыми к ним на службу. Греческие наемники остались верны Великому царю, когда началось греческое нападение, и дали Александру тяжелейший бой в трех великих битвах, решивших судьбу Востока. Тем не менее, такое отношение к грекам было самоубийственным. Оно возвысило дух Европы, в то время как подорвало мужество и подорвало уверенность в себе Азии.

РАЗДЕЛ 10. ПЕРВЫЕ КОНТРАТАКИ

Это, однако, для того, чтобы предвосхитить продолжение. Давайте, наконец, обратим наш взор на восточный мир в 400 году до нашей эры и рассмотрим его таким, каким он должен был тогда представляться глазам, от которых все будущее было скрыто. Побережье Малой Азии, вообще говоря, находилось в руках Греции, города были автономными торговыми сообществами, как греки понимали автономию; но большинство из них еще четыре года назад признавали сюзеренитет или, скорее, федеральное лидерство Афин и теперь менее охотно признавали превосходство Спарты, установленное сначала при содействии Персии. Многие из этих городов, которые долгое время поддерживали очень тесные отношения с персидскими правителями *ближайших внутренних земель*, не только формировали свою политику в угоду последним, но даже признавали персидский сюзеренитет; и поскольку, как это случилось, в этот конкретный момент Спарта поссорилась с Персией, и спартанская армия под командованием Дерсиллида оккупировала эолийский район на севере, "мидийские" города Ионии и Карики были в некотором сомнении относительно своего будущего. В целом они по-

прежнему склонялись на сторону сатрапов. Персидское влияние и даже контроль, по сути, значительно усилились на западном побережье с тех пор, как Афины были вытеснены державой, непривычной к имперской политике и заведомо неумелой в военно-морских делах; и флоты Финикии и Кипра, чьи греческие князья попали под финикийское господство, восстановили господство на море.

Однако всего за год до этого "Десять тысяч" тяжеловооруженных греков (и почти вдвое меньше из всех родов войск), в основном спартанцев, прошли маршем прямо через западную Азию. Они отправились в качестве наемных союзников более многочисленного местного отряда во главе с Киром, персидским принцем-губернатором западно-центральной Анатолии, который возжелал диадему своего недавно возведенного на престол брата. Пройдя через древние Лидийское и Фригийское царства, они спустились в Киликию и снова поднялись через северную Сирию к Евфрату, направляясь (хотя в конце концов они узнали об этом только у вод самой Великой реки) в Вавилон. Но они так и не достигли этого города. Кир встретил смерть, а его восточные солдаты признали поражение при Кунаксе, примерно в четырех днях пути от цели. Но непобежденные греки, отказывавшиеся сдаваться и, хотя их было немного, настолько боявшиеся персов, что они не подвергались непосредственному нападению, были вынуждены вернуться на свою землю, насколько это было возможно. Как, лишившись своих первоначальных вождей, они все же достигли Черного моря и безопасности через долину Тигра и дикие перевалы курдской Армении, все читатели Ксенофонта, афинянина, принявшего командование, хорошо знают. Теперь, в 400 году до нашей эры, они снова появились в городах Западной Азии и Европы, чтобы рассказать, насколько открыт внутренний континент для дерзких грабителей и как мало десять жителей Востока помогли в нападении или обороне против одного грека. Такие истории тогда и там побуждали Спарту к передовой политике, и в один прекрасный день это побудило бы более сильную западную державу, чем ее, отправиться на завоевание Востока.

Нам повезло, что у Ксенофонта есть подробное повествование о приключениях этих греков, хотя бы потому, что оно, кстати, проливает свет на внутреннюю Азию почти в самый момент нашего обзора. Мы видим Сарды под властью Персии такими, какими они были под властью Лидии, столицы Анатолии; мы видим обширные долины Лидии и Фригии, на севере и юге, хорошо населенные, хорошо снабжаемые и находящиеся в надежных руках, в то время как суровые предгорья и еще более суровые высоты Тавра удерживаются непокорными горцами, которых не пускают на равнины только благодаря таким периодическим карам, каким Кир позволил подвергать свою армию в Писидии и Ликаонии. Киликией управляет и защищает ее собственный князь, который носит то же имя или титул, что и его предшественник во времена Сеннахериба, но феодально подотчетен Великому царю. Его земля до сих пор является его частной собственностью, что Кир, хотя и претендует на звание владыки всей империи, поощряет разграбление богатой столицы провинции. Флот Кира беспрепятственно высаживает людей и припасы в северной Сирии, в то время как во внутренних районах страны вплоть до Евфрата и вниз по его долине до Вавилонии царит мир. Великий Царь способен собрать более полумиллиона человек с востока и юга, чтобы встретить своего врага, не считая рекрутов Мидии, провинции, которая сейчас, по-видимому, включает большую часть древней Ассирии. Эти сотни тысяч составляют войско, необученное, недисциплинированное, неустойчивое, непривычное к службе, мало похожее на упорядоченные батальоны по сути военной державы, какой была Ассирия.

Из истории Ретрита можно сделать определенные дальнейшие выводы. Во-первых, Вавилония была частью империи, не очень благосклонной к Великому царю; иначе местное ополчение не позволило бы грекам так легко войти в нее, а персы не поощряли бы их покинуть ее. Во-вторых, древняя Ассирия была мирной провинцией, не подвергавшейся давлению со стороны постоянных персидских войск или гарнизонов какой-либо силы. В-третьих, Южный Курдистан удерживался не Великим королем и не для Него, и он отдавал дань лишь случайному давлению. В-четвертых, остальная часть Курдистана и Армении вплоть до верхнего рукава Евфрата ненадежно удерживалась персами; и, наконец, к северу от долины Евфрата вплоть до Черного моря вся территория была практически независимой. Мы не знаем ничего точного о дальневосточных провинциях или южной Сирии в этом 400-м году. Артаксеркс, Великий царь, прибыл из Сузов, чтобы встретиться со своим мятежным братом, но в Вавилон он вернулся, чтобы предать смерти предавших его вождей греков. В этот момент Ктесий, грек-книдзянин, был его придворным врачом и не был другом ни Киру, ни спартамцам; уже тогда он состоял в переписке с афинянином Кононом, которому вскоре предстояло стать персидским адмиралом и разгромить спартанский флот. Из его истории Персии сохранилось несколько фрагментов и несколько обобщенных выдержек, относящихся к этому времени. Они имеют ценность, которой, по-видимому, не обладала большая часть его книги; ибо в них рассказывается о том, что слышал и видел современник, исключительно хорошо осведомленный о придворных новостях. Можно сделать вывод, что царь и двор отошли от идей и практики первого Кира. Артаксеркс был немилосерден, слаб в религии (хотя он был должным образом посвящен в Пасаргадах) и пристрастился к не-зороастрийским практикам. Многие персы, большие и малые, были недовольны им, и многие сплотились вокруг его брата; но в его армии было несколько западных авантюристов. Придворные дамы обладали едва ли не большей властью при дворе, чем Великий король, и жестоко ссорились друг с другом.

Плутарх, который черпал материал для своей "жизни Артаксеркса" не только у Ктесия, но и у авторитетов, ныне утерянных нами, оставляет у нас примерно такое же впечатление о владыках Востока в конце пятого века до н.э. Корруптированное и вероломное центральное правление, в значительной степени управляемое гаремными интригами; без энтузиазма настроенная группа подданных, брошенная на произвол сатрапов; неэффективные и небрежно собранные армии, в которых иностранные наемники были почти единственными настоящими солдатами - такова сейчас Персия. Это было что-то очень непохожее на энергичное правление Кира и имперскую систему первого Дария - что-то очень похожее на Османскую империю в восемнадцатом веке нашей эры - что-то, что рухнуло бы перед первым западным лидером, который мог бы распоряжаться деньгами, которые он сам зарабатывал, и профессиональной армией из своего собственного народа.

ГЛАВА V

ПОБЕДА ЗАПАДА

Кульминация была достигнута еще примерно через семьдесят лет. Когда они вошли в историю, то же самое произошло и с Персидской империей, и Восток, каким его до сих пор понимали греки и каким мы его понимаем, был подвластен европейской расе, которую за полтора

столетия до этого она пыталась подчинить в самой Европе. Для этой расы (и для историка также) "Восток" как географический термин, в равной степени обозначающий пространственную область и социальную идею, перестал означать то, что он когда-то означал: и перемена будет длительной. Верно, что Восток не перестал выделяться как таковой, ибо он постепенно снова освободился бы не только от контроля Запада, но и от влияния социальных идей последнего. Тем не менее, поскольку западные люди, вернувшись на свою землю, ввели Восток в известный им мир - в круг земель, признанных обиталищем цивилизованного человека, - дата свержения Александром Персидской империи составляет эпоху, которая разделяет всемирную историю так, как вряд ли какая-либо другая разделяет ее.

Какой бы драматичной ни была финальная катастрофа, она не удивит нас, когда она произойдет, как, собственно говоря, и поколение, ставшее ее свидетелем. Романтическая концепция Александра как маленького Давида, бросившего вызов огромному Голиафу, игнорирует факты предшествующей истории и не пришла бы в голову ни одному современнику, читавшему знамения времени. Восточный колосс уменьшался так быстро на протяжении почти столетия, что македонский царь, уже покоривший Балканский полуостров, когда он переправился через Геллеспонт, казался в глазах всего мира по меньшей мере таким же значительным, как титульный император непокорных сатрапов и вечно бунтующих провинций Западной Азии. Чтобы согласиться с этой точкой зрения, нам достаточно оглянуться назад на семьдесят лет, прошедших с того марша Десяти тысяч греков, которым завершился наш последний обзор.

РАЗДЕЛ 1. ПЕРСИЯ И ЕЕ ПРОВИНЦИИ

До похода Кира в персидском государстве могло быть и, очевидно, было достаточно семян коррупции, но они не были известны по своим плодам. Ни один сатрап за прошедшее столетие не пытался отделить себя и свою провинцию от Империи; вряд ли подвластный народ пытался вновь утвердить свою независимость. Действительно, были два исключения, оба из которых относились к народам, которые никогда не отождествляли себя с судьбой своих инопланетных хозяев. Одним из них были, конечно, азиатские греки, другим - египетский народ; но упорство первых угрожало Азии опасностью, еще не осознанной Азией; мятежный дух последнего пока касался только его самого.

Однако именно Египет действительно дал первое предупреждение о распаде Персии. Самое слабое место в Ассирийской империи оказалось самым слабым в Персидской. Естественные барьеры из пустыни, болот и моря, установленные между Египтом и соседним континентом, настолько прочны, что ни одна азиатская держава, которая испытывала искушение завоевать богатую долину Нила, никогда не была в состоянии удерживать ее надолго. Под руководством своих собственных лидеров или какого-нибудь мятежного офицера своих новых хозяев он рано или поздно восстановил независимость, и вся история свидетельствует, что никто, будь то в Азии или в Европе, не считает Египет иностранной провинцией, если он не владеет также морем. В течение столетия, прошедшего после завоевания Камбиза, египтяне не раз восставали (наиболее настойчиво около 460 года), каждый раз призывая на помощь морских владык. Наконец, незадолго до смерти Дария Нотуса и примерно за пять лет до того, как Кир покинул Сарды, они снова восстали под властью египтянина, и после этого в течение примерно шестидесяти лет Египтом правили не цари Сузы, а три местные династии подряд. Ущерб, нанесенный Персидской империи этим отступничеством, не измерялся простой потерей

доходов провинции. Новые цари Египта, которые были многим обязаны поддержке Греции, оплатили за это тем, что помогали каждому врагу Великого царя и каждому мятежнику против его власти. Именно они предоставили убежище адмиралу и флоту Кира после Кунаксы и отправили зерно Агесилаю, когда он вторгся в Малую Азию; они снабжали деньгами и кораблями спартанский флот в 394 году и помогли Эвагору Кипрскому в длительном сопротивлении его сюзерену. Когда в 380 году восстали Тир и города Киликийского побережья, Египет был посвящен в их планы, и он объединился с сатрапами и губернаторами Западной Азии, Сирии и Финикии, когда они совместно спланировали восстание в 373 году, создав серьезную опасность для Империи. Двенадцать лет спустя мы обнаруживаем египетского царя, лично отправившегося восставать из Финикии.

Перс предпринял не одну попытку вернуть свою провинцию. После явной неудачи со своими собственными генералами Артаксеркс с опозданием избрал курс, который, как говорят, посоветовал Клеарх, командир Десяти тысяч, после битвы при Кунаксе, и еще раз попытал счастья с греческими *кондотьерами*, но обнаружил, что против них выстроились греческие генералы и греческие наемники. Дошло до того, что персидский царь и его восставшая провинция в равной степени зависели от мечей наемников, не осмеливаясь встречаться с греками иначе, как с греками. Урок марша Десяти тысяч был хорошо прочитан, отмечен и усвоен на Востоке!

РАЗДЕЛ 2. ПЕРСИЯ И ЗАПАД

Он был отмечен и на Западе, и его плоды были запатентованы в течение пяти лет. Доминирующее греческое государство того времени, признавшись в честолюбии, которого прежде не предавал ни один грек, отправило своего царя Агесилая в Малую Азию, чтобы продолжить установление спартанской гегемонии на побережье путем вторжения во внутреннюю часть Персии. Он никогда не проникал дальше, чем примерно на половину высоты долины Меандр, и не причинил Персии никакого вреда, о котором стоило бы говорить; ибо он не был лидером, и у него не было ни людей, ни денег, чтобы совершить столь далекое и сомнительное приключение. Но кампания Агесилая в Малой Азии между 397 и 394 годами имеет следующее историческое значение: она демонстрирует, что греки стали считать поход на Сузы возможным и желательным.

Однако даже тогда это было практически невозможно. Если не считать отсутствия вооруженных сил ни в одном государстве Греции, достаточно крупных, достаточно обученных и возглавляемых лидером, обладающим необходимым магнетизмом и организационным гением, чтобы предпринять, без помощи союзников, успешный марш к точке, удаленной на много месяцев от своей базы, - если не считать этого недостатка, Империя, которую предстояло завоевать, еще не была по-настоящему потрясена. Десять тысяч греков под руководством Клеарха, по всей вероятности, никогда бы не добрались до Кунаксы или куда-либо в радиусе сотен миль от нее, если бы с ними не был Кир, а приверженцы его восходящей звезды удовлетворяли их потребности и расчистили для них дорогу через Малую Азию и Сирию. В своем Отступлении они были отчаянными людьми, от которых Великий король был рад избавиться. Успешное завершение этого отступления не должно заслонять от нас почти неизбежный провал, который постиг бы наступление, если бы оно было предпринято при аналогичных условиях.

РАЗДЕЛ 3. САТРАПЫ

Что, в конечном счете, должно было привести Персидскую империю к такой слабости, что западная держава смогла бы нанести удар в самое ее сердце силами немногим более сорока тысяч человек, так это болезнь нелояльности, распространившаяся среди великих военачальников в первой половине четвертого века. До похода Кира мы не слышали, чтобы сатрапы или подчиненные провинции поднимали знамя восстания (за исключением Египта), поскольку империя была прочно укреплена; и если со стороны провинциальных чиновников в Малой Азии и Сирии был очевидный сговор с этой экспедицией, этот факт не имеет большого политического значения, поскольку Кир был отпрыском царского дома и любимцем царицы-матери. Но едва началось четвертое столетие, как мы обнаруживаем, что сатрапы и принцы помогают врагам царя и сами сражаются против него или его соперника-офицера. В Малой Азии Агесилаю помогали как принц Пафлагонии, так и персидский вельможа. Двадцать лет спустя Ариобарзан Понтийский поднимает восстание; и за его отступничеством следует крупное восстание, спланированное сатрапами Карики, Ионии, Лидии, Фригии и Каппадокии - фактически почти всей Малой Азии - совместно с прибрежными городами Сирии и Финикии. Проходит еще десять лет, и новые правители Мисии и Лидии восстают против своего царя с помощью египтян и Мавсола, галикарнасского принца-клиента. Предательство или нехватка ресурсов и стабильности приводили этих мятежников одного за другим к катастрофе; но Империя, великие офицеры которой так часто отваживаются на подобные авантюры, стремительно приближается к своей катастрофе.

Причины этого растущего недовольства среди сатрапов не заставляют себя долго искать. В конце предыдущей главы мы отметили ухудшение состояния гаремного двора в первые дни правления Артаксеркса; и по прошествии времени зрелище Великого царя, правящего с помощью предательства, подкупающего своих врагов и бессильного восстановить Египет даже с их корыстной помощью, возымело свое действие. Укреплялась вера в то, что корабль Империи тонет, и даже в Сузах рос страх, что западный ветер прикончит его. Придворные великого царя следили за греческой политикой в течение первых семидесяти лет четвертого века со все более пристальным вниманием. Не довольствуясь зачислением как можно большего числа греков на королевскую службу, они использовали королевское золото с таким эффектом, чтобы покупать или поддерживать греческих политиков, влияние которых могло быть направлено на то, чтобы помешать объединению греческих государств и сдерживать растущую мощь любого подразделения, что греческий оратор сказал в знаменитом отрывке, что лучники, отчеканенные на монетах Великого царя, уже представляют большую опасность для Греции, чем когда-либо были его настоящие лучники.

Благодаря такой щедрой коррупции, подкупу солдат и политиков врага судьба династии и Империи на какое-то время приобрела более благоприятный облик. Незадолго до смерти престарелого Артаксеркса Мнемона в 358 году восстание западных сатрапов потерпело крах. Его преемник Ох, который, чтобы взойти на трон, убил своих родственников, как любой султан Стамбула восемнадцатого века, преодолел египетское упрямство около 346 года, после двух неудачных попыток, с помощью найма греческих войск, и с аналогичной подставной помощью он вернул Сидон и остров Кипр. Но это было немногим больше, чем угасающий отблеск пламени, раздутого на мгновение тем же западным ветром, который уже разросся до такой силы, что должен был погасить его. Сердце Империи прогнило не меньше оттого, что его оболочка была залатана, и в случае, когда несколько лет спустя разразилась буря, ничто в

Западной Азии не смогло устоять, за исключением двух или трех приморских городов, которые сражались не за Персию, а за свои собственные торговые монополии.

РАЗДЕЛ 4. МАКЕДОНИЯ

Уже некоторое время на западном горизонте собиралась буря. Двадцатью годами ранее на трон Македонии взошел человек исключительных конструктивных способностей и самых определенных амбиций. Его наследием - или, скорее, его наградой, поскольку он не был ближайшим родственником своего предшественника, - была центральная южная часть Балканского полуострова, регион широких тучных равнин, окаймленных и пересеченных неровными холмами. Он был населен крепкими дворянами и крестьянами, а также проворными горцами, все они состояли из тех же расовых элементов, что и греки, с, возможно, преобладающей примесью северной крови, которая давным-давно пришла на юг с эмигрантами из дунайских земель. Социальное развитие македонцев - если дать разным народам одно общее название - по определенным причинам было далеко не таким быстрым, как у их южных собратьев. Они никогда не соприкасались с высшей эгейской цивилизацией и не смешивали свою кровь с кровью культурных предшественников; их земля была континентальной, бедной гаванями, удаленной от роскошных центров жизни и со сравнительно суровым климатом; ее конфигурация не давала им стимула создавать города-государства и участвовать в интенсивной политической жизни. Но в качестве компенсации они вступили в четвертое столетие неисчерпаемыми, без племенных или политических препятствий для единства и с обширной территорией, обладающей большими природными ресурсами, чем любое южное греческое государство. Македония могла обеспечивать себя лучшими зерновыми продуктами в избытке, и у нее были неиспользуемые жилы золотой руды. Но самое важное, что следует отметить, это то, что по сравнению с Грецией Македония была регионом Центральной Европы. В продвижении последнего к имперской власти мы впервые в истории увидим, как народ континентальной Европы подавляет население полуостровов Средиземноморья.

Филипп Македонский, обучавшийся искусству как войны, так и мира в греческом городе, увидел слабость разделенных эллинов и возможную силу своего собственного народа, и он с самого начала приступил к работе с огромной энергией, упорным упорством и огромным организаторским талантом, чтобы создать единую вооруженную нацию, которая должна была с лихвой противостоять многочисленным общинам Эллады. Как он достиг своей цели примерно через двадцать лет, как он начал с открытия месторождений драгоценных металлов на его юго-восточном побережье, и с доходов наемных наемников: как он македонских крестьян, бурят сражаться в фаланге формирования более мобильной, чем Фиванской и с длинным копьем, в то время как шляхта были подготовлены, как тяжелая кавалерия: как он производил опыты с его новыми солдатами на внутренних племен, и поэтому расширял его эффективного господства ли, что он был в состоянии упорядочить отныне гораздо больше, чем его собственные Emathian клане: как за шесть лет он усовершенствовал эту национальную армию, пока она не становилась, как профессиональный боевой машины, как и любой наемник в группе в тот день и в то же время более крупные и гораздо лучше закал: как, когда он был готов весной в 353 году, он начал в пятнадцать лет война посягательства на фондах греческие государства и в особенности Афин, атакующих ее Морские колонии в Македонии и Фракии: как, после кампании во внутренних Фракия и Херсонес, он появился в Греции, где он толкнул наконец через Фермопилы: как, опять же, он снял несколько сезонов на Балканском полуострове, громили его от Адриатического до Черного моря и завершился нападением на последний и

величайший из его бесплатно греческих прибрежных городов, Perinthus и Византии: как, наконец, 338, идет на юг в полную силу, он раздавил в один битва при Херонее двумя значительными полномочиями Греции, Афины и Фивы, и закрепил, наконец, из всех греческих государств, за исключением Спарты (что он мог позволить себе пренебречь) признания его сюзеренитета-эти этапы создания Филиппа европейской нации и европейскую империю не должны быть описаны более подробно здесь. Что нас беспокоит, так это конец всего этого; ибо концом было формирование этой новой нации и этой новой империи для вторжения в Азию. Через год после Херонее конгресс в Коринфе назначил Филиппа генерал-капитаном всех греков, чтобы тот осуществил светскую месть Эллады Персии.

Как долго он сознательно предназначал свою боевую машину для окончательного вторжения в Азию, мы не знаем. Афиняне недвусмысленно заявили великому царю в 341 году, что таковы были амбиции македонца, а четырем годами ранее публичное предположение об этом было сделано знаменитым оратором Исократом в открытом письме, адресованном самому Филиппу. Поскольку последний из названных был человеком дальновидным и целеустремленным, не исключено, что он зародил такое честолюбие в юности и лелеял его все это время. В то время как Филипп был молодым человеком в Фивах, старый Агесилай, который первым из греков задумал вторгнуться во внутренние районы Востока, все еще искал способ реализовать свой часто проваливавшийся проект; и в конце концов он отправился в Египет, чтобы предпринять последнее усилие после того, как Филипп уже был на троне. Несомненно, в воздухе уже давно витала идея о том, что любая военная держава, которая могла бы доминировать в Элладе, была бы связана прежде всего личными интересами и, во вторую очередь, расовым долгом обратить свое оружие против Азии. Сам Великий Царь знал это так же хорошо, как и любой другой. После афинского предупреждения в 341 году его сатрапам на северо-западе Малой Азии было приказано всячески помогать врагам Филиппа; и в немалой степени благодаря их помощи византийцы отбросили македонян от их стен в 339 году.

Филипп уже подружился с княжеским домом Кари и теперь изо всех сил старался укрепиться на северо-западе Малой Азии. Поэтому он перебросил передовую колонну через Дарданеллы под командованием своего старшего лейтенанта Пармениона и предложил последовать за ней осенью 336 года с Большой армией, которую он набирал, обучал и снаряжал в течение года. Настал день праздника, который должен был ознаменовать начало его великого предприятия, но это предприятие должно было принадлежать не ему. Когда он вышел из своей палатки, чтобы присутствовать на играх, он пал от руки личного врага; и его юному сыну Александру поначалу пришлось немало потрудиться, чтобы восстановить трон, у которого оказалось больше врагов, чем друзей.

РАЗДЕЛ 5. ЗАВОЕВАНИЕ АЛЕКСАНДРОМ ВОСТОКА

Полтора года спустя друзья и враги Александра узнали, что вместо него правил более великий воин и создатель империи, чем Филипп, и что план отца по завоеванию Азии ничем не пострадает от рук сына. Соседи Македонии до Дуная и все государства Греческого полуострова были снова запуганы и подчинены в ходе одной быстрой и решительной кампании. Генеральные штаты Греции, повторно созванные в Коринфе, утвердили сына Филиппа в звании генерал-капитана Эллады, а Парменион, вновь отправленный в Азию, закрепил за собой дальний берег Геллеспонта. Примерно с сорока тысячами опытных всадников и пехотинцев, а

также со вспомогательными службами, необычайно эффективными для того времени, Александр вступил на персидскую землю весной 334 года.

В Малой Азии не было другой армии, которая могла бы предложить ему бой по форме, кроме сил, примерно равных по численности его собственным, собранных на месте западными сатрапами. За исключением контингента греческих наемников, эти силы значительно уступали македонским по боевой ценности. Защищенный Парменионом с Геллеспонтского берега, он сделал все возможное, выжидая на дальнем берегу Граника, ближайшего значительного ручья, впадающего в Мраморное море, чтобы либо отразить атаку Александра, либо перерезать его коммуникации, если он двинется дальше на континент. Ждать пришлось недолго. Тяжелая македонская кавалерия переправилась через ручей поздно вечером, быстро расправилась с азиатскими частями и, расчистив путь фаланге, помогла ей сократить греческий контингент почти до человека еще до наступления ночи. Александру не оставалось ничего, кроме обороны городов и горных племен, с которыми предстояло иметь дело до тех пор, пока не удастся собрать более полную дань из других провинций Персидской империи и перебросить ее на запад, процесс, который занял бы много месяцев, а на самом деле занял целый год. Но некоторые западные города были немалым препятствием на пути его продвижения. Если Эолия, Лидия и Иония не оказали достойного упоминания сопротивления, то два главных города Карики, Милет и Галикарнас, которые фактически свободно владели львиной долей эгейской торговли в течение прошлого столетия, не были расположены становиться уделами военной империи. Притязания Александра возглавить крестовый поход против древнего угнетателя эллинской расы не имели значения ни для них, ни, если уж на то пошло, ни для кого-либо из греков в Азии или Европе, за исключением нескольких энтузиастов. В течение последних семидесяти лет, с тех пор как празднование освобождения Эллады от персов сменилось стремлением к ответному вторжению, желание свершить священную месть почти не проявлялось, но желание разграбить Персию проявилось очень сильно. Поэтому любое конкретное предприятие в Азии вызывало зависть, а не энтузиазм у тех, кто был бы опережен его успехом. Ни с кораблями, ни с людьми ни одно ведущее греческое государство не выступило на помощь Александру, и к тому времени, когда он взял Милет, он понял, что должен вести свою игру в одиночку, со своим собственным народом для достижения своих собственных целей. С тех пор, пренебрегая греками, он отложил свой поход в сердце Персидской империи до тех пор, пока не обезопасит все пути, ведущие туда от моря, будь то через Малую Азию, Сирию или Египет.

После взятия Галикарнаса и Карики Александр сделал в Малой Азии не больше, чем выставил напоказ ее западную часть, чтобы лучше укрепиться на континенте. То тут, то там у него возникали стычки с горцами, которые давно не привыкли к эффективному контролю, в то время как с одним или двумя их городами ему приходилось заключать соглашения; но с приближением зимы Анатолия была у его ног, и он обосновался в Гордионе, в долине Сакария, откуда он мог сразу же охранять свои коммуникации с Геллеспонтом и готовиться к продвижению в дальнюю Азию по легкой дороге. Восточную Малую Азию, то есть Каппадокию, Понт и Армению, он оставил в покое, и ее контингенты по-прежнему будут сражаться на стороне персов в обеих грядущих великих битвах. Некоторые северные районы, которые долгое время были практически независимы от Персии, например, Вифиния и Пафлагония, также еще не были затронуты. В тот момент ему не стоило тратить время на борьбу за земли, которые в любом случае падут, если Империя падет, и которые тем временем можно было легко сдерживать из западной части Малой Азии. Его цель была далеко вглубь страны, опасность, которую он

хорошо знал, подстерегала его на море - опасность возможного сотрудничества между греческими флотами и крупными прибрежными городами Эгейского моря и Леванта. Поэтому с началом весны он двинулся в Киликию, чтобы захватить порты Сирии и Египта, прежде чем нанести удар в сердце империи.

Великий царь, последний и слабейший из рода Дариев, осознал величие грозящей ему опасности и спустился со всей Империей, чтобы попытаться сокрушить захватчика у ворот южных земель. Позволив своему врагу обогнуть побережье Леванта, Дарий, который ждал за заслоном Амана, проскользнул через холмы и отрезал македонянину путь к отступлению в ущелье Иссы между горой и морем. Против другого полководца и менее опытных войск компактная и дисциплинированная восточная армия, вероятно, тут же положила бы конец вторжению; но армия Дария не была ни компактной, ни дисциплинированной. Узость поля боя превратила их в толпу, и Александр со своими людьми, обернувшись, увидели, что персы попали в их руки. Бой длился немногим дольше, чем при Граникусе, и результатом стала столь же решающая бойня. Лагерь, обоз с обозом, царский гарем, письма из греческих государств и личности греческих послов, посланных с целью замысла уничтожения главнокомандующего, - все перешло к Александру.

Уверенный в том, что не встретит ни одного призыва Империи по крайней мере в течение года, он двинулся дальше в Сирию. На этой узкой территории его главным бизнесом, как мы видели, были прибрежные города. Прежде чем отправиться в Азию, он должен был держать в своих руках все порты. Меньший не посмел перечить победоносной фаланге; но их царица, Тир, владычица восточной торговли, закрыла ворота своей островной цитадели и поставила перед вторгшимся с запада незванным гостем самую трудную военную задачу в его жизни. Но захват главной базы вражеских флотов, которые все еще бороздили Эгейское море, был крайне важен для Александра, и он переправился через море, чтобы осуществить это. Еще один город, Газа, расположенный на дороге в Египет, проявил тот же дух, но с меньшими ресурсами, и прошло много времени, прежде чем македонцы появились на Ниле и получили готовое подчинение народа, который никогда добровольно не служил персам. И здесь главной заботой Александра было побережье. Независимая Кирена, лежащая дальше всего на западе, была одной из оставшихся опасностей, а открытость устьев Нила - другой. Первая опасность миновала с покорностью, которую Кирена послала ему навстречу, когда он двинулся в Мармарику для атаки; вторая была вызвана созданием Александрийского порта, возможно, самым знаменательным актом в жизни Александра, видевшим, до какого уровня вырастет город, какую роль сыграет в развитии греческого и иудейского языков и какая энергия сохраняется по сей день. Однако на данный момент новый фонд служил главным образом для того, чтобы укрепить позиции своего основателя на берегах греческих и персидских вод. В течение нескольких месяцев враждебные флоты исчезли из Леванта, и Александр получил, наконец, то господство на море, без которого вторжение во внутреннюю Азию было бы более чем опасным, а постоянное удержание Египта невозможным.

Обезопасив таким образом свою базу, он мог нанести удар вглубь страны. В начале 331 года он медленно двинулся вверх по традиционной Северной дороге через Филистию и Палестину и, обогнув верховья сирийского Хамада, к Тапсаку на Евфрате, по пути из предосторожности заехав в Тир, который год назад стоил ему стольких усилий и времени. Никто не препятствовал его переходу через Великую реку; никто не останавливал его в Месопотамии; никто не оспаривал его переход через Тигр, хотя переправа его войска заняла пять дней. Сам Великий

царь, однако, находился в нескольких переходах к югу от курганов Ниневии, на равнине Гаугамела, куда сходящиеся с юга, востока и севера дороги доставляли рекрутов со всей империи, которая оставалась у него. К ордам, набранным из воинственных племен, живших так далеко, как границы Индии, берега Окса и предгорья Кавказа, добавилась фаланга греков-наемников, более чем в три раза превосходившая ту, что была разбита на Границе. Таким образом, ожидаемый десятью солдатами каждый по своему на открытой местности, выбранной его врагом, Александр двинулся вперед еще медленнее и остановился на двадцать четыре часа, чтобы перевести дух своей армии в виду персидских передовых постов. Отказавшись рисковать нападением на это огромное войско в темноте, он крепко проспал в своих окопах до восхода солнца первого октября, а затем при полном свете дня повел своих людей решать судьбу Персии. Решение было принято к заходу солнца, и полмиллиона сломленных людей улетели на юг и восток в надвигающуюся ночь. Но битва при Арбеле, как ее обычно называют, - величайшее сражение армий до возвышения Рима, - была выиграна нелегко. Активное сопротивление греческих наемников и пассивное сопротивление огромной массы азиатских орд, которые останавливали атаку простым весом живой силы и снова смыкались за каждой прорывающейся колонной, делали исход сомнительным, пока сам Дарий, испуганный приближением тяжелой македонской кавалерии, не повернул свою колесницу и не проиграл день. Люди Александра должны были благодарить стойкость, которую дала им система Филиппа, но также, в качестве последнего средства, трусость вождя противника.

Персидский царь выжил, год спустя за ним охотились, и его поймали умирающим по дороге в Центральную Азию; но задолго до этого и без очередного ожесточенного сражения персидский трон перешел к Александру. В течение шести месяцев он по очереди прошел маршем к столицам Империи - Вавилону, Сузам, Персеполю, Экбатане - и вступил в них, не встречая других препятствий, кроме сопротивления горных племен на перевалах; и поскольку все эти города удерживались им в течение его последующего шестилетнего отсутствия в дальней Азии, победу Запада над Древним Востоком можно считать достигнутой в день Арбелы.

ГЛАВА VI

ЭПИЛОГ

Менее чем через десять лет Александр лежал мертвый в Вавилоне. Он двинулся на восток, чтобы захватить больше территорий, чем мы рассмотрели в какой-либо главе этой книги, или о существовании которого его отцы вообще ничего не знали. Обширные земли, которые сейчас являются Афганистаном, российским Туркестаном, Пенджабом, Шиндой и Белуджистаном, были покорены им лично и удерживались его губернаторами и гарнизонами. Этот македонский грек, ставший императором Востока, более великим, чем все величайшие до сих пор, уже решил, что его Резиденция Империи должна быть установлена во внутренней Азии; и он предложил, чтобы под его единоличным правлением Восток и Запад больше не были разделены, а стали одним неделимым миром, населенным объединенными народами.

Затем, внезапно, его призвали к ответу, не оставив законного наследника своего тела, кроме младенца в утробе матери. Что произойдет? Что же, собственно, произошло?

Часто говорят, что империя, созданная Александром, умерла вместе с ним. Это верно, если мы думаем об империи как о царстве единого императора. Как единоличный правитель обширной территории между Дунаем и Сатледж, Александр не должен был иметь преемника. Но если мы думаем об империи как о царстве расы или нации, Великая Македония, хотя и обреченная на постепенное уменьшение, переживет своего основателя почти на триста лет; и более того, вслед за ней другая Западная империя, ставшая возможной благодаря его победе и в некоторых отношениях продолжавшая существовать по его формам, должна была сохраняться на Востоке еще несколько столетий. Как политическое завоевание, завоевание Александра имело такие длительные результаты, какие можно приписать почти любому завоеванию в истории. Как победа одной цивилизации над другой, она никогда не сводилась совсем к нулю и имела определенные постоянные последствия. Цель этой главы показать это: но, во-первых, поскольку развитие победоносной цивилизации на чужой земле зависело в первую очередь от сохранения политического превосходства людей, в которых оно было врожденным, необходимо увидеть, как долго и в какой степени политическое господство на Востоке фактически удерживали люди, которые были греками либо по рождению, либо по образованию.

Из суматохи и стресса тридцати лет, последовавших за смертью Александра, вышли два македонца, которые разделили между собой Восточную империю. Остальные - преходящие смущенные призраки Царского Дома, регенты Империи, едва ли не менее преходящие, выскочки-сатрапы и даже одноглазый Антигон, который на краткий миг заявил о своей юрисдикции над всем Востоком, - никогда не имели большого значения для мира в целом и совсем не имели значения здесь и сейчас. В конце четвертого века Селевк Вавилонский властвовал над большей частью Западной Азии, которая больше всего заслуживала обладания, за исключением южной половины Сирии и побережья Малой Азии и некоторых островов в пределах их видимости, которые, если и не подчинялись египетскому Птолемею, были свободны от обоих царей или находились под властью третьего, проживавшего в Европе и вскоре исчезнувшего. В случае, если бы эти двое, Селевк и Птолемей, единственные из всех македонских преемников, основали династии, которым суждено было просуществовать достаточно долго в царствах, достаточно великих, чтобы повлиять на общую историю цивилизации Древнего Востока.

У Селевка нет сохранившихся хронистов первого или второго ранга, и, следовательно, он остается одним из самых темных из великих деятелей древности. Мы мало что можем сказать о нем лично, за исключением того, что он был быстр и бесстрашен в бою, готов был рисковать, был прирожденным лидером на войне и человеком дальновидным и настойчивой цели. Александр высоко ценил его и выделял из толпы, и, женив его на Апаме, знатной иранской даме, убедил его в его собственном мнении, что точкой, с которой можно управлять азиатской империей, является Вавилония. Селевк пропустил первый раздел земель покойного мимо ушей, и только после того, как закончились первые беспорядки и его друг Птолемей прочно обосновался в Египте, он попросил о выделении провинции. Провинцией была Вавилония. Изгнанный злобой Антигона, он вернул его милостью Птолемея в 312 году, установил господство над всеми сатрапиями к востоку от себя в течение следующих полудюжины лет, уступив только Индию, а затем пришел на запад в 305 году, чтобы завоевать и убить Антигона при Ипсе в центральной Малой Азии. Третий царь, Лисимах Фракийский, был свергнут в 281 году, а Селевк,

умерев несколько месяцев спустя, оставил своим династическим преемникам азиатскую империю из семидесяти двух провинций, почти равную империи Александра, за важными исключениями в Малой Азии.

В Малой Азии ни Селевк, ни Селевкиды никогда не удерживали эффективно ничего, кроме основных линий сообщения с Востока на Запад и района, в котором они спускаются к Эгейскому морю. Южное побережье, как уже было сказано, оставалось в руках Египта почти на протяжении всего периода Селевкидов. Юго-запад подчинялся островной республике Родос. Большинство греческих приморских городов северо-запада и севера сохранили свою свободу более или менее неприкосновенной; в то время как внутри страны чисто греческая монархия, Пергам, постепенно распространила свое влияние на центральную пустыню. На севере в течение пяти лет после смерти Селевка возникло непреодолимое препятствие для экспансии Селевкидов, а именно поселение галлов, приглашенных через пролив царем Вифинии. После нападения и набегов во всех направлениях эти несговорчивые союзники были загнаны неоднократными усилиями как селевкидских, так и пергамских царей в бассейн верхней Сакарии (отныне известный как Галатия), и там они образовали заслон, за которым Вифиния и Пафлагония сохраняли твердую независимость. Северо-восток также был резиденцией независимых монархий. Каппадокия, Понт и Армения, которыми правили князья иранского происхождения, никогда не были неотъемлемой частью империи Селевкидов, хотя и неизменно дружелюбно относились к ее правителям. Наконец, в горных районах центра, как и на побережье, писания Селевкидов не действовали.

Однако, рассматриваемый в целом, а не только с точки зрения Селевкидов, Древний Восток в течение столетия после смерти Селевка (через сорок три года после смерти Александра) находился под политическим господством эллинов на целых девяти десятых своей территории. О тех его частях, которые принадлежали собственно греческим городам, или о Пергаме, больше говорить не нужно. Что касается Селевка и его преемников, то, хотя в последних, начиная с Антиоха Сотера, текла иранская кровь, они придерживались эллинской сути и доказали, что являются ею. На их портретах от начала до конца видны европейские черты лица, часто изящные. Птолемей Лаг и все Лагиды оставались македонскими греками до конца, как мужчина, так и женщина, и их резиденцией был величайший эллинский город в мире. Что касается оставшейся десятой части Востока, то почти вся она находилась под властью князей, которые претендовали на титул "филэллины" и оправдывали это не только политическим дружелюбием к селевкидам и западным грекам, но и поощрением греческих поселенцев и греческих манер. Насколько этому могли способствовать покровительство и продвижение со стороны высших держав, эллинизм имел неплохие шансы в Западной Азии со времен завоевания Александра вплоть до появления Рима на Востоке. Что он сделал с этим шансом? Насколько далеко в конечном итоге эти греческие и македонские правители, иранские принцы-филэллины и другие эллинизировали Западную Азию? Если они в какой-то мере преуспели, но не настолько, чтобы Восток перестал отличаться от Запада, то какая мера была установлена для их различных влияний и почему?

Рисунок 6: ЭЛЛИНИЗМ В АЗИИ. ОКОЛО 150 г. до н.э.

Давайте сначала посмотрим, что именно подразумевал эллинизм в том виде, в каком он был принесен в Азию Александром и практиковался его преемниками. С политической точки зрения это подразумевало признание индивидом того, что общество, членом которого он является,

имеет неоспоримые и практически исключительные права на его добрую волю и его добрые услуги. Признанное таким образом общество было не семьей или племенем, а городом и соответствующим ему районом, отличающимся от всех других городов и их округов. Географическая конфигурация и история Греции, страны, состоящей частично из небольших равнин, окруженных холмами и морем, частично из островов, привели к такому ограничению политических сообществ и сделали патриотизм значимым для греческой преданности своему городу-государству. По отношению к более широкому кругу людей он не был способен испытывать ничего похожего на то же чувство долга или, по сути, вообще на какие-либо непреодолимые обязательства. Если он признавал притязания группы городов-государств, которые отдаленно претендовали наобщее происхождение с его собственным, это было академическое чувство: если он и осознавал свою общность со всеми эллинами как нацией, то только в моменты особой опасности от рук общего неэллинского врага. Короче говоря, хотя он и не был нечувствителен к принципу национальности, он редко был способен применять его практически, за исключением случаев, когда речь шла о небольшом обществе, с членами которого он мог быть знаком лично и среди которых он мог дать почувствовать свою индивидуальность. У него не было феодальных традиций и инстинктивной веры в то, что личности, составляющие сообщество, должны быть подчинены какому-либо одному индивиду в силу патриархального или представительного отношения последнего к ним.

Давайте разберемся с этим политическим подтекстом эллинизма, прежде чем перейдем к другим его качествам. В своей чистоте политический эллинизм был явно несовместим с монархическим македонским государством, которое было основано на феодальном признании отцовского или представительского отношения одного человека ко многим народам, составляющим нацию. Следовательно, сами македонцы не могли привезти в Азию вместе со своим собственным национальным патриотизмом (возможно, несколько усиленным общением прошлых поколений с греческими городами-государствами) ничего, кроме внешнего знания о гражданском патриотизме греков. Поскольку, однако, они взяли с собой большое количество настоящих греков и были вынуждены искать их расселение в Азии в качестве необходимой поддержки своего собственного правления, торговли и цивилизации, они были обязаны создать условия, при которых гражданский патриотизм, ценность и опасность которого они знали, мог в какой-то мере продолжать существовать. Их очевидной политикой было основывать города везде, где они хотели поселить греков, и основывать их вдоль основных путей сообщения, где они могли бы развивать торговлю и служить стражами дорог; в то же время, из-за их постоянных сношений друг с другом, их контакта с местными жителями и иммигрантами и их необходимой зависимости от правительственного центра, они вряд ли могли повторить в Азии эгоцентричную исключительность, характерную для городов либо европейской Греции, либо пролива и резко разделенных долин западного анатолийского побережья. На самом деле, намеренно или нет, большинство фундаментов селевкидов были заложены на сравнительно открытой местности. Говорят, что только Селевк был ответственен за семьдесят пять городов, большинство из которых располагалось в этом великом месте пересечения сквозных путей, Северной Сирии, и вдоль главного шоссе через север Малой Азии в Эфес. В этом городе сам Селевк провел большую часть своих последних лет. Нам известно о нескольких греческих колониях, или вообще ни одной, основанной им или его династией за пределами прежних границ Древнего Востока, где в Афганистане, Туркестане и Индии Александр основал почти все свои новые города. Возможно, его преемник считал это достаточным; вероятно, он не видел ни перспектив преимущества, ни надежды на успех в

создании греческих городов в столь обширном и столь чуждом регионе; конечно, ни он, ни его династия никогда не были в таком положении, чтобы поддерживать их, если бы основали к востоку от Мидии, каким был и предполагал стать Александр, если бы прожили дольше. Но в западной Азии, от Селевкии на Тигре, огромного города с населением более полумиллиона человек, до Лаодикии на Ликосе и границ старого Ионического побережья, Селевк и его преемники создали городскую жизнь, придав ей эллинский облик, которому суждено сохраниться на многие столетия вперед, оказав огромное влияние на раннюю историю христианской религии.

Основав так много городских сообществ греческого типа, македонские цари Западной Азии, несомненно, внедрили эллинизм как фактор политической цивилизации на большей части Древнего Востока, который остро нуждался в нем и извлек из этого выгоду. Но влияние их эллинизма было мощным и продолжительным только в этих недавно основанных или недавно организованных городских общинах и их ближайших окрестностях. Там, где они группировались густо, как вдоль Нижнего Оронта и на сирийском побережье, или где греческие фермеры селились в междуречье, как в Киррестике (то есть примерно в центральной части Северной Сирии), эллинизм зашел далеко, заставив целые районы приобрести гражданский дух, который, хотя и предполагал гораздо меньшее чувство личной свободы и ответственности, чем в Аттике или Лаконии, был бы признан афинянином или спартанцем родственным его собственному патриотизму. Но там, где города были соединены едиными линиями связи через значительные промежутки времени, как в Центральной Азии и Месопотамии, они оказывали небольшое политическое влияние за пределами своих собственных стен. Ибо эллинизм был и оставался, по существу, достоянием сообществ, достаточно небольших, чтобы каждый индивид мог оказывать свое личное влияние на политическую и социальную практику. Как только сообщество стало, по численности или распределению, требовать централизованного или даже представительного управления, патриотизм эллинского типа зачах и умер. Она была совершенно неспособна проникнуть в целые народы или создать нацию, будь то на Востоке или где-либо еще. И все же на Востоке народы всегда имели большее значение, чем города, кем бы они ни были основаны и поддерживаются.

Однако к этому времени эллинизм имел не только политический подтекст, но также моральные и интеллектуальные последствия, которые были отчасти следствиями, отчасти причинами его политической энергии. Как хорошо сказал современный историк дома Селевкидов, эллинизм означал, помимо политико-социального вероучения, еще и определенный склад ума. Характерной чертой такого отношения было то, что было названо гуманизмом, причем это слово использовалось в особом смысле для обозначения интеллектуального интереса, ограниченного человеческими делами, но свободного в пределах этих интересов. Конечно, не все греки были одинаково гуманистичны в этом смысле. Среди них, как и во всех обществах, встречались темпераменты, к которым взывали трансцендентальные размышления, и их становилось все больше, поскольку с потерей свободы города-государства перестали выступать за реализацию высшего возможного блага в этом мире, что привело к тому, что орфизм и другие мистические культы все больше и больше преобладали в Элладе. Но когда Александр принес эллинизм в Азию, в целом все еще оставалось правдой, что масса цивилизованных эллинов считала все, что не могло быть воспринято интеллектом посредством чувств, не только вне сферы их интересов, но и несуществующим. Далее, хотя ничто не считалось настолько священным, чтобы это не могло быть исследовано или обсуждено со всей силой интеллекта исследователя, никакие соображения, кроме логики усвоенных фактов, не должны определять его вывод. За

аргументом следовало следить, к чему бы он ни привел, и с его последствиями нужно было столкнуться в полной мере, не прячась за какой-либо неинтеллектуальной ширмой. Совершенная свобода мысли и совершенная свобода обсуждения всего спектра человеческих вопросов; совершенная свобода последующих действий, чтобы община оставалась невредимой, - таков был идеал типичного эллина. Инстинктивное усилие осознать это было его обычным отношением к жизни. Его девиз предвосхитил слова римского поэта "Я человек: ничто человеческое меня не касается!"

К тому времени, когда западное завоевание Азии было завершено, это отношение, которое становилось все более и более распространенным в центрах греческой жизни на протяжении пятого и четвертого веков, стало исключать что-либо вроде религиозности из типичного эллинского характера. Религия, конечно, была у грека, но он относился к ней легкомысленно, не был ею одержим и даже не искал в ней руководства в делах своей жизни. Если он и верил в загробный мир, то мало думал о нем или вообще не думал, ориентируясь в своих действиях исключительно на счастье во плоти. Возможная судьба в загробной жизни, казалось ему, не имела никакого отношения к его поведению здесь. Что в бестелесном состоянии он мог бы провести вечность с божественным или, поглощенный божественной сущностью, сам стать божественным - такие идеи, хотя и были небезызвестны и привлекательны для более редких духов, были совершеннобессильны противостоять живому интересу к жизни и жажде напряженных усилий, которые зарождались в маленьких мирах городов-государств.

Таким образом, греки, пришедшие в Азию вслед за Александром, не имели никакого религиозного послания Востоку, а тем более македонские военачальники, сменившие его. Рожденные и воспитанные в полуварварских суевериях, они давно отказались от них, некоторые из-за свободомыслия греков, и все из-за культа меча. Единственное, что при жизни их императора было для них религией, - это феодальная преданность самому себе и своему дому. Какое-то время это чувство сохранялось в рядах армии, поскольку Эвмен, хитрый грек, каким бы он ни был, доказал это манерой и успехом своих призывов к династической лояльности в первые годы борьбы за престолонаследие; и, возможно, мы можем проследить его еще дальше в лидерах, как элемент, смешанный с чем-то вроде тоски по дому и чем-то из национальных традиций, в той фатальности, которая побуждала каждого македонского владыку Азии, сначала Антигона, затем Селевка, наконец, Антиоха Великого, стремиться к обладанию Македонией и быть готовым рискнуть восток, чтобы отвоевать Запад. Действительно, относительная неспособность Селевкидов удержать свою Азиатскую империю объясняется тем, что их сердца никогда не были полностью отданы ей.

В остальном они, как и все македонские военачальники, были явно нерелигиозными людьми, чьими богами были они сами. Они были такими, какими их сделала эпоха, и такими, какими все подобные эпохи делают людей действия. Это было время широких завоеваний, недавно достигнутых только по праву сильного и оставленных тому, кто должен быть самым могущественным. Это было время, когда человек внезапно обнаружил, что никакие случайные недостатки - отсутствие рождения, собственности или союзников - не должны мешать ему использовать для себя обширное поле неизмеримых возможностей, поэтому у него были здравый ум, крепкое сердце и сильная рука. Как это было бы снова в эпоху Крестовых походов, Великих рот и наполеоновских завоеваний, каждый солдат знал, что только от него самого и от возможности зависит, умрет он принцем или нет. Это было время собирать урожай, посеянный другими, получать что-либо даром, откровенной и беззастенчивой жажды наживы, продавать

тело и душу тому, кто больше заплатит, быть законом для самого себя. В такие века голос священника значит так же мало, как голос совести, и чем выше поднимается человек, тем меньше у него веры в высшую над ним силу.

Однако, завоевав Восток, эти нерелигиозные македонцы обнаружили, что у них под рукой смесь народов, разнообразных по многим характеристикам, но почти всех схожих в одном, и это была их религиозность. Божества собирались и кишели в Азии. Люди проявляли к ним яростную фанатичную преданность или проводили жизни в размышлениях о них, безразличные ко всему, ради чего македонцы считали нужным жить, и даже к самой жизни. Александр быстро осознал религиозность нового мира, в который он прибыл. Если его власть на Востоке должна была основываться на народной основе, он знал, что эта основа должна быть религиозной. Начиная с Египта, он подал пример (который не ускользнул от внимания человека, который должен был стать его преемником там) не только примирения жрецов, но и отождествления себя с главным богом в традиционной манере местных царей с незапамятных времен; и нет никаких сомнений в том, что культ самого себя, который он, по-видимому, с течением времени все больше навязывал своим последователям, подданным и союзникам, был сознательно разработан, чтобы удовлетворить религиозность Востока и увлечь ее. В Египте он должен быть Аммоном, в Сирии он был бы Ваалом, в Вавилоне - Бэлом. Он оставил веру своих отцов позади, когда отправился на Восток, зная так же хорошо, как знал его французский историк в девятнадцатом веке, что в Азии "мечты об Олимпе были менее ценны, чем мечты о волхвах и мистериях Индии, наполненных божественным". Эти последние, действительно, произвели на него глубокое впечатление, и его зафиксированное отношение к брахманам Пенджаба подразумевает самое раннее признание, сделанное публично греком, что в религии Запад должен учиться у Востока.

Александр, который никогда не был забыт традициями и мифами Востока, возможно, проживи он дольше, удовлетворил бы азиатскую религиозность апофеозом самого себя. Его преемникам не удалось ни сохранить его божественность живой, ни добиться какого-либо общего признания своей собственной божественности. Ясно, что они пытались удовлетворить требования Востока новым универсальным культом имперской полезности и что некоторые из них, такие как Антиох IV, тиран ранней Маккавеи, очень старались. То, что они потерпели неудачу и что Рим потерпел неудачу после них, широко освещено в истории распространения полудюжины восточных культов до христианской эры и самого христианства.

Только в африканской провинции македонское правление имело религиозную основу. То, чего Александр вряд ли смог бы достичь в Азии, Птолемей легко добился в Египте. Там *фактический* правитель, какой бы расы он ни был, с незапамятных времен считался богом, а вокруг трона стояло всемогущее духовенство, господствующее над послушным народом. Ассирийские завоеватели подставили спину в Египте, чтобы не оскорблять богов своей родины; но Птолемей, подобно персам, не допустил подобной ошибки и получил в награду три столетия надежного правления. Знание того, что то, чего требовал Восток, могло быть легко и безопасно обеспечено даже македонцами в одной только долине Нила, несомненно, присутствовало в проницательном уме Птолемея, когда, передавая все более обширные земли другим, он выбрал Египет при первом разделе провинций.

Одним словом, грек мог предложить религиозности Востока только свою философию. Но философия религии является дополнением к религии, модифицирующим влиянием на нее, а не заменой, достаточной для удовлетворения инстинктивной и глубокой жажды человечества к

Богу. В то время как эта жажда всегда владела азиатским умом, сам грек, который от природы никогда не был к ней нечувствителен, по мере того, как он жил в Азии, все больше и больше осознавал свою собственную пустоту. То, что долгое время было для него религией, а именно страстная преданность обществу, находило все меньше и меньше поводов для того, чтобы питаться в условиях ограниченной политической свободы, которая теперь была его уделом повсюду. Какой бы превосходной он ни считал свою культуру во многих отношениях, ей не хватало одной необходимой вещи, которой низшие культуры вокруг него обладали в полной мере. Со временем он стал любопытным, а затем и восприимчивым к религиозным системам, среди приверженцев которых оказался, будучи незаметно подталкиваемым природным отвращением к вакууму. Не то чтобы он проглотил какую-либо восточную религию целиком или не сумел, ассимилируя то, что он взял, преобразовать ее своей собственной сущностью. И снова не следует думать, что он вообще ничего не дал взамен. Он дал философию, которая, действуя почти так же сильно на высшие умы Востока, как их религии действовали на его разум, создала "эллинистический" тип, собственно так называемый, то есть восточный человек, сочетавший религиозный инстинкт Азии с философским духом Греции - такой восточный человек, как (возьмем два очень громких имени) апостол-стоик Зенон, финикиец с Кипра, или христианский апостол Савл, еврей из Тарса. Благодаря созданию этого типа Восток и Запад, наконец, очень сблизилась, разделенные только различием религиозной философии в Афинах и философской религии в Сирии.

История Ближнего Востока в течение последних трех столетий до христианской эры - это история постепенного продвижения азиатских религий на запад, чтобы заполнить эллинский вакуум, и эллинских философских идей на восток, чтобы дополнить и очистить религиозные системы Западной Азии. Как далеко вторые в конечном итоге проникли на великий Восточный континент, будь то даже Индия или Китай, здесь не место обсуждать: насколько далеко первые продвинулись бы на запад, написано в современной истории Европы и Нового Света. Распространение митраизма и полудюжины других азиатских и египетских культов, которые были перенесены с Востока в Грецию и за ее пределы до завершения первого столетия эллинистической эры, свидетельствует о раннем существовании той духовной пустоты на Западе, которую, наконец, должна была заполнить более великая и чистая религия, которая должна была родиться в Галилее и вынашиваться в Антиохии. Помощь Александра и его преемников в установлении или усилении того контакта между семитами и греками, который породил философскую мораль христианства и сделал неизбежной его экспансию на запад, заслуживает их чести как исторический факт такой огромной важности, что ему можно позволить искупить нечто большее, чем все их грехи.

Итак, вот что сделали Селевкиды - они так сблизили Запад и Восток, что каждый учился у другого. Но большего о них нельзя сказать. Они не уничтожили индивидуальность ни того, ни другого; они не эллинизировали даже ту часть Западной Азии, которую им удалось сохранить до конца. В этом они потерпели неудачу не только по только что рассмотренным причинам - отсутствие жизненно важной религии у их македонцев и их греков и упадок эллинизма эллинов, когда они перестали быть гражданами свободных городов-государств, - но и из-за их собственных индивидуальных ошибок, которые проявляются снова и снова по мере того, как династия уходит своим чередом; и, возможно, даже в большей степени по какой-то более глубокой причине, пока не понятой нами, но лежащей за эмпирическим законом, что Восток есть Восток, а Запад есть Запад.

Что касается самих селевкидских царей, то они оставляют у нас, какими бы малоизвестными ни были их характеры и поступки, четкое впечатление приближения к традиционному типу греков римской эпохи и последующих времен. Как династия, они, по-видимому, были быстро испорчены властью, были амбициозны, но легко довольствовались демонстрацией и поверхностью успеха, были неспособны и презирали тщательную организацию, мало разбирались в политике и проявляли меньшее упорство в ее достижении. Это правда, что наша разрозненная информация исходит в основном от авторов, которые несколько презирали их; но известная история империи Селевкидов, завершившаяся необычайно легким и позорным крахом перед Римом, подтверждает суждение о том, что, взятые друг с другом, ее цари были поверхностными людьми и бессистемными правителями, которые были больше обязаны случаю, чем благоразумию, тем, что их династия просуществовала так долго.

Их самой сильной опорой была Сирия, и, в конце концов, это была их единственная опора. В нашем сознании они ассоциируются, в частности, с великим городом Антиохией, который первый Селевк основал в Нижнем Оронте, чтобы наладить торговлю с Египтом, Месопотамией и Малой Азией в Северной Сирии. Но, на самом деле, своей славой этот город обязан главным образом последующим римским правителям. Ибо он стал столицей Селевкидов только во втором веке до нашей эры - пока к 180 году династия, потерявшая как Западные, так и Восточные провинции, не была вынуждена довольствоваться только Сирией и Месопотамией. Тогда не только парфяне пришли из Туркестана к югу от Каспия (их цари носили иранские имена, но разве они, как и нынешние правители Персии, не были на самом деле турками?), но и Мидия провозгласила независимость, и Персия отошла к власти местных князей в Фарсе. Селевкия на Тигре фактически превратилась в пограничный город, столкнувшийся с иранской и парфянской опасностью, которой имперская неспособность Селевкидов позволила развиться, и даже Рим никогда не смог бы ее развеять. На другом фланге империи столетие попыток Селевкидов разместить штаб-квартиру в Западной Малой Азии, будь то в Эфесе или Сардах, и оттуда осуществлять скрытые замыслы в отношении Македонии и Греции, было решено в пользу Пергама оружием и мандатом грядущего арбитра Востока, Римской республики. Вынужденный отступить к югу от Тавра после битвы при Магнезии в 190 году, в срочном порядке выведенный из Египта двадцать лет спустя, когда Антиох Эпифан надеялся компенсировать потерю запада и востока завоеванием юга, у Селевкидов не было выбора столицы. Отныне это должна быть Антиохия или ничего.

Однако то, что македонская династия была вынуждена сконцентрировать в северной Сирии весь эллинизм, который у нее был (хотя после Антиоха Епифана его эллинизм неуклонно уменьшался) в течение последних двух столетий до начала христианской эры, должно было оказать огромное влияние на мировую историю. Ибо это было одной из двух определяющих причин усиления влияния эллинизма на западных семитов, которое в конечном итоге вылилось в христианскую религию. От Киликии на севере до Финикии и Палестины на юге такая высшая культура, такие философские исследования, какие там были, все больше и больше попадали под влияние греческих идей, особенно идей Школы стоиков, основателем и главным учителем которой (об этом никогда не следует забывать) был семит, родившийся примерно за триста лет до Иисуса из Назарета. Эллинизированный университет Тарса, в котором получил образование Савл, и эллинистическая партия в Палестине, чье желание превратить Иерусалим в южную Антиохию вызвало борьбу маккавеев, оба были в какой-то мере обязаны своим существованием и продолжающейся жизнеспособностью существованию и большему росту Антиохии на Оронте.

Но Финикия и Палестина были обязаны большей частью своего эллинизма другому эллинизированному городу и другой македонской династии - Александрии и Птолемям. Поскольку короткий маккавейский период палестинской истории, в течение которого Селевкиды действительно удерживали всю Сирию, очень хорошо и широко известен, склонны забывать, что почти на протяжении всех других периодов эллинистической эпохи южная Сирия, то есть Палестина и Финикия, а также Кипр и побережье Леванта вплоть до Памфилии, находились под политическим господством Египта. Первый Птолемей присоединил к своей провинции некоторые из этих азиатских округов и городов, и в частности Палестину и Целесирию, очень скоро после того, как принял командование Египтом, и, не скрывая своего намерения сохранить их, построил флот, чтобы обеспечить свою цель. Он очень хорошо знал, что если Египет хочет постоянно владеть какой-либо территорией за пределами Африки, он должен быть владычицей моря. После кратковременного поражения от сына Антигона Птолемей укрепил свои позиции, когда отец был мертв; и Кипр также определенно перешел к нему в 294 году. Его преемник, в пользу которого он отрекся от престола девять лет спустя, завершил завоевание материкового побережья прямо вокруг Леванта за счет наследника Селевка. В итоге Птолемеи сохранили почти все, что таким образом завоевали первые два царя династии, пока их не вытеснил Рим, за исключением промежутка чуть более чем в пятьдесят лет, с 199 по 145 год; и даже во второй половине этого периода южная Сирия снова находилась под египетским влиянием, хотя номинально являлась частью пошатнувшегося царства Селевкидов.

Цель, которую преследовали македонские цари Египта, завоевывая и удерживая тонкую прибрежную полосу материка за пределами Африки и некоторые островные посты от Кипра до Киклад, была явно коммерческой: получить контроль над общей торговлей Леванта и некоторыми конкретными поставками (в частности, корабельной древесины) для их королевского порта Александрия. Первый Птолемей хорошо понимал, почему его учитель основал этот город после разрушения Тира и почему он прилагал столько усилий как раньше, так и позже, чтобы обезопасить свое средиземноморское побережье. Своей цели Птолемеи достигли в достаточной степени, хотя они так и не устранили конкуренцию со стороны Родосской республики и были вынуждены уступить ей командование Эгейским морем после битвы при Косе в 246 году. Но Александрия уже стала великим как семитским, так и греческим городом и продолжала оставаться таковой на протяжении последующих веков. Говорят, что первый Птолемей переселил в Египет много тысяч евреев, которые быстро примирились со своим изгнанием, если оно действительно когда-либо было вынужденным; и насколько велико было его еврейское население к правлению второго Птолемея и насколько открыто эллинскому влиянию, может быть достаточно проиллюстрировано тем фактом, что в Александрии во время этого правления еврейские писания были переведены на греческий группой ученых-семитов, которая с тех пор известна как Септуагинта. Хотя последовательной политикой Птолемеев было не поощрять эллинский прозелитизм, неизбежное влияние Александрии на южную Сирию было сильнее, чем то, которое сознательно оказывал Антиох Епифан или любой другой селевкид; и если финикийские города стали очагами эллинской науки и философии к середине третьего века, и если Йешуа или Ясон, первосвященник Иеговы, сто лет спустя обратившийся к своему сюзерену за разрешением сделать Иерусалим греческим городом, имели за своей спиной сильную партию, стремившуюся носить на улице шляпы и вообще ничего не носить. в гимназии главная заслуга - или главная вина - должна принадлежать Александрии, а не Антиохии!

Однако, прежде чем все это смешение семитской религиозности с эллинскими философскими идеями и с чем-то от старой эллинской мансурности, сохранившейся даже при македонских властителях и изменившей умы азиатов, смогло проявиться в христианстве, половина Востока с его рассеянными наследниками Александра перешла под общее и более сильное иго Рима. Александрия времен Птолемеев и Селевкидская Антиохия подготовили семитскую почву для зарождения новой религии, но именно широкий и надежный мир Римской империи привел к ее рождению и дал ей простор для роста. Ей предстояло расти, как известно всему миру, на запад, а не на восток, демонстрируя своими первыми успехами и первыми неудачами, как много эллинизм вложил в ее создание. Азиатская карта христианства в конце, скажем, четвертого века существования последнего, покажет, что оно очень точно ограничено пределами, до которых империя Селевкидов довела греков в любом значительном количестве, и дальнейшими пределами, до которых римляне, которые эффективно правили значительной частью, оставленной в стороне их македонскими предшественниками - например, большей частью центральной и восточной Малой Азии и всей Арменией, - продвинули своих греко-римских подданных.

За этими пределами ни эллинизму, ни христианству в ту эпоху не суждено было пустить глубоких корней или принести прочные плоды. Дальний Восток - то есть Восток за Евфратом - оставался невосприимчивым и нетерпимым к обоим влияниям. Мы видели, как почти все это отпало от Селевкидов за много поколений до рождества Христова, когда кольцо княжеств мидийское, Парфянское, персидское, Набатсейское освободило сердце Востока от его кратковременного рабства Западу; и хотя Рим, а вслед за ней Византия, снова продвинули границу эффективного европейского влияния несколько восточнее, их эллинизм никогда не смог бы снова захватить то сердце, которое не удалось удержать Селевкидам. Это не означает, что ничто из эллинизма не распространилось к востоку от Месопотамии и не оставило неизгладимого следа. Искусство парфян и сасанидов, раннее буддийское искусство северо-западной Индии и китайского Туркестана, некоторые черты даже раннего мусульманского искусства, а также некоторые элементы ранней мусульманской доктрины и имперской политики опровергают любые огульные утверждения о том, что ничто греческое не пустило корни за пределами Римской империи. Но в нем было очень мало от эллинизма и совсем не было его сути. Мы не должны обманываться простым заимствованием экзотических вещей или сиюминутным пристрастием к иностранной роскоши. То, что парфяне были свидетелями представления "Вакханок" Еврипида, когда в Ктесифон привезли голову несчастного Красса, не больше доказывает, что у них был западный дух, чем наш вкус к китайским диковинкам или японским пьесам доказывает, что мы знакомы с духом Востока.

Восток, в общем, оставался Востоком. В конце концов, Запад так мало затронул ее, что в свое время ее религиозность была бы беременна еще одной религией, противоположной эллинизму, и она была так мало ослаблена, что снова отвоевала бы все, что потеряла, и даже больше, и сохранила бы Здесь, в Азии, политическую и культурную независимость от Запада до наших дней. Если современная Европа захватила некоторые части великолепного Востока, которые никогда не принадлежали Македонии или римлянам, давайте вспомним в нашей расовой гордости, что почти все, чем македонцы и римляне владели в Азии, с тех пор было потеряно для Запада. Европа может и, вероятно, снова восторжествует там; но поскольку это должно произойти благодаря цивилизации, в создании которой религия, рожденная в Азии, была первостепенным необходимым фактором, будет ли Запад даже тогда скорее кредитором, чем должником Востока?

ПРИМЕЧАНИЕ О КНИГАХ

Источники, приведенные в конце книги профессора Дж. Л. Майрса "*На заре истории*" (сам по себе авторитетный источник), хранящейся в библиотеке Домашнего университета, в значительной степени подходят для тех, кто желает более подробно ознакомиться с темой настоящего тома, поскольку те (например, географические работы, приведенные в "*Заре истории*", стр. 253, параграф 2), которые не являются более или менее существенной подготовкой к изучению Древнего Востока в любой период, в основном касаются исторической, а также доисторической эпохи. Однако, чтобы избавить читателей от ссылок на другой том, я повторю здесь наиболее полезные книги проф. Список Майрса, добавив в то же время некоторые другие, некоторые из которых появились после выхода его книги.

Для истории всего региона в период, охватываемый моей книгой, наиболее авторитетным является "*Книга перемен*" Э. Мейера, новое издание которой находится в процессе перевода на французский язык и уже частично опубликовано. Sir G. Maspero's *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique* (English translation in 3 vols. под названиями *Рассвет цивилизации* (Египет и Халдея); *Борьба народов* (Египет, Сирия и Ассирия); *Распад империй*) по-прежнему ценен, но несколько устарел. Недавно появилась более современная и удобная книга, чем любая из них, - "*Древняя история Ближнего Востока*" мистера Х. Р. Холла (1913), в которой собрано не только то, что было в книгах мистера Холла и мистера Кинга, цитируемых профессором. Майрес, но также содержание книг Мейера, Масперо и других, а также результаты более поздних исследований, в некоторых из которых автор принимал участие. Эта книга охватывает как Египет, так и Эгейское море, помимо Западной Азии.

Что касается специальной истории Вавилонии и Ассирии и их империй, то книга Р. У. Роджерса "*История Вавилонии и Ассирии*", 2 тома, была обновлена и является наиболее удобным изложением для английского читателя. "*История Вавилонии и Ассирии*" Х. Винклера (перевод с немецкого Дж. А. Крейга, 1907) более блестящая и наводящая на размышления, но ее следует использовать с большей осторожностью. "*Западная Азия во времена Саргона II*" А. Т. Олмстеда. "*Ассирия*" (1908) - поучительное исследование Ассирийской империи в период ее расцвета.

"О хеттской империи и цивилизации" Дж. Гарстанга "*Земля хеттов*" (1910) - лучшая книга последнего времени, претендующая на полноту. Но следует иметь в виду, что в настоящее время этот вопрос находится в стадии обсуждения, что проводимые раскопки значительно дополнили имеющиеся свидетельства и что очень немногие из архивов Богхазкеи были опубликованы на момент выхода книги Гарстанга. Статьи Д. Г. Хогарта о хеттах, в Enc. Brit и Enc. Brit. В ежегоднике обобщены некоторые более свежие исследования; но нет действительно актуального сборника исследований хеттов.

Для семитской истории Сирии, вероятно, будет достаточно цитированных выше Роджерса и Винклера, а также для народов урарту. Что касается Западной Малой Азии и греков, то, помимо книги Д. Г. Хогарта "*Иония и Восток*", в новом издании "*Истории*" Белоха есть все, и даже больше, чем все, что может потребоваться широкому читателю. Если ему трудно говорить по-

немецки, он должен обратиться к *Истории Греции* Дж.Б. Бери и к более поздней части *Древней истории Ближнего Востока* Холла, цитированной выше. Для завоевания Александра он может обратиться к Дж. Карсту, *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, Vol. I (1901), Б. Нисе, *"История греческого и македонского государства"* (1899) или Д.Г. Хогарта, *"Филипп и Александр Македонские"* (1897); но за всем этим стоит великая работа Дж. Г. Дройзена *"Об эллинизме"* (французский перевод).

Наконец, четвертый английский том *Истории Греции* А. Холма (1898) и *Дом Селевка* Э.Р. Бевана (1902) содержат большую часть того, что известно об эллинистической эпохе в Азии.